

68(4) 2025

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ФН

**RUSSIAN JOURNAL OF  
PHILOSOPHICAL SCIENCES**

---

- ◆ *ГЕГЕМОНИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ*
- ◆ *ПЕРМАНЕНТНАЯ ТУРБУЛЕНТНОСТЬ*
- ◆ *ИНСТИТУТ БЕЗНРАВСТВЕННОГО*
- ◆ *ИНТЕГРАТИВНАЯ ИДЕОЛОГИЯ*
- ◆ *СУРРОГАТНАЯ ДУХОВНОСТЬ*
- ◆ *РЕДИСТРИБУТИВНАЯ ЭКОНОМИКА*
- ◆ *ГОСУДАРСТВО-ЦИВИЛИЗАЦИЯ  
VS ГОСУДАРСТВО-КОРПОРАЦИЯ*

МОСКВА  
ГУМАНИТАРИЙ

MOSCOW  
HUMANIST PUBLISHING HOUSE

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ  
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ  
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКАДЕМИЯ  
ГУМАНИТАРНЫХ  
ИССЛЕДОВАНИЙ

ФН

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Том 68. № 4/2025

Научный образовательный просветительский журнал  
Издается с 1958 года

Журнал включен в «Реферативный журнал» и в базы данных  
**ВИНИТИ РАН, Российский индекс научного цитирования,  
EBSCO Academic Complete Search, The Philosopher's Index.**

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной  
справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям  
**«Ulrich's Periodicals Directory»**

DOI: 10.30727/0235-1188

Москва  
Гуманитарий

### **Международная редакционная коллегия**

Председатель международной редакционной коллегии **Гусейнов А.А.**

**Амилеби С.А.**, д.филос., проф. Ун-та Джорджа Вашингтона (США); **Бараш Дж.Э.**, д.филос., проф. Ун-та Пикардия им. Ж. Верна (Франция); **Брес И.**, проф., гл. ред. «Revue philosophique de la France et de l'étranger» (Франция); **Денн М.**, д.филос., проф., координатор отношений и международных проектов с Россией и странами Восточной Европы Ун-та Бордо им. Монтеня (Франция); **Майнцер К.**, проф. Мюнхенского технического университета, научный директор Академии им. Карла фон Линде (Германия); **Тиханов Г.**, д.филос., зав. кафедрой сравнительного литературоведения Лондонского ун-та Королевы Марии (Великобритания); **Чжан Байчунь**, проф. Пекинского педагогического университета (Китай); **Штольценберг Ю.**, д.филос., проф. Ун-та Галле-Виттенберга им. М. Лютера (Германия); **Эпштейн М.**, проф. Ун-та Эмори (США), директор Центра обновления гуманитарных наук Даремского ун-та (Великобритания); **Эспехо Р.**, д.филос., президент Международной организации систем и кибернетики (Великобритания), приглашенный проф. Ун-та Сантьяго (Чили).

### **Редакционная коллегия**

Председатель редакционной коллегии **Смирнов А.В.**

**Автономова Н.С.**, ак. Академии гуманитарных исследований (АГИ), д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Блауберг И.И.**, д.филос.н., в.н.с. ИФ РАН; **Вдовина И.С.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Водолазов Г.Г.**, ак. Академии политической науки (АПН), вице-президент АПН, проф. МГИМО (У); **Гусейнов А.А.**, ак. РАН, ВРИО директора ИФ РАН; **Давыдов А.П.**, д.культурологии, гл.н.с. ИС РАН; **Дубровский Д.И.**, д.филос.н., проф., гл.н.с. ИФ РАН; **Журавлев А.Л.**, ак. РАН, научный руководитель ИП РАН; **Клюев А.С.**, д.филос.н., проф. РГПУ им. А.И. Герцена; **Лепский В.Е.**, д.психолог.н., проф., гл.н.с. ИФ РАН; **Михайлов И.А.**, к.филос.н., с.н.с. ИФ РАН; **Пантин В.И.**, ак. АПН, зав. отделом ИМЭМО РАН; **Порус В.Н.**, д.филос.н., руководитель Школы философии фак-та гум. наук НИУ ВШЭ; **Розин В.М.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Сиземская И.Н.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Смирнов А.В.**, ак. РАН, зам. академика-секретаря Отделения общественных наук РАН, ВРИО зам. директора ИФ РАН; **Смолин О.Н.**, ак. РАО, 1-й зам. пред. комитета ГД ФС РФ по образованию и науке; **Соловьёв А.В.**, к.филос.н., доц. МГУ имени М.В. Ломоносова; **Степанянц М.Т.**, ак. АГИ, д.филос.н., зав. кафедрой ЮНЕСКО ИФ РАН; **Тульчинский Г.Л.**, д.филос.н., проф. НИУ ВШЭ (СПб); **Федотова В.Г.**, ак. РАЕН, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Черниговская Т.В.**, чл.-корр. РАО, д.б.н., д.ф.н., проф., зав. кафедрой СПбГУ; **Шевченко В.Н.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН.

### **Редакция:**

Главный редактор **Дубровский Д.И.**

Научный редактор **Винник Д.В.**

Редактор отдела культурологии и религиоведения **Дуркин Р.А.**

Литературный редактор **Чулкова Е.С.**

Верстка: **Топилина В.М.**

**E-mail: academyRH@list.ru**

**<http://www.phisci.info>**

**Шеф-редактор Мариносян Х.Э.**

THE MINISTRY OF SCIENCE  
AND HIGHER EDUCATION OF  
THE RUSSIAN FEDERATION

ACADEMY FOR  
RESEARCH INTO  
THE HUMANITIES

ФН

RUSSIAN JOURNAL OF  
PHILOSOPHICAL SCIENCES  
(FILOSOFSKIE NAUKI)

Vol. 68. No. 4/2025

Scientific and Educational Journal  
Published since the Year 1958

The journal is listed in the *Abstracts Journal* and **databases of the VINITI** (All-Russian Institute for Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences), **Russian Index of Science Citation, EBSCO Academic Complete Search, The Philosopher's Index.**

The information about the journal is published annually  
in the international information system on serial publications

*Ulrich's Periodicals Directory*

DOI: 10.30727/0235-1188

Moscow  
Humanist Publishing House

### International Editorial Board:

Chairman of the International Editorial Board **Guseinov A.A.**

**Barash J.A.**, Dr., Prof., Jules Verne University of Picardy (France); **Brès Y.**, Dr., Prof. em., Paris Diderot University – Paris 7, Editor-in-Chief of the *Revue philosophique de la France et de l'étranger* (France); **Dennes M.**, Dr., Prof., coordinator of relations and international projects with Russia and other Eastern European countries, Montaigne Bordeaux 3 University (France); **Epstein M.**, Ph.D., S.C. Dobbs Prof. at Emory University (USA), Director of the Centre for Humanities Innovation at Durham University (UK); **Espejo R.**, Ph.D., President of the World Organisation of Systems and Cybernetics (UK), Visiting Prof. at the University of Santiago (Chili); **Mainzer K.**, Dr., Prof. em., Technical University of Munich (Germany); **Stolzenberg J.**, Dr., Prof. em., Martin Luther University of Halle-Wittenberg (Germany); **Tihanov G.**, Ph.D., George Steiner Professor of Comparative Literature at Queen Mary University of London (UK); **Umpleby S.A.**, Ph.D., Prof., The George Washington University (USA); **Zhang Baichun**, Prof., Beijing Normal University (China).

### Editorial Board:

Chairman of the Editorial Board **Smirnov A.V.**

**Avtonomova N.S.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Blauberg I.I.**, D.Sc., Lead.Res.Fell., IPhRAS; **Chernigovskaya T.V.**, RAE Corr Memb., D.Sc., Prof., Head of the Department at Saint Petersburg State University (Saint Petersburg); **Davydov A.P.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., Institute of Sociology of the RAS; **Dubrovsky D.I.**, D.Sc., Prof., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Fedotova V.G.**, RANS Full Memb., Prin.Res.Fell., IPhRAS, Ph.D.; **Guseynov A.A.**, RAS Full Memb., Director of the Institute of Philosophy of the RAS; **Klujev A.S.**, D.Sc., Prof., Herzen University; **Lepskiy V.E.**, D.Sc., Prof., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Mikhaylov I.A.**, Ph.D., Sen.Res.Fell., IPhRAS; **Pantin V.I.**, Academy of Political Sciences (Russia) Full Memb., Head of the Department at the Institute of World Economy and International Relations of the RAS; **Porus V.N.**, D.Sc., Head of the Department at the NRU HSE; **Rozin V.M.**, D.Sc., Lead.Res.Fell., IPhRAS; **Shevchenko V.N.**, D.Sc., Prin.Res. Fell., IPhRAS; **Sizemskaya I.N.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Smirnov A.V.**, RAS Full Memb., Deputy Academician-Secretary of the Department of Social Sciences of the RAS, Acting Deputy Director of the Institute of Philosophy of the RAS; **Smolin O.N.**, RAE Corr Memb., First Deputy Chairman of the Russian State Duma Committee for Education; **Soloviev A.V.**, Ph.D., Assoc. Prof., Lomonosov Moscow State University; **Stepanyants M.T.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., UNESCO Chairholder at the IPhRAS; **Tulchinskii G.L.**, D.Sc., Prof., NRU HSE (St. Petersburg); **Vdovina I.S.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Vodolazov G.G.**, APS Full Memb., Vice President of the Academy of Political Sciences (APS), Prof., Moscow State Institute of International Relations; **Zhuravlev A.L.**, RAS Full Memb., Chief Scientific Officer of the Institute of Psychology of the RAS.

### Editorial Staff:

Main Editor Dubrovsky D.I.

Scientific Editor Vinnik D.V.

Cultural and Religious Studies Department's Editor Durkin R.A.

Literary editor Chulkova E.S.

Page Layout: Topilina V.M.

E-mail: [academyRH@list.ru](mailto:academyRH@list.ru)

<http://www.phisci.info>

Editor-in-Chief Marinossyan Kh.E.

ОГЛАВЛЕНИЕ

**СОВРЕМЕННОСТЬ:  
ВЫЗОВЫ. РЕАЛИИ. ПЕРСПЕКТИВЫ**

**Идеология  
в стратегии развития России ■**

<i>Х.Э. МАРИНОСЯН</i>	Идеология в эпоху цивилизационных вызовов и глобальных трансформаций	7
<i>В.Н. ШЕВЧЕНКО</i>	Проблемы формирования лидера в современном российском обществе	18
<i>С.В. ИЛЬИНСКАЯ</i>	Государственная идеология как вектор развития локальной цивилизации	44
<i>В.И. СПИРИДОНОВА</i>	Кризис государства-нации: выбор между государством-корпорацией и государством-цивилизацией	66
<i>Г.Н. МЕЗЕНЦЕВ, А.В. НИКАНДРОВ</i>	Демаркация государственной и партийных идеологий	88

**Миссия образования ■**

<i>А.О. КАРПОВ</i>	Онтология образования будущего: фундаментальные проблемы и модели образования	107
--------------------	---	-----

**НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**

**Конференции, семинары,  
круглые столы ■**

<i>К.Ю. АЛАСАНИЯ, Е.Н. МОЩЕЛКОВ, А.В. НИКАНДРОВ, Т.Н. СЕДЫХ</i>	Духовно-нравственные ценности в геополитическом противостоянии XXI века (аналитический обзор Международной научной конференции «XXII Панаринские чтения», 19 февраля 2025 года, философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва)	138
---	--	-----

CONTENTS

CONTEMPORANEITY:  
CHALLENGES. REALITIES. PROSPECTS

**Ideology in Russia's  
Development Strategy ■**

<i>Kh.E. MARINOSYAN</i>	Ideology in the Age of Civilizational Challenges and Global Transformations	7
<i>V.N. SHEVCHENKO</i>	Integrative Ideology for the Effective Development of the Russian State and the Problem of Leadership in Contemporary Society	18
<i>S.G. ILINSKAYA</i>	State Ideology as a Vector of Local Civilization's Development	44
<i>V.I. SPIRIDONOVA</i>	The Crisis of the Nation-State: Choosing Between the Corporate State and the Civilizational State	66
<i>G.N. MEZENTSEV, A.V. NIKANDROV</i>	Demarcation between State and Party Ideologies	88

**The Mission of Education ■**

<i>A.O. KARPOV</i>	Ontology of the Education of the Future: Fundamental Problems and Models of Education	107
--------------------	---	-----

ACADEMIC LIFE

**Conferences, Seminars, Round Tables ■**

<i>K.Yu. ALASANIA, E.N. MOSCHELKOVA, A.V. NIKANDROV, T.N. SEDYKH</i>	Spiritual and Moral Values in the Geopolitical Confrontation of the 21 <sup>st</sup> Century: The Analytical Summary of the International Scientific Conference "XXII International Panarin Readings" (February 19, 2025, Lomonosov Moscow State University, Moscow)	138
--	--	-----



**СОВРЕМЕННОСТЬ:  
ВЫЗОВЫ. РЕАЛИИ. ПЕРСПЕКТИВЫ**



**Идеология в стратегии  
развития России**



Введение в рубрику  
Section introduction

**Идеология в эпоху цивилизационных вызовов  
и глобальных трансформаций**

*Идеология –  
главный символ  
государственности.*

В настоящем номере журнала мы продолжаем дискуссию, начатую в 2023 году в рубрике «Идеология и стратегия развития России»<sup>1</sup>, посвященной осмыслению цивилизационного проекта современной России и поиску соответствующих идеологических оснований для динамичного развития российской государственности в XXI веке. Актуальность обозначенной проблематики стала очевидной давно, а необходимость возрождения государственной идеологии как отраженной в конституции страны объединяющей все слои населения, монолитной политической концепции, как научно-методологического основания для разработки стратегии дальнейшего политического, социокультурного, экономического развития государства и, что исключительно важно, практического ориентира прямого (непосредственного) действия в отношении каждого члена общества в настоящее время стала еще более настоятельной. Идеология, так же, как и гимн, герб, флаг, является символом Государственности!

События последних лет убедительно демонстрируют, что мир вступил в эпоху фундаментальных трансформаций, когда прежние модели политического, экономического и социокультурного устройства уже не способны обеспечить его дальнейшую стабильность, а тем более позитивное развитие. Для России в этих условиях вопросы о формировании собственной национальной идеологии, соответствующей ее уникальным семейным, образовательным, социокультурным, хозяйственным традициям и опыту исторического развития, перестают быть предметом сугубо теоретических рассуждений и переходят в плоскость насущных практических

<sup>1</sup> См.: Философские науки. 2023. Т. 66. № 3.

задач, от решения которых зависит непосредственно существование России как самостоятельной, самодостаточной, самобытной цивилизации.

Представленные в настоящем выпуске журнала статьи образуют целостное проблемное поле, в пределах которого исследуются различные аспекты цивилизационной идентичности России и перспективы ее идеологического самоопределения. Из представленных в журнале работ складывается определенная система требований к государственной идеологии современной России. Она должна быть интегративной (термин В.Н. Шевченко), синтезирующей различные идейные течения и альтернативные представления о будущем нашего государства с точки зрения укрепления собственной политической позиции и статуса мировой державы в новом глобальном мироустройстве в единое гармоничное целое. Безусловно, она ни политически, ни духовно-нравственно не должна подавлять кого бы то ни было, а должна быть призвана предлагать конкретные ответы на фундаментальные вопросы стратегического развития во благо всего общества в целом. Наконец, государственная идеология должна давать убедительные ответы на многочисленные вызовы современности, формулируя стратегию сохранения и развития российской цивилизационной идентичности в условиях стремительных глобальных изменений в политической, экономической, социокультурной и особенно в ментальной сфере.

Важно осознать, что человечество переживает сегодня один из наиболее судьбоносных этапов своей истории. Перед нами, как и перед всеми людьми планеты, стоят вызовы, которые по своему масштабу и значению выходят далеко за пределы традиционной политической и социально-экономической проблематики. Речь идет о поиске новых принципов выстраивания диалога (в первую очередь, посредством поиска серединного<sup>2</sup>) для организации взаимоприемлемых конструкций взаимодействия между государствами в условиях краха однополярного мира и формирования предлагаемых новыми сильными субъектами мировой политики моделей многополярной системы международных отношений. Еще более фундаментальным является вызов, связанный с бурным развитием искусственного интеллекта (ИИ) и других прорывных наукоемких технологий, в том числе информационно-коммуникационных, биофизических, широкого спектра нейротехнологий, которые радикально изменяют природу самого человека и условия его существования. Управление такими технологиями и техническими системами, выработка этических и правовых установок их применения становится вопросом выживания человечества в целом.

<sup>2</sup> См.: *Философские науки*. 2024. Т. 67. № 2, № 4; 2025. Т. 68. № 3.

В совокупности эти вызовы затрагивают не просто **цивилизационные**, но **эволюционные** основы существования самого человека как биологической и социокультурной сущности.

В данном контексте полагаем принципиально важным обратить внимание на концепцию коэволюции, восходящую, в том числе, к идеям выдающихся отечественных ученых В.И. Вернадского, Н.Н. Моисеева, их учеников и последователей. Концепция коэволюции предлагает обширный научно-обоснованный методологический ресурс для понимания того, как должна быть устроена идеология государства-цивилизации, претендующего на выживание и развитие в условиях глобальных трансформаций. Эта концепция перестала быть предметом лишь научных дискуссий и в настоящее время служит практическим ответом на вопрос о том, как согласовать развитие общества с существующими и далее множащимися ограничениями, объективно накладываемыми, с одной стороны, природной средой, а с другой – социальной и глобальной реальностью. В.И. Вернадский, сформулировавший учение о ноосфере как сфере взаимодействия природы и разума, указал на фундаментальный парадокс человеческой цивилизации: человеческий интеллект стал геологической силой, способной перестраивать биосферу планеты, но при этом остается по-прежнему подчиненным законам биосферы. Развивая наследие В.И. Вернадского, Н.Н. Моисеев, как ученый разработал и как один из основоположников экологического движения предложил к воплощению концепцию экологического императива, очерчивающего строгие границы допустимого воздействия человека на природу, нарушение которых может привести к необратимому разрушению биосферы, а следовательно, к вымиранию самого человечества как биологического вида. Но экологический императив, как показал Н.Н. Моисеев, в свою очередь, неразрывно связан с нравственным императивом – системой ценностей, которая бы соответствовала задачам согласованного развития природы, человека, общества и государства. Иными словами, коэволюция не может быть достигнута через простое механическое ограничение производства или технократическое управление ресурсами. Она требует глубокого качественного преобразования мировоззрения человека, формирования принципиально новой системы ценностей, в итоге выраженной в формате именно государственной идеологии.

Концепция коэволюции, изначально разработанная в биологических науках для описания равномерной эволюции взаимодействующих видов, сегодня приобретает фундаментальное значение для понимания динамики развития человеческих сообществ, определения жизнеспособных моделей будущего и выработки стратегических направлений для их реализации.

В современной науке сформировался ряд взаимодополняющих теорий коэволюции. Каждая из них раскрывает различные аспекты взаимодействия общества, культуры и природы. Теория социально-экологической коэволюции, или коэволюции социо-экологических систем (Э. Остром, К. Фолке, Ф. Беркес, К.С. Холлинг), рассматривает общество и природную среду как единую сложную адаптивную систему, в которой социальные институты, практики природопользования и экологические процессы находятся в отношениях взаимной обусловленности, а центральным понятием выступает социоэкологическая резильентность – способность системы поглощать возмущения, сохраняя базовые функции и структуру. Согласно теории генно-культурной коэволюции, или теории двойной наследственности (Л.Л. Кавалли-Сфорца, М. Фельдман, Ч. Ламсен, Э. Уилсон, Р. Бойд, П. Ричерсон), человеческие характеристики являются результатом взаимосвязанных генетической и культурной эволюции. Концепция конструирования ниши (Дж. Одлинг-Сми, К. Лаланд, М. Фельдман) расширяет это понимание, показывая, что люди через свою деятельность активно изменяют собственные эволюционные ниши и передают модификации следующим поколениям как форму экологического и социального наследования, а модифицированная среда создает новое селективное давление. Наконец, теория культурного группового отбора, или многоуровневого отбора (Д.С. Уилсон, Э. Собер), объясняет эволюцию крупномасштабной кооперации через действие естественного отбора одновременно на индивидуальном и групповом уровнях. Культурный групповой отбор поддерживает культурные различия между группами и создает условия для возникновения сложных форм социальной кооперации

Теория генно-культурной коэволюции предлагает своеобразную трактовку для объяснения движущих сил человеческой эволюции. Основной тезис этой теории заключается в том, что человеческие характеристики являются результатом двух взаимодействующих эволюционных процессов – генетической и культурной эволюции, которые находятся в постоянном взаимном влиянии. Изменения в генах могут приводить к изменениям в культуре, которые затем, в свою очередь, влияют на генетический отбор. И далее таким образом взаимно влияют друг на друга, содействуя развитию определенных форматов межличностных и социальных отношений. Принципиально важно отметить, что культурная эволюция происходит значительно быстрее генетической, что делает культуру ведущим процессом в этом коэволюционном взаимодействии. Такая временная асимметрия впоследствии оставляет глубокий след: культурные инновации создают новые селективные среды,

которые впоследствии формируют генетические адаптации на протяжении столетий и даже тысячелетий.

Концепция коэволюции человека и технологий приобретает важное значение в современную эпоху бурного развития нейротехнологий и ИИ. Некоторые исследователи (П.Б. Рейни, М.Э. Хохберг), отталкиваясь от реалий, выдвигают, конечно, спорную, но теоретически обоснованную перспективу: люди и ИИ могут составить новый эволюционный индивид.

Возвращаясь непосредственно к значимости идеологии в государственном строительстве и развитии государственности, с учетом вышеизложенного отметим, что для формирования идеологии как основы стратегии развития государства-цивилизации в контексте теории коэволюции необходимо учесть несколько принципиально важных позиций.

Во-первых, идеология должна предусматривать активную роль граждан и общественных организаций в конструировании своих эволюционных траекторий. Принцип конструирования культурной ниши по отношению к России означает, что она не просто адаптируется к внешним обстоятельствам, а активно формирует среду своего развития в глобальном мироустройстве через собственные институциональные инновации, технологические стратегии и культурные практики.

Во-вторых, признание быстрых темпов культурной эволюции, по сравнению с остальными процессами, означает, что идеология сама по себе должна обладать достаточной гибкостью для адаптации к стремительно изменяющимся условиям, при этом обязательно сохраняя стабильное ядро основных ценностей и стратегических целей.

В-третьих, теория культурного группового отбора делает акцент на важности институтов, которые поддерживают кооперацию. Идеология призвана не только провозглашать коллективные ценности, но и создавать институциональные механизмы, делающие кооперативное поведение рациональным на индивидуальном уровне – через системы справедливого распределения, социального обеспечения, солидарности и общественного признания.

В-четвертых, перспектива коэволюции человека, технологий, а теперь и техносубъекта, требует, чтобы стратегия развития включала в себя упреждающее управление технологическими траекториями. Вопросы управления ИИ, биотехнологиями, нейротехнологиями не следует рассматривать как сугубо технические, поскольку они представляют собой выбор эволюционного направления, влияющего на окружающую среду, природу самого человека и общество в целом. А идеология,

в свою очередь, должна обеспечить этические и ценностные основания для определения этих направлений.

В-пятых, концепция открытой эволюции напоминает о том, что устойчивые системы – это не те, которые достигли статического равновесия, а те, которые способны непрерывно генерировать адаптивные инновации. Так, государственная идеология в России должна культивировать институциональные условия для непрерывного творчества, экспериментирования и обновления, избегая как застоя, так и неопределенности в стратегических направлениях социокультурного, политического и экономического развития, приводящей к постоянной хаотической нестабильности.

Наконец, понимание различных временных масштабов коэволюционных процессов – от быстрой культурной эволюции до медленных институциональных изменений, среднесрочных и долгосрочных экологических последствий – требует многоуровневого стратегического планирования. Идеология должна предлагать видение, охватывающее эти различные темпоральности: оперативные ответы на текущие вызовы, среднесрочные институциональные трансформации и выбор долгосрочных цивилизационных ориентиров.

И, естественно, что идеология должна отражать единство трех составляющих коэволюционной парадигмы:

– социально-культурное измерение, которое требует сохранения фундаментальных духовно-нравственных особенностей каждой цивилизации, ее уникального совокупного вклада (науки, технологий, искусства, религии и т.д.) в человеческую историю;

– технико-инновационное измерение, предполагающее, что цивилизация не должна отказываться от научно-технического, технологического прогресса, в первую очередь от всемерного развития высоких наукоемких технологий и ИИ, но должна осуществлять его в согласованной форме, научно обоснованной, философски осмысленной, в парадигме диалога с техносубъектом, под контролем государства, с учетом нравственных принципов и предельной ответственности перед грядущими поколениями;

– эколого-цивилизационное измерение, учитывающее, что развитие государства происходит в рамках жестких экологических ограничений и что сохранение биосферы служит необходимым условием выживания цивилизации.

Концепция коэволюции пересматривает традиционное понимание идеологии. Если западная либеральная идеология пропагандирует максимизацию индивидуальной свободы и хозяйственного роста в расчете на бесконечные природные ресурсы, то коэволюционная идеология ориентирована на приоритет качества жизни, воспринимаемого как гармоничное сочетание материального

благополучия и духовно-нравственного наполнения, относясь к осознанному ограничению, как к необходимости в контексте ресурсосбережения и экономики рационального природопользования (академик Т.С. Хачатуров). Козволюционная идеология ставит в центр внимания творческую и духовную деятельность человека, преобразование его внутреннего состояния и мировоззрения как условие изменения отношения к природе, технике, обществу и социально-экономическому прогрессу.

Российское государство, ввиду своего географического положения, масштабов, полиэтнического и поликультурного многообразия, собственных традиций многовекового взаимодействия с природой и общественных отношений, обладает уникальными предпосылками для формирования и реализации коэволюционной стратегии развития. И вполне естественным видится то, что общегосударственная идеология России должна выражать идею интеграции различных этносов, конфессий и особенностей субъектов Федерации вокруг общей цели: создания такой модели развития, которая бы сочетала экономическое и социальное развитие с сохранением экологического равновесия (комплексное гармоничное социо-эколого-экономическое развитие), культурного разнообразия и вместе с тем духовно-нравственной целостности общества.

Именно такая идеология сможет ответить на вызовы эволюционного уровня, которые стоят перед человечеством в XXI веке. Как организовать взаимодействие между государствами-цивилизациями в условиях истощения глобальных ресурсов? Как управлять ИИ и другими прорывными технологиями для того, чтобы они служили целям коэволюции, а не ускорения экологического коллапса? Как сохранить человеческое достоинство и духовные основы цивилизации в условиях технологической трансформации? Как построить глобальный порядок, основанный не на господстве одной цивилизации над другими, а на принципе взаимного уважения, солидарности и всеобщего развития?

Поиск ответов на эти вопросы не должен быть ограничен одними лишь академическими суждениями, а должен привести к разработке сути современной идеологии и соответствующей государственной стратегии дальнейшего развития российской государственности. От того, сможет ли Россия предложить убедительный ответ на вызовы эволюционного уровня, зависят не только ее геополитический статус, достоинство и межгосударственное влияние, но и непосредственно возможность сохранения российской цивилизации как самобытной исторической общности, имеющей право на собственный путь развития.

Обсуждение требований к современной идеологии будет неполным, если не обратить внимание на ее практическую

функцию как интегратора и результирующего вектора государственной политики во всех ключевых сферах социокультурного и социально-экономического развития. Идеология, будучи системой убеждений, не сводится лишь к теоретическим изыскам и политической риторике, а представляет собой действенный механизм, с помощью которого формируются связи между стратегическими целями государства и реализацией его политики в области экономики, образования, науки, природопользования, культуры и в остальных сферах для эффективной реализации государственных и геополитических задач.

Эта интегративная функция приобретает исключительное значение, когда различные сферы общественной жизни становятся более взаимозависимыми, начинают нуждаться во все большем взаимодействии и требуют согласованных действий для своего эффективного развития. Современное государство часто сталкивается с ситуацией, в которой политики, реализуемые в разных областях, вступают в противоречие друг с другом. Так, экономическая политика ориентирована на максимизацию прибыли, в то время как социальная – требует перераспределения благ в пользу уязвимых групп населения и развития долгосрочных некоммерческих проектов; образовательная политика готовит специалистов для глобального рынка, в то время, как культурная – стремится сохранить национальную идентичность; научная политика поддерживает инновации, которые, как правило, наносят еще больший и часто непоправимый вред природе. Без объединяющей и гармонизирующей идеологической подосновы указанные противоречия остаются неразрешенными, приводя к рассредоточению внимания государственных структур, к их неэффективной деятельности, нерациональному использованию интеллектуального потенциала, природных и материально-технических ресурсов страны.

Идеология должна четко артикулировать, что экономика – это всего лишь инструмент, а не цель! Что экономическое развитие становится оправданным лишь постольку, поскольку оно способствует повышению качества жизни человека, его духовному развитию и долгосрочной устойчивости общества. Это означает, что государство должно активно регулировать экономику, направляя ее развитие в русло достижения стратегических целей: справедливого распределения благ, развития человеческого потенциала, сохранения национального суверенитета.

В сфере образования и науки интегративная идеология задает смысловое ценностное ядро, вокруг которого и организуется вся образовательная и научная деятельность. Без такого ядра образование распадается на набор специальностей и дисциплин, не связанных

между собой единой целью, а наука становится лишь накоплением знаний без учета их нравственных и социальных последствий. Именно государственная идеология обосновывает необходимость целостного, гуманистически ориентированного образования, которое формирует не просто квалифицированных работников, а социально ответственных граждан, гармонично развитых личностей, способных размышлять о смысле своей деятельности, собственной роли в обществе, смысле жизни. В науке идеология задает приоритеты исследований, обеспечивает этические ориентиры научной деятельности с целью предотвращения ситуации, в которой научный прогресс становится средством разрушения общества и природы.

В области природопользования идеология формирует новое отношение человека к природе, уходя от логики ее безграничной эксплуатации к логике коэволюции. Она обосновывает необходимость переходить от ресурсодобывающей экономики к циркулярной, а также то, почему государство должно устанавливать жесткие экологические ограничения, почему охрана природы – это не препятствие развитию, а в долгосрочной перспективе его необходимое условие. В данном контексте идеология связывает экономическую политику с природоохранной, показывая, что они служат единой цели: обеспечению выживания и процветания человечества.

В культурной и информационной сферах идеология служит защитой цивилизационной идентичности от унифицирующего воздействия глобализации. Она обосновывает необходимость поддержки национальной культуры, сохранения языка и исторической памяти, развития искусства и литературы как сферы выражения уникального мировоззрения народа. Вместе с тем идеология задает критерии для отличия подлинной культуры от ее коммерческих проектов, от потребительской «массовой культуры», которая, хотя и распространяется под вывеской национального культурного продукта, на самом деле служит целям глобальной стандартизации сознания. Именно государственная идеология обосновывает то, почему государство должно финансировать и поддерживать такие виды культурной деятельности, которые не приносят прибыли, но имеют неопределимое значение для сохранения и развития духовно-нравственного потенциала нации.

В социальной политике идеология определяет принципы распределения благ и организации социальных отношений, аргументируя ответ на вопрос о том, почему справедливость, солидарность и взаимная ответственность должны быть основаниями государственной политики. Она показывает, что социальная политика – это стратегия укрепления государства и общества, поскольку социальное неравенство, ведущее к расслоению и

конфликтам, подрывают стабильность и единство. Идеология обосновывает необходимость всеобщего, равного доступа к образованию, здравоохранению, жилью и другим основным социальным благам как условия формирования сплоченного, сильного и солидарного с политикой государства общества.

Наконец, в области государственного управления и внешней политики именно идеология задает стратегию развития государства на долгосрочную перспективу, определяет, какие интересы государство защищает, каких принципов оно придерживается во взаимодействии с остальными странами. Она обосновывает суверенитет государства как право на самостоятельное определение собственного пути развития в соответствии со своей исторической традицией и цивилизационной идентичностью.

В рассматриваемой проблематике ключевой момент состоит в том, что все частные политики – экономическая, образовательная, научная, природоохранная, культурная, социальная и иные – не должны развиваться независимо друг от друга, но должны быть согласованы между собой в контексте единой идеологической парадигмы. Идеология служит своего рода архитектурным планом государственного строительства и дальнейшего развития, обеспечивая, чтобы отдельные части этого плана не вступали в противоречие между собой и складывались в единую целостную систему.

В этом контексте особое значение приобретает вопрос о том, как сохранить цивилизационные особенности в период глобальных трансформаций. Процессы глобализации, технологической унификации, культурной стандартизации создают мощное давление в направлении стирания цивилизационных различий, формирования единого «общечеловеческого» образца. Именно поэтому идеология государства-цивилизации должна быть направлена на сохранение и развитие цивилизационной идентичности при одновременной открытости к диалогу и взаимообогащению с другими цивилизациями.

Принципиальным является и то, что современная государственная идеология не должна функционировать как система директивных предписаний. Она должна представлять собой результат многосторонней коммуникации между различными слоями общества, научным сообществом и институтами государственной власти. Это означает, что не просто экономика, культура или социальная сфера подчиняются идеологическим догмам, а все социальные группы, профессиональные сообщества, региональные элиты должны принимать участие в формировании и обновлении идеологии. Особое значение приобретает согласование идеологии с научным знанием: она должна опираться на результаты фунда-

ментальных и прикладных исследований, учитывать научные данные о состоянии окружающей среды, социальных процессах, технологических трендах. Научная обоснованность не означает редукции к технократизму, но требует синтеза научного знания с духовно-нравственными традициями и цивилизационной идентичностью. Не менее значим адаптивный характер государственной идеологии. Адаптивность предполагает в ответ на появление новых общественных запросов, геополитических, технологических вызовов институционализированные процедуры периодического пересмотра идеологических положений при сохранении ценностного ядра и ориентации на стратегические цели.

Трансформируясь в условиях глобальных вызовов, российское государство должно не просто выжить, но сохранить свою сущность, историческое призвание и созидательную цивилизационную миссию. А для этого необходимы именно масштаб видения, способность мыслить категориями государственных интересов, нацеленных на долговременные исторические перспективы, а не стремление преследовать сиюминутную выгоду, исходя из текущей политической конъюнктуры. Нужно предложить ответы на вызовы цивилизационного и эволюционного порядка. Как обеспечить гармоничное развитие многонационального и многоконфессионального российского общества? Как сохранить духовные основы российской цивилизации в условиях технологической модернизации? Как выстроить отношения с окружающей природой и космическим пространством, чтобы обеспечить устойчивое развитие? Как управлять рисками, связанными с развитием ИИ и других прорывных технологий? Как способствовать формированию нового многополярного миропорядка, в котором Россия будет занимать свойственное ей достойное место?

Только через широкий, открытый наддисциплинарный диалог с участием специалистов из различных областей знания – философов, политологов, социологов, культурологов, экологов, экспертов в сфере ИИ и представителей других дисциплин, заинтересованных в размышлении над цивилизационными и эволюционными вызовами современности; через развернутую научную дискуссию и философское обобщение можно выработать единую общенациональную позицию и сформулировать научно обоснованные предложения, позволяющие разработать необходимую России государственную идеологию.

*Шеф-редактор журнала «Философские науки»,  
президент Академии гуманитарных исследований  
Х.Э. МАРИНОСЯН*

## **Интегративная идеология эффективного развития российского государства и проблема лидерства в современном обществе**

*В.Н. Шевченко*

*Институт философии РАН, Москва, Россия*

### **Аннотация**

В статье рассматриваются актуальные вопросы лидерства в современном российском обществе в контексте необходимости реализации эффективной государственной (национальной) идеологии развития. Автор обосновывает тезис о том, что успешное стратегическое развитие России невозможно без решения двух взаимосвязанных задач: формирования консолидирующей идеологической основы и подготовки социально ответственных лидеров. Основное внимание уделяется особенностям лидерства и лидеров в процессе возникновения новых общественных и общественно-политических движений. Подчеркивается, что современное общество представляет собой сложное взаимодействие институционально оформленных организаций и неформальных практик. Важным требованием к лидерам в современную эпоху становится не только наличие профессиональных знаний, но и надпрофессиональных компетенций, таких как эмпатийная компетентность, проявляющаяся в умении понимать и использовать в позитивных целях душевное и духовное состояние членов той или иной организации. В настоящее время перед обществом также стоит задача определения того, каким образом обеспечить, чтобы действия лидеров добровольных гражданских организаций носили бы социально ответственный характер. Особую роль в решении этой задачи призвана сыграть государственная (национальная) идеология, основу которой должны составлять цивилизационные характеристики современного российского общества. Такая идеология складывается как интегративная идеология наиболее значимых идеологических течений недавнего прошлого и настоящего времени. К тому же автор статьи обращает внимание на опасность подмены государственной (национальной) идеологии идеократической идеологией как светской разновидностью идеологии теократического государства. Сила интегративной идеоло-

гии заключается не в жесткости, а в способности сохранять единство стратегических национальных целей при всем многообразии ситуационных особенностей процессов развития. Сделан вывод о том, что именно интегративная идеология способна стать стержнем, который позволит сбалансировать различные общественные и государственные интересы, создавая условия для формирования инициативных и социально ответственных лидеров, а также обеспечивая высокие темпы социально-экономического развития без разрушения институционального порядка.

**Ключевые слова:** социальная философия, лидер, социальный институт, неформальные отношения, общественные движения, социальная ответственность, государственная идеология, национальная идеология, идеократическое государство, эмпатия.

**Шевченко Владимир Николаевич** – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник сектора философских проблем политики Института философии РАН, главный редактор журнала «Проблемы цивилизационного развития».

vladshevchenko@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8307-4915>

**Для цитирования:** Шевченко В.Н. Интегративная идеология эффективного развития российского государства и проблема лидерства в современном обществе // Философские науки. 2025. Т. 68. № 4. С. 18–43. DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-4-18-43

## **Integrative Ideology for the Effective Development of the Russian State and the Problem of Leadership in Contemporary Society**

*V.N. Shevchenko*

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

### **Abstract**

The article discusses current issues of leadership in contemporary Russian society within the context of implementing an effective state (national) ideology of development. The author argues that Russia's successful strategic development requires addressing two interconnected challenges: establishing a unifying ideological foundation and cultivating

socially responsible leaders. The analysis focuses particularly on leadership characteristics and the role of leaders in emerging social and socio-political movements. Contemporary society is characterized as a complex interplay between formal institutional organizations and informal practices. Modern leaders must possess not only professional expertise but also meta-professional competencies, including empathic competence – the ability to understand and constructively leverage the emotional and spiritual dimensions of organizational life. A pressing challenge facing society is determining how to ensure that leaders of voluntary civic organizations act in socially responsible ways. National ideology plays a crucial role in addressing this challenge, and should be grounded in the civilizational characteristics of contemporary Russian society. This ideology must emerge as an integrative framework synthesizing the most significant ideological currents of recent decades and the present day. The author cautions against replacing national ideology with ideocratic ideology – a secular variant of theocratic state ideology. The power of integrative ideology derives not from rigidity but from its ability to maintain unity around strategic national objectives while accommodating the diverse situational features of development processes. The article concludes that integrative ideology can serve as the cornerstone for balancing competing societal and state interests, fostering the development of initiative-taking and socially responsible leaders, and enabling rapid socio-economic progress without undermining institutional stability.

**Keywords:** social philosophy, leader, social institution, informal relations, social movements, social responsibility, state ideology, national ideology, ideocratic state, empathy.

**Vladimir N. Shevchenko** – D.Sc. in Philosophy, Professor, Honored Worker of Science of Russia, Chief Research Fellow, Department of the Philosophical Problems of Politics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; Editor-in-Chief of the *Civilization Studies Review*.

[vladshevchenko@mail.ru](mailto:vladshevchenko@mail.ru)

<https://orcid.org/0000-0002-8307-4915>

**For citation:** Shevchenko V.N. (2025) Integrative Ideology for the Effective Development of the Russian State and the Problem of Leadership in Contemporary Society. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 68, no. 4, pp. 18–43.

DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-4-18-43

## **Введение**

Россия сегодня развивается в условиях глобальных геополитических и внутренних трансформаций, требующих переосмысления путей дальнейшего движения и выработки долгосрочной стратегии. Отсутствие объединяющих идеологических принципов в ситуации конституционного запрета на государственную идеологию привело к доминированию индивидуалистических ценностей, что затрудняет мобилизацию общества для решения стратегических задач. Возвращение к собственным цивилизационным основаниям после трех десятилетий следования западным моделям поставило перед обществом и государством две взаимосвязанные задачи: формирование консолидирующей идеологической основы и создание среды, способствующей национальному и социально-экономическому развитию.

Настоящая статья посвящена обоснованию концепции интегративной идеологии, которая синтезирует элементы различных идеологических традиций – консервативной, либеральной и социалистической – при консенсусе по стратегическим вопросам государственного и общественного устройства. Такая идеология, опирающаяся на цивилизационные основы российского общества, должна служить надежным основанием для общественного согласия. Однако эффективно работающая идеология невозможна без активной деятельности социально ответственных лидеров. Поэтому в настоящее время также актуальна задача определения более ясных и понятных требований, предъявляемых к лидерам организаций разного типа, чтобы их деятельность носила позитивный созидательный характер.

## **Основания и значение**

### **государственной (национальной) идеологии**

На протяжении последних тридцати лет в обществе не прекращаются дискуссии относительно идеологии. Кажется очевидным то, что наиболее последовательными противниками государственной идеологии выступали и выступают лица, которые придерживаются вполне определенной либеральной идеологии. Ее основа и идеал – это человек-индивидуалист и частный собственник, обеспокоенный прежде всего достиже-

нием личной выгоды и успеха, выраженного в большей степени в денежном эквиваленте. При этом поощряется стремление к возможно более полной независимости от социальных обязательств перед обществом, государством, страной. Эта идеология в той или иной мере проникла сегодня во все социальные слои общества, она становится невидимой, но в действительности ощущаемой субстанцией, первоосновой общественной жизни. Отказ от либерального проекта происходит медленно и неровно, если учитывать главные сферы общественной жизни, в частности экономическую, финансовую и культурную.

Общественное мнение страны, особенно в течение последних лет, все более склоняется к тому, что российскому обществу необходима государственная (национальная) идеология, что без нее Россия как государство, российская государственность в любом обличье погибнет. Но значительных перемен в плане ее официального признания пока не наблюдается. И это далеко не случайно.

Трудности в контексте вопросов создания государственной идеологии нельзя преуменьшать. Во-первых, страна и ее граждане по-прежнему живут в широком смысле слова в переходном периоде, сопровождающемся постоянными поисками дальнейшего пути развития и упорным противоборством выдвигаемых альтернатив, нередко без достаточного обоснования. Сегодня Россия возвращается к себе, к своим цивилизационным основаниям. Нужно сделать все, чтобы это возвращение стало необратимым.

Во-вторых, отечественная философия оказалась не готовой к выполнению такой грандиозной и ответственной задачи. Как полагает академик А.В. Смирнов, «сегодня ситуация такова, что стало очевидным противоречие между замкнутостью философии, ее центрированностью на собственных проблемах, тем, что философия занимается сама собой, своими сугубо профессиональными делами, с одной стороны, и тем, что общество сегодня объективно нуждается в философском осмыслении происходящего, в философском ответе на вопрос “почему так происходит, почему за прошедшие тридцать лет мы оказались

в ситуации, когда само существование страны под угрозой?» [Смирнов 2021, 193–194]. Иными словами, обнаружилось противоречие между индивидуальным сознанием каждого философа и, с одной стороны, русской философией в целом, с другой – общественным сознанием страны. Ситуация такова, что философ не может оставаться только в рамках своей профессиональной деятельности, он обязан дать ответ на запрос общества, запрос осмысления этой ситуации.

Суть проблемы состоит в том, возможно ли совместить занятия, направленные на изучение и решение острейших вопросов современной российской действительности, с высокими целями и задачами академической философии, учитывая настороженную, порой негативную реакцию определенной части философов. Тем более что самая важная черта профессиональной философии, и этого нельзя отрицать, – плюрализм философских систем, несводимость их в прошлом, настоящем и, видимо, в будущем к единой системе. Академик А.А. Гусейнов пишет: «Идея принципиальной множественности философии имеет фундаментальное значение и задает новую основу для понимания как самой философии, так и всего процесса ее исторического развития» [Гусейнов 2004, 96]. Присутствие академической философии в форме текстов в культуре общества видится жизненно необходимым для существования общества. В целом история философии свидетельствует, однако, о том, что появление новых философских систем не решает практических задач, стоящих перед обществом. В лучшем случае они обосновывают, при этом каждая по-своему, необходимость смены вектора, направленности исторического процесса.

Если академическая философия занимается изучением теоретических вопросов бытия, познания и ценностей, создает сложные концептуальные системы, доступные узкому кругу профессионалов, то практическая (публичная) философия, как особая форма философского знания, принципиально отличная от академической философии, выполняет иную функцию. Она занимается прежде всего разработкой цивилизационных основ,

в нашем случае российского государства, поддерживает и защищает ценности своей цивилизации, выступая объединяющим принципом общества.

В современном российском обществе наблюдается ситуация, в которой создание практической (публичной) философии становится императивной необходимостью. В обществе все еще не достигнуто общенациональное согласие относительно того, в каком направлении должно идти дальнейшее развитие российского государства, каковы в этом случае важнейшие ценности, определяющие смысл жизни и направление деятельности российского человека. Речь идет об определении философско-политических границ, в пределах которых деятельность различных политических сил носила бы легитимный и, возможно, конструктивный характер. Напрямую выполнить эту задачу не под силу академической философии. Академическую философию с публичной деятельностью политически активных деятелей и лидеров различного уровня, должен соединить «переходник» – философия практическая или публичная. Ранее, в публикациях, нами неоднократно на это указывалось [Шевченко 2014], и жизнь на протяжении последних лет четко показала, что решение задачи обретения общенационального согласия возможно через обращение практически ориентированной социальной философии к выявлению глубинных цивилизационных основ российской истории. Уместно обратить внимание на взгляды американского политического мыслителя У. Липмана, разработавшего концепцию публичной философии применительно к западной цивилизации. Он утверждал, что она представляет собой систему ценностей, на которых основан правовой порядок свободного общества [Липман 2004].

Ученые гуманитарного профиля стали принимать активное участие в обсуждении вопроса об идеологической ситуации в российском обществе. Ряд из них создают собственные варианты идеологии, которые, по их мнению, могут стать основой для создания национальной или государственной идеологии [Национальная... 2023]. Такой подход особенно был распространен в первые два десятилетия постсоветской России, при

которой всерьез говорили о создании «рынка идеологий». Идеологии такого индивидуального производства нельзя навязать «сверху» ни обществу, ни народу [Черников 2025]. Идеология вырастает из реальных потребностей и интересов «снизу» как необходимое средство включения сторонников возникающей партии (или общественно-политической организации) в политическую жизнь. Значительная часть отечественных работ последних лет посвящена выяснению отношений философии с идеологией на основе советского опыта послевоенного времени. Это работы высокого качества. Но в основном речь шла в них об идеологии как ложном сознании, о негативных оценках разных попыток манипулирования сознанием больших масс населения. Сегодня в стране во многом иная ситуация.

Идеология в ее классическом понимании именно через убеждения должна была таким образом воздействовать на сознание людей, чтобы они начинали верить в то, что говорит идеология о целях и задачах проекта. Это существенный элемент практической идеологии.

С наступлением постиндустриальной эпохи оказалось, что управлять сознанием людей можно, не прибегая к услугам технологий классической идеологии. В 80-е годы прошлого столетия стали говорить о возможности и необходимости деидеологизации как об условии освобождения сознания людей от иллюзорного или ложного сознания. Оказалось, что в современном обществе возникли и существуют механизмы, способные управлять сознанием, помимо государственных идеологических институтов. Так что надежды на возможную деидеологизацию современного общества были несостоятельными. В те годы появилась и другая интерпретация сложившейся ситуации, согласно которой идеологическая фальшь осознается разумом, но он не отказывается от нее и продолжает ей следовать. Такой разум был назван циничным, что как бы указывало на переход общества в постидеологическую эпоху [Слотердаjk 2001].

Решающую роль сыграла информационная революция, в ходе которой возникли новые информационные каналы и

обширные социальные сети, а также понятие «идеологическое». В настоящее время, по утверждению А.В. Рубцова, «понятие идеологии выходит за пределы узко понимаемой политики и в “предельном” расширении обнаруживается в самых разных сферах познания, культуры, экономики и повседневной жизни» [Рубцов 2018].

А.В. Рубцов показал существенную значимость выделения двух уровней идеологии: теоретической и практической. Философская (теоретическая) идеология тесно связана с философским пониманием цивилизационных констант российской цивилизации. Публичная (практическая) философия обосновывает допустимые границы поведения людей в данной цивилизации, прежде всего границы политической деятельности. Главная задача публичной (практической) философии – перевод цивилизационной матрицы российской цивилизации на язык политической теории и практики.

Практическая идеология – это принимаемая сознанием людей идеология как знание, с которым они согласны, принимают по большей части на веру и ведут себя в обществе в соответствии с ним. Становится понятным, почему научной основой идеологии при всех разночтениях служит учение о сознании, но у него особый предмет, поскольку оно преследует практические цели, связанные с открытием механизмов направленного изменения сознания. Переход к постиндустриальной стадии развития, который сопровождался революционными потрясениями на Западе и в ряде социалистических стран, показал, что сознание людей все больше и больше формируется не путем открытой пропаганды и убеждений, а посредством использования широко разветвленной сети СМИ и особенно успешно через интернет, разнообразные социальные сети. В этой связи актуальным становится вопрос о применимости сегодня общепринятой формулы о том, что идеология есть ложное сознание, что она занимается распространением ложных, иллюзорных представлений о действительности, служит средством манипулирования сознанием. Этот вопрос, как правило, оказывается в центре внимания при обсуждении отечественными

учеными идеологической тематики даже и в последние годы [Философия... 2018]. Современное многообразие интерпретаций марксова понимания идеологии опровергает мнение о том, что современность свидетельствует о «конце идеологии». Об этом наглядно свидетельствует и работа словенского философа С. Жижека «Возвышенный объект идеологии» [Жижек 1999].

Однако нам представляется, что идеология в целом постепенно приобретает в нашей стране позитивную направленность. На место борьбы с идеологическими иллюзиями, о которой, кажется, все сказано и которую нельзя выиграть, постепенно приходит другая задача: умелое профессиональное раскрытие взаимодействия в общественном и индивидуальном сознании сущего и должного, настоящего и будущего. Идеология есть выражение общественной потребности в социальном контроле и управлении поведением людей. Идеология становится значимым фактором интеграции социума, она формирует особый тип идеологического интегративного мировоззрения. В современных условиях возникновения различных институтов гражданского общества, в том числе общественно-политических организаций, возникает огромная потребность в социально ответственных лидерах, способных успешно руководить ими при наличии непрерывного потока слабо контролируемой информации, распространяемой СМИ, особенно социальными сетями.

Итак, применительно к российским условиям практическая (публичная) философия должна быть тесно связана с цивилизационными характеристиками нашего общества. Россия представляет собой государство-цивилизацию как особый тип социально-политической организации, принципиально отличный от западной модели национального государства [Спиридонова и др. 2016]. Это различие коренится в онтологических константах – устойчивых характеристиках российской цивилизации, включающих в себя особый, незападный тип социальной организации, культурный код и матрицу духовных цивилизационных ценностей [Шевченко 2019].

Современная отечественная идеология должна опираться на научно-философское понимание цивилизационных основ России. По этому вопросу выполнена большая исследовательская работа на протяжении последних лет. Институтом философии РАН выпущен трехтомник, который показывает современный уровень разработки базовых характеристик российской цивилизации [Цивилизация... 2023; Цивилизация... 2024; Цивилизационное... 2024]. Можно утверждать, что во всех развитых цивилизациях ее цивилизационные основы обретают те или иные правовые способы их поддержания и защиты. Важность их знания заключается именно в том, что любые общественные движения, политические партии и их лидеры должны действовать в цивилизационных границах, и формализованных в виде законов, и имеющих неочевидный характер, например в виде традиций и разного рода обычаев. Эти рамки – основа национального согласия в обществе, которого пока нет в должной степени.

Для создания полноценной идеологии нужно также решить ряд сложных теоретических вопросов, которые особенно четко прослеживаются, если наука обращает свой взор к Китаю [Шевченко 2018, 22–23]. Отечественная наука мало изучает его опыт, за исключением исторического. Требуется не слепое копирование, а критическое осмысление его опыта. Главное видится в том, что демократические институты имеют цивилизационную специфику, не сводимую к «общечеловеческим» западным стандартам. В любом случае демократические институты не самоцель, а средство эффективного развития, которое защищает и разрабатывает практическая идеология.

Для понимания возможностей создания эффективной идеологии развития, рассчитанной на длительную перспективу, необходимо обратиться к философским учениям, отечественным и зарубежным, которые показали в последние столетия способность к формированию универсальных идеологий. Таковыми оказываются три основные идеологии, несмотря на их модификации и кризисные состояния. Применительно к России это идеологии западного (европейского) либерализма, марксизма

(имеется в виду советский вариант марксистского социализма) и российского консерватизма. Их взаимодействие в российском обществе носит сегодня интенсивный характер, они ведут жесткую борьбу по многим параметрам [Шевченко 2023].

Тем не менее очевиден парадоксальный факт принятия людьми символики трех идеологий в российском обществе в начале текущего века: флага, герба и гимна России. Никого не удивляют заложенные в них глубокие смыслы, уходящие корнями в указанные ранее различные идеологии. Часто пишут о том, что нет потребности в единой обязательной государственной идеологии. Этот вопрос носит дискуссионный характер, но стране, безусловно, требуется общенациональная идеология развития, которая помогала бы гражданам государства связывать высшие духовно-нравственные ценности и смыслы со своими практическими интересами. Постановка вопроса о такой, интегративной по своей сути, идеологии не нова. О ней постоянно пишут публицисты в журналах и газетах, появляются разделы в учебниках по политологии. Наконец, вопросы интегративной идеологии переместились в центр внимания общественной мысли. Китай создал такую интегративную идеологию, и она принесла ему выдающиеся результаты.

Отечественные философы проявили интерес к интегративным процессам в идеологии в 90-е годы, был издан ряд работ, на которые нельзя было не обратить внимания, но затем это направление было утеряно [Алексеева и др. 1997]. Трудности создания общенациональной интегративной идеологии велики, и их не следует преуменьшать. Высказывают опасение относительно того, что ее появление в обществе приведет к перерождению демократического государства в идеократическое. Это серьезный довод. Стремление к управлению духовной жизнью граждан, несмотря на стремление обезопасить их от тлетворного влияния извне и изнутри, приводит к теократии. Такова сегодня республиканская теократия Исламской Республики Иран. Формированием духовности у человека, в том числе и моральных качеств, занимается прежде всего культура, образование, в частности художественная литература, фило-

софские трактаты, живопись, музыка и т.д. Государство может давать или не давать деньги на создание произведений культуры, запрещать или разрешать и т.д. Но существуют и «красные линии», тем более если речь идет о национальных интересах, особенно стратегических. Хотя то или иное профессиональное образование опосредованно влияет на духовные ориентиры и ценности личности. Поэтому, прежде чем призывать к созданию идеократического государства, нужно внимательно изучить вытекающие из этого решения особенности и последствия.

Нельзя не упомянуть и о таком дискуссионном вопросе, как превращение идеологии в целостный проект развития общества, в цивилизационный проект. Именно в этом скрыта опасность появления идеократического государства. Поэтому государственная власть совместно с учеными, государственными и общественными организациями обсуждают и разрабатывают сегодня цивилизационный проект, который не несет в себе умозрительных мечтаний или высокопарных отвлеченных идей. Такого рода многочисленные рассуждения всегда были и должны быть именно в культурном пространстве страны, особенно в рамках высокой культуры – в художественной литературе, академической философии, публицистике и т.п. Об этом свидетельствует огромное количество работ разного характера о духовном своеобразии российской цивилизации.

Функциональное назначение интегративной идеологии заключается в максимальном сплочении большинства граждан для свершения мощного мобилизационного рывка. Не следует забывать о том, что Россия заметно отстает от высокоразвитых капиталистических государств по уровню экономического развития, хотя ситуация в течение последних лет изменяется к лучшему. Сохраняется смысл высказанного почти сто лет назад императива: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». В защиту интегративной идеологии можно привести и следующий довод. Отношения России с Западом носят циклический характер. В периоды стремления подражать Западу, быть похожими на него, как, например, в эпо-

ху буржуазных преобразований в пореформенной России или в последние десятилетия, растет идеологическое разнообразие, которое, однако, приводит почему-то к катастрофе и распаду. Если же Россия возвращается к себе, ищет самостоятельный, национальный путь развития после тех или иных революционных потрясений, то происходит вполне закономерный переход от плюрализма идеологий к национальной идеологии мобилизационного развития, для которого необходимы единство и сплоченность граждан [Щипков 2019].

### **Лидерство в условиях смены эпох**

Эффективная идеология предполагает появление в обществе широкого слоя социально ответственных лидеров. Лидеры формируются обществом, его образовательной системой, культурой, ценностными установками, но прежде всего целенаправленными образовательными механизмами, специальной системой подготовки «кадров», если применить несколько устаревшую терминологию.

Проблематика лидера и лидерства всегда пользовалась в отечественной социальной философии советского и постсоветского периодов большим вниманием. Существует научная литература, в которой речь идет о наличии разных школ и направлений [Бехтерев, Бехтерева 2021; Кудряшова 2022; Мень 2011; Мень 2013; Пляйс 2014; Тулеев 2000]. Лидером принято называть человека, который может успешно мотивировать сотрудников своей организации на определенные действия, способные улучшить ее состояние по тем или иным показателям [Белов, Белова 2018]. Общество разрабатывает много практических мер: кадровые программы, обучение по специальности, кадровый резерв в университете «Синергия» и т.д.

Можно говорить о принципиально различных задачах подготовки лидеров в современном обществе. Одна из них связана с проблематикой лидерства для руководящего состава в иерархически организованных государственных институтах власти и управления, школах и вузах, многочисленных образовательных учреждениях, коммерческих компаниях различного профиля

и т.д. Суть вопроса состоит в том, каким должен быть руководитель того или иного уровня для того, чтобы выступать еще и в роли лидера. Далеко не все руководители на это способны, но все руководители должны строго следить за внутренним регламентом, который запрещает, в частности, публичную оценку, тем более критику, организации со стороны работающих в ней граждан. Такое право с известными ограничениями имеют лишь ее руководители. Могут быть и сотрудники, претендующие на роль неформальных лидеров. Подобное становится возможным, как правило, в творческих организациях, а в административных – успех такого поведения сомнителен. Порядок и четкая система работы предпочтительны по сравнению с предложениями модернизации, а тем более перестройки. При ближайшем рассмотрении тематика обучения современных лидеров для длительно существующих учреждений и организаций сводится к эффективному руководству, умению поставить и решать сложные вопросы успешного выполнения различных задач, особенно нестандартных.

Сложные вопросы теории заключаются в понимании природы лидерства и лидеров в ходе возникновения новых общественных и общественно-политических движений. В этом видится главная проблема. Но в научной литературе нелегко найти ответы на такие поставленные жизнью вопросы [Смоляр 2007]. Обсуждаемая в обществе проблема есть свидетельство ее актуальности и вместе с тем неблагополучия сложившейся ситуации.

В какие периоды особенно обостряется проблематика лидера и лидерства? Ответ очевиден. На переломе исторических эпох, когда становятся устаревшими, неэффективными прежние институты государственной власти, научно-исследовательские институты, иные важные социальные институты, такие как школа, семья и др., возникает потребность в трансформации их, придании нового содержания и нового облика. В этих условиях, в которых общество начинает осознавать надвигающийся кризис, грозящий перейти из латентного состояния и принять открытые формы, неравнодушные и дальновидные граждане,

остро чувствующие ситуацию, начинают не только говорить, но и практически действовать с целью предотвращения резкого обострения противоречий и угрозы обрушения критикуемой системы или ее значительной части.

Нужно иметь в виду, что общество представляет собой сложную взаимосвязь формализованных, институционально оформленных организаций и неформальных практик и отношений между людьми во всех сферах общественно значимой деятельности. В социологической науке огромная сеть неформальных отношений и практик, существующая вокруг нас и вместе с нами, находится в значительной мере вне ее поля зрения. Вопрос заключается в том, «как происходит институционализация неформальных поведенческих практик, доказавших свою жизнеспособность <...> В какой момент поведение выходит за рамки правового поля или перестает подчиняться социально одобряемым практикам вообще?» [Диманс, Левичева 2018, 10]. Конечно, нельзя считать неформальные социальные практики деятельностью, игнорирующей законы. В современном обществе неформальность противостоит не формальности, а рискам, которые создают формальные институты. Выполняя задачу по наведению порядка и организованности в социальных структурах, формальные институты сами становятся источниками неопределенности и рискованных ситуаций.

Формальные структуры контролируют все общественно значимые процессы, и кажется, что все предсказуемо: трудности, результаты, появление новых трендов. Все это будет происходить мирно до тех пор, пока не прилетит «черный лебедь» – принципиально непрогнозируемые события, которых никто не ждал. Такой образ впервые предложил Н. Талеб, американский экономист и доктор философии, выходец из Ливана, автор изданных в мире миллионными тиражами книг «Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости» и «Антихрупкость» [Талеб 2014а; Талеб 2014б].

Неожиданно наступают плохие события, которые обрушивают, казалось бы, эффективно действующие механизмы. Одна ситуация, если речь идет о вопросах экономики или финансов. Другая – общественная и политическая сфера. Хотя обе тесно

связаны, как правило, между собой. Люди, обеспокоенные кризисом и высокими рисками, теряют доверие к государственным институтам, их способности выполнять главные функции [Данилов 2018]. В итоге они создают движения или организации с целью скорейшего исправления сложившейся ситуации. Эти неформальные отношения возникают быстро, принимая неожиданные формы. Они могут спасти ситуацию или, напротив, ухудшить ее. Их изучать трудно, и они в своей целостности до сих пор не изучены. Имеются в виду неформальные практики, которые впоследствии либо приобретают формализованный вид и подпадают под действие правовых установлений, либо, выполнив свою роль, прекращают свою деятельность.

В этих ситуациях особенно очевиден смысл проблемы лидера. Они, обеспокоенные ухудшением ситуации, собирают равнодушных людей в неформальные группы и объединения. Важнейшим механизмом их оформления является принцип самоорганизации граждан. И нельзя их упрекнуть в том, что они якобы часто выходили и выходят за рамки существующих законов, правового поля. Просто возникла новая общественная ситуация, которая не прописана в законе и не имеет правового регулирования, кроме общественного мнения. Такова история, например, экологических движений в защиту окружающей среды. С началом перестройки, в 1985 году, зарождаются первые экологические организации. Впоследствии, в 90-е годы, часть экологического движения встала на путь преобразования в партию, что не принесло ей огромных успехов. После сложных и неоднозначных взаимодействий экологов с властью, в 2008 году, появляется Министерство природных ресурсов и экологии РФ. С этого времени добровольные, неформальные экологические объединения граждан постепенно подпадают под правовой контроль, с преобразованием большинства из них в некоммерческие общественные объединения, ряд из которых получают государственную поддержку, в том числе финансовую.

В поздний советский период возникло много неформальных организаций, что нашло отражение в литературе [Левичева 1989; Левичева, Нелюбин 2002]. Сходные процессы происходили в это время и в других, теперь бывших социалистических странах.

Перестройка приобретала в стране по мере ее развертывания революционный характер, призывая к коренному обновлению социализма, всех сфер общественной жизни, в первую очередь к коренной трансформации всей политической системы. Известно, к чему привела перестройка. Но в период, когда ее объявили, возникла ситуация крайней неопределенности: нельзя было сказать, что будет впереди, каковы будут итоги наступающих революционных изменений.

Возникает вопрос о том, откуда неожиданно появились взгляды и практические цели у лидеров этих неформальных самодетельных объединений, которые выступили с критикой существующего порядка, к тому же с различных позиций. Протестное движение охватило широкие слои общества. Но как бы их не оценивали, в совокупном взаимодействии они носили, по существу, разрушительный характер, несмотря на благие намерения и утопические альтернативные проекты, которые активно несли в массы лидеры возникающих объединений.

Общество вправе предполагать, что действия лидеров разного рода неформальных объединений будут содействовать достижению заявленных целей. Но проблема и состоит в том, что лидеров общественных движений не выбирают и не назначают. Лидер выражает своими действиями определенную социальную потребность. Он таков, каким его сформировали общество, социальный слой, из которого вырастает, полученное образование, его профессиональные знания и ценностные мировоззренческие установки. Поэтому, если общество хочет, чтобы большинство неформальных лидеров понимали суть сложившейся ситуации и совершали позитивные действия, оно должно иметь ту или иную идеологию, которая может выступать в различных образах и формах.

## **Интегративная идеология и требования к лидерам современной эпохи**

В настоящее время страна вновь вступила в период радикальных преобразований во всех сферах общественной жизни, и она находится в начале пути. Цель преобразований – демонтаж либеральной модели, которая так и не смогла создать основу для успешного развития страны, создания современной России. Конечно, существует общее правило: успех преобразований может быть достигнут, если динамично изменяющуюся ситуацию власть держит под контролем. Этот процесс аналогичен тому, который назван в литературе «революцией сверху». Но если придавать этому правилу предельно жесткую трактовку, то это ненадежная и опасная позиция, при которой действия властей совершаются по принципу «власти можно все», исходя из критерия политической целесообразности. Остальным гражданам для совершения каждого действия нужно получать разрешение, иначе нельзя.

Поэтому и возникает сегодня значимая задача: сформировать требования к лидерам новых добровольных организаций, которые только начинают возникать. Действия неформальных лидеров могут нести в себе высокие риски и быть как разрушительными, безответственными, так и позитивными, социально ответственными, в зависимости от того, на какие ценности они опираются, к каким целям устремлены [Казаков 2014]. Социально ответственными можно назвать действия, при которых в процессе принятия решений и практической реализации учитывают не только интересы своей группы лиц или организации, но и интересы остальных социальных групп, общества в целом.

Помимо социальной ответственности, у лидера существует и личная ответственность за результаты своих действий. Это особый угол зрения на проблему лидера и лидерства. Сегодня очень много пишут об эмпатийной компетенции, проявляющейся в умении понимать и осознавать внутреннее душевное состояние участников команды или движения. Подчеркивается, что в данном случае речь идет о надпрофессиональной компе-

тенции лидера [Кричевский 2007]. Два вида ответственности – социальная и личная – должны составлять единое целое в жизни состоявшегося лидера, ему необходимо постоянно стремиться к их взаимному согласованию. Это одно из важнейших условий сохранения лидером своей особой роли в организации, которой он руководит и деятельность которой он направляет.

Для формирования лидеров, обладающих должным уровнем социальной и личной ответственности, необходима способствующая этому среда. Общество и государство вправе предъявлять к лидерам соответствующие требования. Среди них должно быть и требование соответствия деятельности лидеров национальным интересам. Возникает вопрос о том, в чем заключаются национальные интересы общества или больших групп населения, которые должен учитывать лидер неформального объединения граждан. Вопрос далеко не простой, но он может быть предметом рассмотрения в интегративной идеологии. Ситуация, которая сложилась сегодня, во многом отлична от возникшей на переломе исторических эпох в 80–90-е годы прошлого столетия. В тот период лидеры появлялись из неизвестности, и главным качеством была их твердая решимость достичь для своей группы общественного признания, получить известность, возможность тем или иным образом влиять на решения власти в центре или регионе. Немало ярких и харизматических лидеров появилось в те годы на общественной арене.

Поэтому в настоящее время и власть, и парламентские политические партии поставили вполне четкую задачу по формированию лидеров, чтобы растущая активность граждан в итоге работала на вектор ускоренного развития страны, достижение главных национальных целей, которые получили единодушную поддержку народа. Это опора на традицию, отказ от западной модели организации политической системы и экономики, технологический и национальный суверенитет, ориентация на всестороннее развитие, собственные силы и ресурсы.

Интегративная идеология позволяет делать акцент на те или иные ее составные элементы. Так, участники социалистических движений правомерно уделяют главное внимание таким

ценностям, как социальная справедливость и социальное государство. Либеральная составляющая идеологии подчеркивает важность формирования индивидуального начала в людях, постоянно выделяет проблематику прав человека, но интегративная идеология в целом осуждает индивидуализм и отказ от социальных обязательств и обязанностей; консервативно настроенные деятели всемерно указывают на необходимость усиления государственного управления и контроля, нередко переоценивая возможности государства, и неодобрительно относятся к тому, что люди выбирают разные модели поведения и самоутверждения в современном обществе, игнорируя исторические традиции и т.д. Можно утверждать, что интегративная идеология приобретает черты *надклассовой* идеологии, что успешно сочетается с природой современной высокоцентрализованной надпартийной государственной власти.

Сила интегративной идеологии заключается не в ее жесткости, а в том, что позволяет сохранять единство стратегических национальных целей при разнообразии тактических подходов. Требование к лидеру современной эпохи состоит не в вынужденном следовании определенным идеологическим установкам (поле для маневра было всегда незначительным), а в способности к сложному, гибкому мышлению: умению творчески сочетать ценности социальной справедливости, личной инициативы и государственной стабильности в зависимости от конкретных задач. Именно в таком случае социальная позиция, задаваемая общими идеологическими рамками, смыкается с личной ответственностью каждого человека. Это позволяет обеспечить высокие темпы социально-экономического развития без разрушения институционального порядка, потери контроля за стремительными изменениями в жизни общества.

### **Заключение**

Успешное стратегическое развитие современной России видится невозможным без формирования эффективной идеологии развития и создания системы подготовки социально ответственных лидеров. Эти две задачи неразрывно связаны между собой, и их нужно решать комплексно.

Отказ от явной государственной идеологии, закрепленный в Конституции РФ, на практике привел не к идеологическому плюрализму, а к господству в обществе скрытой идеологии, ориентированной на индивидуализм и личную выгоду. Однако в условиях возвращения России к своим цивилизационным основаниям необходима консолидирующая идеологическая основа, способная связать высшие духовно-нравственные ценности с практическими интересами граждан. Такой основой может стать интегративная идеология, опирающаяся на практическую (публичную) философию и включающая в себя элементы различных идеологических традиций при сохранении единства по стратегическим вопросам.

Формирование социально ответственных лидеров будет невозможным без создания соответствующей идеологической среды. Опыт перестройки показал, что стихийное возникновение неформальных движений при отсутствии объединяющей идеологии нередко приводит к деструктивным последствиям. Сегодня задача состоит в создании таких идеологических рамок, которые направляли бы действия лидеров различных общественных движений в русло достижения общенациональных целей.

#### ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Алексеева и др. 1997 – *Алексеева Т.А., Капустин Б.Г., Пантин И.К.* Перспективы интегративной идеологии // Полис. 1997. № 3. С. 16–52.

Белов, Белова 2018 – *Белов В.В., Белова Е.В.* Проблема созидющего организационного лидерства в современной российской политике // Управленческое консультирование. 2018. № 5. С. 30–41.

Бехтерев, Бехтерева 2021 – *Бехтерев С.В., Бехтерева В.В.* Лидер будущего. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021.

Гусейнов 2004 – *Гусейнов А.А.* О назначении философии // Философия и история философии. Актуальные проблемы (к 90-летию академика Т.И. Ойзермана). – М.: Канон+, 2004. С. 88–117.

Данилов 2018 – *Данилов С.А.* «Черный лебедь» Н. Талеба как философская рефлексия рискогенного общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18. № 2. С. 122–126.

Диманс, Левичева 2018 – *Диманс С.Л., Левичева В.Ф.* Люди и нормы: институты VS неформальные практики. – М.: Ключ-С, 2018.

Жижек 1999 – *Жижек С.* Возвышенный объект идеологии. – М.: Художественный журнал, 1999.

Казаков 2014 – *Казаков М.А.* Современное политическое лидерство России: логика и зигзаги эволюции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 1–1. С. 371–376.

Кричевский 2007 – *Кричевский Р.Л.* Психология лидерства. – М.: Статут, 2007.

Кудряшова 2022 – *Кудряшова Е.В.* Лидер и лидерство: введение в философию лидерства. – Архангельск: САФУ, 2022.

Левичева 1989 – *Левичева В.Ф.* Неформальные самодеятельные объединения: социологический очерк. – М.: Знание, 1989.

Левичева, Нелюбин 2002 – *Левичева В., Нелюбин А.* Политические партии и общественные движения в СССР. – М.: Ключ-С, 2002.

Липман 2004 – *Липман У.* Публичная философия. – М.: Идея-Пресс, 2004.

Мень 2011 – *Мень М.А.* Лидерство как социальный и личностный феномен. – М.: Изд-во МГУ, 2011.

Мень 2013 – *Мень М.А.* Социальная философия лидерства. – М.: Независимый ин-т гражданского общества, 2013.

Национальная... 2023 – Национальная идеология России: проект. – М.: Перо, 2023.

Пляйс 2014 – *Пляйс Я.А.* Лидеры и лидерство в России и за рубежом: обзор диссертационных исследований отечественных политологов. – Ростов-на-Дону: ЮРИУ РАНХиГС, 2014.

Рубцов 2018 – *Рубцов А.В.* Превращения идеологии. Понятие идеологического в «предельном» расширении // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 18–27.

Слотердаик 2001 – *Слотердаик П.* Критика цинического разума. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001.

Смирнов 2021 – *Смирнов А.В.* Текущие задачи русской философии // Проблемы цивилизационного развития. 2021. Т. 3. № 1. С. 188–210.

Смоляр 2007 – *Смоляр А.В.* Политическое лидерство: определение, типология, функции и современные тенденции развития // Вестник Читинского государственного университета. 2007. № 3 (44). 168–174.

Спиридонова и др. 2016 – *Спиридонова В.И., Соколова Р.И., Шевченко В.Н.* Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ. – М.: Институт философии РАН, 2016.

Талёб 2014а – *Талёб Н.Н.* Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. – М.: КоЛибри, 2014.

Талеб 2014б – *Талеб Н.Н.* Антихрупкость: как извлечь выгоду из хаоса. – М.: КоЛибри, 2014.

Тулеев 2000 – *Тулеев А.М.* Политическое лидерство в современной России. – М.: Мысль, 2000.

Философия... 2018 – Философия и идеология: от Маркса до постмодерна / отв. ред. А.А. Гусейнов, А.В. Рубцов, сост. А.В. Рубцов. – М.: Прогресс-Традиция, 2018.

Цивилизация... 2023 – Цивилизация: многозвучие смыслов. Методика / отв. ред., сост. А.В. Смирнов, Н.А. Касавина, С.А. Никольский. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2023.

Цивилизация... 2024 – Цивилизация: контрапункты теории / отв. ред., сост. А.В. Смирнов, Н.А. Касавина, С.А. Никольский. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024.

Цивилизационное... 2024 – Цивилизационное развитие России: история и современность / отв. ред., сост. А.В. Смирнов, Н.А. Касавина, С.А. Никольский. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024.

Черников 2025 – *Черников В.Г.* Народная идеология для России. – М.: Русайнс, 2025.

Шевченко 2014 – *Шевченко В.Н.* Зачем нужна обществу публичная философия? // *Философский журнал*. 2014. № 1 (12). С. 5–18.

Шевченко 2018 – *Шевченко В.Н.* Маркс и марксизм: взгляд из XXI века // *Философские науки*. 2018. № 1. С. 7–26.

Шевченко 2019 – *Шевченко В.Н.* Онтологические константы России как государства-цивилизации в контексте всемирной истории // *Философские науки*. 2019. Т. 62. № 1. С. 29–47.

Шевченко 2023 – *Шевченко В.Н.* Какая философия нужна сегодня России? // *Вестник Российского философского общества*. 2023. Вып. 1–2 (103–104). С. 48–77.

Щипков 2019 – *Щипков А.В.* Вопросы идеологии. – М.: Абрис, 2019.

#### REFERENCES

Alekseeva T.A., Kapustin B.G., & Pantin I.K. (1997) Prospects for an Integrative Ideology. *Polis. Political Studies*. No. 3, pp. 16–52 (in Russian).

Bekhterev S.V. & Bekhtereva V.V. (2021) *The Leader of the Future*. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber (in Russian).

Belov V.V. & Belova E.V. (2018) The Problem of Creative Organizational Leadership in Modern Russian Politics. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. No. 5, pp. 30–41 (in Russian).

Chernikov V.G. (2025) *A People's Ideology for Russia*. Moscow: Rusayns (in Russian).

Danilov S.A. (2018) N. Taleb's "Black Swan" as a Philosophical Reflection of a Riskogenic Society. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*. Vol. 18, no. 2, pp. 122–126 (in Russian).

Dimans S.L. & Levicheva V.F. (2018) *People and Norms: Institutions vs Informal Practices*. Moscow: Klyuch-S (in Russian).

Guseynov A.A. (2004) On the Purpose of Philosophy. In: *Philosophy and the History of Philosophy: Current Problems (On the 90<sup>th</sup> Anniversary of Academician T.I. Oizerman)* (pp. 88–117). Moscow: Kanon+ (in Russian).

Guseynov A.A. & Rubtsov A.V. (Eds.) (2018) *Philosophy and Ideology: From Marx to Postmodernism*. Moscow: Progress-Traditsiya (in Russian).

Kazakov M.A. (2014) Modern Political Leadership in Russia: Logic and Zigs and Zags of Evolution. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. No. 1–1, pp. 371–376 (in Russian).

Krichevskiy R.L. (2007) *The Psychology of Leadership*. Moscow: Statut (in Russian).

Kudryashova E.V. (2022) *Leader and Leadership: An Introduction to the Philosophy of Leadership*. Arkhangelsk: Northern (Arctic) Federal University (in Russian).

Levicheva V.F. (1989) *Informal Amateur Associations: A Sociological Essay*. Moscow: Znanie (in Russian).

Levicheva V. & Nelyubin A. (2002) *Political Parties and Social Movements in the USSR*. Moscow: Klyuch-S (in Russian).

Lippmann W. (2004) *The Public Philosophy*. Moscow: Ideya-Press (Russian translation).

Men M.A. (2011) *Leadership as a Social and Personal Phenomenon*. Moscow: Moscow University Press (in Russian).

Men M.A. (2013) *The Social Philosophy of Leadership*. Moscow: Independent Institute of Civil Society (in Russian).

*National Ideology of Russia: A Project*. (2023) Moscow: Pero (in Russian).

Plyays Ya.A. (2014) *Leaders and Leadership in Russia and Abroad: A Review of Dissertation Research by Russian Political Scientists*. Rostov-on-Don: RANEP South-Russian Institute of Management (in Russian).

Rubtsov A.V. (2018) Transformations of Ideology. The Concept of the Ideological in a "Liminal" Expansion. *Voprosy filosofii*. No. 7, pp. 18–27 (in Russian).

Shchepkov A.V. (2019) *Questions of Ideology*. Moscow: Abris (in Russian).

Shevchenko V.N. (2014) Why Does Society Need Public Philosophy? *Filosofskii zhurnal = Philosophy Journal*. No. 1, pp. 5–18 (in Russian).

Shevchenko V.N. (2018) Marx and Marxism: A View from the 21<sup>st</sup> Century. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. No. 1, pp. 7–26 (in Russian).

Shevchenko V.N. (2019) Ontological Constants of Russia as a Civilization-State in the Context of World History. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 1, pp. 29–47 (in Russian).

Shevchenko V.N. (2023) What Kind of Philosophy Does Russia Need Today? *Bulletin of the Russian Philosophical Society*. No. 1–2, pp. 48–77 (in Russian).

Sloterdijk P. (2001) *Critique of Cynical Reason*. Yekaterinburg: Ural University Press (Russian translation).

Smirnov A.V. (2021) Current Tasks of Russian Philosophy. *Civilization Studies Review = Problemy tsivilizatsionnogo razvitiya*. Vol. 3, no. 1, pp. 188–210 (in Russian).

Smirnov A.V., Kasavina N.A., & Nikolskiy S.A. (Eds. & Comps.) (2023) *Civilization: The Polyphony of Meanings. Memoria*. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ (in Russian).

Smirnov A.V., Kasavina N.A., & Nikolskiy S.A. (Eds. & Comps.) (2024a) *Civilization: Counterpoints of Theory*. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ (in Russian).

Smirnov A.V., Kasavina N.A., & Nikolskiy S.A. (Eds. & Comps.) (2024b) *The Civilizational Development of Russia: History and Modernity*. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ (in Russian).

Smolyar A.V. (2007) Political Leadership: Definition, Typology, Functions, and Modern Development Trends. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3, pp. 168–174 (in Russian).

Spiridonova V.I., Sokolova R.I., & Shevchenko V.N. (2016) *Russia as a State-Civilization: A Philosophical and Political Analysis*. Moscow: RAS Institute of Philosophy (in Russian).

Taleb N.N. (2014a) *The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable*. Moscow: KoLibri (Russian translation).

Taleb N.N. (2014b) *Antifragile: Things That Gain from Disorder*. Moscow: KoLibri (Russian translation).

Tuleev A.M. (2000) *Political Leadership in Modern Russia*. Moscow: Mysl' (in Russian).

Žižek S. (1999) *The Sublime Object of Ideology*. Moscow: Khudozhestvennyy zhurnal (Russian translation).

## **Государственная идеология как вектор развития локальной цивилизации**

*С.Г. Ильинская*

*Институт философии РАН, Москва, Россия*

### **Аннотация**

В статье идеология рассмотрена в качестве вектора, определяющего стратегические цели и тактические задачи для развития государства-цивилизации. Обосновано, что наличие государственной идеологии не противоречит локально-цивилизационному подходу, который является научной парадигмой рассмотрения общемировых процессов. Сформулированы методологические, антропологические и социально-политические аргументы в пользу необходимости разработки цивилизационно-аутентичной модели развития. Методологические аргументы основываются на противоречивости «западных ценностей» и невозможности механического заимствования готовых схем из другой суперсистемы. Осуществляется экстраполяция гадамеровского понятия горизонта понимания на цивилизационный уровень, поскольку коллективный исторический опыт формирует особую герменевтическую традицию. Антропологические аргументы опираются на концепцию уникальной «логики смысла» каждой локальной цивилизации, закодированной в языке. Социально-политические аргументы базируются на концепции множественных современностей и особой модели государства-цивилизации, по которой развиваются Россия, Китай и Индия. Значительное внимание уделено экономическому измерению государственной идеологии. Демонстрируется ценностная обусловленность экономической теории и практики. Автор критически анализирует опыт постсоветских реформ и рассматривает альтернативную модель «нравственной экономики» академика Д.С. Львова, соответствующую традиционным ценностям соборности и коллективного благополучия. Показывается, что содержательная часть социального знания всегда обусловлена породившим ее культурным контекстом, что объясняет ограниченность механического применения западных экономических теорий. Особый акцент сделан на том, что цивилизационные особенности России обусловили формирование коллективных форм организации труда и редистрибутив-

*С.В. ИЛЬИНСКАЯ. Государственная идеология как вектор развития локальной...*  
ной экономики. Подчеркивается, что экономическая политика должна учитывать не только финансовые показатели, но и широкий спектр социальных параметров, включая распределение доходов, доступность качественного образования и здравоохранения, экологическое благополучие. Сформулирован вывод о необходимости формирования целостной идеологической модели, опирающейся на ценностные основания российской цивилизации и обеспечивающей ее устойчивое аутентичное развитие во всех сферах на современном историческом этапе.

**Ключевые слова:** социальная философия, локальная цивилизация, государственная идеология, ценности, рыночная экономика, редиistribuтивная экономика, справедливость, эффективность, соборность, индивидуализм, модернизация.

**Ильинская Светлана Геннадьевна** – кандидат политических наук, доцент, руководитель сектора философских проблем политики Института философии РАН, главный специалист Управления сетевых и партнерских проектов государственной политики РАНХиГС при Президенте РФ.

svetlana\_ilinska@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7402-5265>

**Для цитирования:** *Ильинская С.Г.* Государственная идеология как вектор развития локальной цивилизации // Философские науки. 2025. Т. 68. № 4. С. 44–65. DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-4-44-65

## **State Ideology as a Vector of Local Civilization's Development**

*S.G. Ilinskaya*

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

### **Abstract**

The article examines ideology as a determinant vector that shapes strategic goals and tactical objectives for the development of the state-civilization. It substantiates that the presence of state ideology does not contradict the local-civilizational approach, which serves as a scientific paradigm for analyzing global processes. The paper formulates methodological, anthropological, and socio-political arguments supporting the necessity of developing a civilization-authentic model of development. The methodological

arguments are predicated upon the inherent contradictions within “Western values” and the impossibility of mechanical transplantation of ready-made schemas from an alternative supersystem. The research extrapolates Gadamer’s concept of the horizon of understanding to the civilizational level, where collective historical experience forms a distinctive hermeneutical tradition. Anthropological arguments are grounded in the concept of a unique “logic of meaning” intrinsic to each local civilization, encoded within its language. Socio-political arguments derive from the theory of multiple modernities and the particular model of state-civilization that characterizes the developmental trajectories of Russia, China, and India. Significant attention is devoted to the economic dimension of state ideology. The article demonstrates the value-conditioned nature of economic theory and practice, critically analyzes post-Soviet reform experiences, and examines an alternative model of “moral economics” proposed by D.S. Lvov, which aligns with traditional values of communal solidarity and collective well-being. The research illustrates that the substantive component of social knowledge is invariably conditioned by the cultural context from which it emerges, explaining the limitations of mechanical application of Western economic theories. The text particularly emphasizes that Russia’s civilizational peculiarities have facilitated the formation of collective labor organization forms and redistributive economic structures. The article underscores that economic policy must consider not only financial indicators but also a broad spectrum of social parameters, including income distribution, accessibility of quality education and healthcare, and environmental well-being. The conclusion advocates for the formation of a holistic ideological model grounded in the value foundations of Russian civilization, ensuring its sustainable and authentic development across all spheres in the contemporary historical period.

**Keywords:** social philosophy, local civilization, state ideology, values, market economy, redistributive economy, justice, efficiency, communitarianism, individualism, modernization.

**Svetlana G. Ilinskaya** – Ph.D. in Political Sciences, Head of the Department of the Philosophical Problems of Politics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; Chief Specialist of the Office of Network and Partner Projects of Public Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

svetlana\_ilinska@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7402-5265>

**For citation:** Ilinskaya S.G. (2025) State Ideology as a Vector of Local Civilization's Development. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 68, no. 4, pp. 44–65.  
DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-4-44-65

## Введение

Продолжая дискуссию, начатую на страницах журнала «Философские науки» В.И. Пантинным [Пантин 2023], следует отметить, что термин «идеология» – один из самых многозначных в социально-политических науках, наряду с понятиями «культура», «политика», «власть» и т.д., что объясняет связанную с ним путаницу. С одной стороны, против государственной идеологии в России сегодня выступают даже некоторые весьма проницательные аналитики<sup>1</sup>, с другой – наличие определенной «миссии» признается необходимым для любой организации [Вафин 2024], не говоря уже о государстве в целом. Без идеологии общество бессильно, тем более общество, пребывающее в состоянии жесточайшего противостояния с внешним врагом, каким сегодня является российское. Большевики выиграли Гражданскую войну, поскольку искренне следовали своим идеалам. Советский народ победил в Великой Отечественной войне во многом потому, что, несмотря на горечь поражений и утрат, верил: «Наше дело правое! Победа будет за нами!» Эта Победа до сих пор служит ключевым скрепляющим элементом российской самоидентификации [Ильинская 2019].

Идеология – это ценностно-концептуально-мировоззренческая система, «с набором базовых аксиом, принимаемых бездоказательно и являющихся элементом веры» [Ильинская 2023б, 25]. Государственная идеология – это системосберегающая рамка, внутри которой возможны дискуссии «левых» и «правых», либералов и коммунистов<sup>2</sup> о различных коррективах развития, допустимых только при наличии консенсусной основы, обеспечивающей жизнеспособность государства. В особенности, это относится к нашему государству, которое всегда было идеократическим, и нашему народу, который всегда был государствоцентричным. В настоящее время российскому обществу предлагают различные

---

<sup>1</sup> *Ищенко Р.* Кризис идеологизма // Украина.ру. 2024. 14 мая. – URL: <https://ukraina.ru/20240514/1055044689.html>.

<sup>2</sup> В постсоветской России именно коммунисты были консервативной партией.

варианты видения государственной идеологии. Авторы проекта «Национальная идеология России» ратуют за гармоничное сочетание в ней трех компонент: Личности, Общества и Государства [Национальная идеология... 2003]. Группа исследователей, близких к Администрации Президента РФ предлагает модель Пентабазиса, дополненную позициями Семьи и Страны [Харичев и др. 2022]. Последняя в данном случае рассматривается как месторазвитие, отличное и от государства, и от общества. Одним из авторов этой концепции – А.В. Полосина – в прессе часто называют ключевым идеологом в образовании, но это неверная интерпретация. Полосин и его команда пытаются перестроить систему российского образования, включая его воспитательную компоненту, исходя из новой парадигмы, в которой сегодня самоидентифицируется российское государство – локально-цивилизационной, имеющей под собой прочную научную базу (Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, О. Шпенглер, А. Тойнби, П.А. Сорокин, Ф. Бродель, А.С. Панарин, В.Л. Цымбурский, С. Хантингтон, В. Чжан, Р. Кумар, Л. Пай, В.И. Спиридонова и др.) [Ильинская 2021а; Ильинская 2021б].

Переформатирование началось с внедрения в образовательный процесс курса «Основы российской государственности» и продолжается в настоящее время ревизией программ всех социогуманитарных дисциплин, поскольку локальная цивилизация обречена иметь аутентичную науку. Науку, которая не может быть вторичной и не может транслировать подрастающим поколениям мировоззренческие основы, исходящие из иных суперсистемных позиций. Но, по существу, деятельность А.В. Полосина как руководителя проекта «ДНК России» – это все-таки научно-образовательная работа, стартовавшая вследствие смены парадигмы развития и сделавшая слышными голоса тех педагогов высшей школы и ученых-гуманитариев, точка зрения которых ранее, в условиях глобальной гегемонии либерального дискурса [Ильинская 2023б, 29], успешно маргинализировалась. К тому же транслируют Полосин и его коллектив не личное видение, а результаты работы соборной структуры, своего рода коллективного разума. Формулировки, в итоге послужившие основой государственных программ, вызревают в ходе многочисленных обсуждений в рамках дискуссионной площадки «Гуманитарный реактор» РАНХиГС при Президенте РФ, участие в которой изначально было добровольным и открытым, не предполагающим

селекцию приглашенных по партийно-политическим или иным пристрастиям. Другими словами, А.В. Полосин в данном случае выступает как технолог, который организовал процесс, помогающий «родиться» новому вектору российского образования (а значит, и будущего).

Существование на базе парадигмы единой универсальной цивилизации сменилось развитием в рамках самоопределения России как локальной (или контекстно-связанной) цивилизации вынужденно, после того как попытка в течение 30 лет развиваться в качестве части глобальной общечеловеческой общности, с опорой на псевдоуниверсальные ценности (в действительности имеющие западное локально-цивилизационное происхождение), завершилась крахом, обнулившим все предыдущие усилия.

В этих условиях особую значимость приобретает разработка собственной, аутентичной модели развития, отвечающей цивилизационной специфике России. Необходимо сформировать целостную идеологическую модель, которая будет опираться на ценностные основания российской цивилизации и при этом соответствовать современным реалиям и вызовам. Разработка такой модели должна быть построена на теоретическом фундаменте, учитывающем своеобразие исторического пути России и ее цивилизационные особенности.

### **Основы цивилизационно-аутентичной модели развития**

Переход России к самоопределению в качестве локальной цивилизации ставит перед страной задачу формирования собственной, аутентичной модели развития. Этот переход требует теоретического обоснования и концептуального оформления. Отказ от универсалистских схем влечет за собой необходимость построения целостной системы аргументов, подтверждающих правомерность и преимущества цивилизационно-специфичного пути. Важно отметить, что речь идет не об интеллектуальной самоизоляции или культурном изоляционизме, а о восстановлении естественной логики социокультурного развития, искаженной внедрением чужеродных моделей. Рассмотрим комплекс аргументов в пользу необходимости цивилизационно-аутентичной модели развития, которые можно объединить в три основные группы: методологические, антропологические и социально-политические.

**Методологические аргументы.** Беспристрастному исследователю приходится усомниться в универсальности глобальной неолиберальной идеологии, т.е. единого для всех обществ пути развития. Например, мы неоднократно анализировали противоречивость и непоследовательность так называемых западных ценностей, которые на практике постоянно дополняются утилитарными и рациональными аргументами [Ильинская 2023а]. Тем более что различные культуры обладают разными типами рациональности [Бондарева, Ильинская 2024], а принцип полезности имеет конкретные группы выгодополучателей. В ранее опубликованных статьях автором были приведены аргументы против примитивно понятого и примененного социально-конструктивистского подхода, а также обосновано, что если полагать нации и локальные цивилизации «воображаемыми сообществами», то так называемое мировое сообщество тем более является фикцией или воображаемым феноменом [Ильинская 2021в]. Используя холистическое видение крупных социальных суперсистем, можно существенно расширить горизонт понимания Х.-Г. Гадамера. Как на индивидуальном уровне его наполнение формируется опытом «Я», так и на локально-цивилизационном уровне существует горизонт понимания, обусловленный коллективным историческим опытом, в том числе и опытом встречи с Другим. Локальная цивилизационная общность не может механически заимствовать готовые схемы и алгоритмы действия из другой крупной суперсистемы, их необходимо перерабатывать через аутентичный культурный опыт, поскольку иначе они не могут быть поняты и усвоены. Традиция (включая предрассудки) является существенным условием понимания [Гадамер 1988, 328–337].

**Антропологические аргументы.** К этим аргументам (включая взгляды основателя локально-цивилизационного подхода Н.Я. Данилевского и современных контекстуалистов Ш. Муфф и Э. Лакло) еще будем обращаться далее. Укажем лишь, что, согласно выводам академика А.В. Смирнова, сделанным при сопоставлении западного (субстанционального) и арабо-мусульманского (процессуального) типов рациональности, локальная цивилизация обладает собственной логикой смысла, представляющей собой коллективное когнитивное бессознательное, а способы мгновенного считывания ключевых его признаков закодированы в языке [Смирнов 2021]. Этот вывод перекликается с укорененностью общества в своей почве и культуре (*Bodenständigkeit*)

М. Хайдеггера. Таким образом, рационально мыслящие индивиды, принадлежащие к различным локально-цивилизационным сообществам, по-разному будут принимать рациональные решения. Ранее, согласно выводам К. Поланьи, было принято считать, что к недостаточно модернизированным обществам нельзя применять классические экономические (рыночные) модели. Экономический социолог М. Грановеттер продемонстрировал, что степень снижения укорененности экономического поведения в традиционных институтах с приходом модернизации изрядно преувеличена [Granovetter 1985]. Следовательно, идеология локального государства-цивилизации призвана защищать свой уникальный вариант культуры, имеющий всечеловеческое значение, включая связанные с ним экономические модели поведения.

**Социально-политические аргументы.** Концепция наличия множественных современностей отрицает существование ее единой модели, полагая, что различные общества развиваются своим уникальным путем, интерпретируя и реализуя идеи модернизации через призму собственных культурных, исторических и социальных особенностей [Eisenstadt 2002]. Правительства и неправительственные акторы многих стран основывались в своих действиях на западоцентричных представлениях о том, что такое развитие и каковы его цели, помогая сохранению доминирования Запада [Escobar 1995]. Концепт же самобытного государства-цивилизации предполагает аутентичное понимание критериев развития и способствует слому этого сложившегося порядка [Pye 1992; Kumar 1993; Zhang 2012]. Развивающиеся в логике государства-цивилизации Индия, Китай и Россия увеличивают свое геополитическое влияние и демонстрируют темпы экономического роста выше среднемировых.

Приведенные аргументы в пользу цивилизационно-аутентичной модели развития демонстрируют необходимость системного подхода к формированию государственной идеологии России. Локально-цивилизационный подход позволяет осмыслить уникальность исторического пути России, признать право на ее особый вектор развития и отказаться от механического копирования зарубежных моделей. Вместе с тем теоретическое обоснование аутентичного пути развития требует воплощения в конкретных сферах государственной политики.

### **Экономическая теория и экономическая политика в контексте государственной идеологии**

Рассмотрение государственной идеологии как вектора развития локальной цивилизации закономерно ставит вопрос о необходимости согласования идеологических принципов с политикой в конкретных областях. Возможность такого согласования проанализируем на примере экономической теории и практики, имеющих особое значение для развития государства. Именно посредством экономических механизмов реализуются стратегические приоритеты, а столкновение идеологических принципов с экономической реальностью проверяет на жизнеспособность ценностную систему общества. Исходя из этого, в контексте локально-цивилизационного подхода можно сформулировать следующие ключевые принципы взаимодействия экономики и идеологии

Во-первых, следует исходить из ценностной обусловленности экономической теории и практики. Экономика не является ценностно-нейтральной сферой, она всегда опирается на определенные аксиологические основания. Экономическая теория определяет инструментарий достижения целей, но сами цели социально-экономического развития формулируются в рамках более широкой идеологической системы. Как демонстрирует В.А. Фадеев в статье<sup>3</sup>, посвященной будущему российской экономической науки, идеологическая беспристрастность невозможна даже в рамках отдельных научных дисциплин. Государственная идеология, будучи неотъемлемой составляющей любого стратегического проекта, определяющим образом влияет на выбор направления, в котором трансформируются экономика и социально-политическая сфера. Чтобы подтвердить это, сделаем небольшой исторический экскурс.

Идеи, созвучные мыслям В.А. Фадеева, ранее неоднократно высказывались отечественными авторами. Однако радикально либеральная идеология, которая фактически господствовала в нашем государстве в 90-е годы XX века (с опорой на миф об эффективности рыночной экономики и т.п. догмы), несколько смягчаясь в последующие два десятилетия, мешала по достоинству оценить эти рекомендации. Часть из них постепенно начинает внедряться только в настоящее время, несмотря на некогда высокий статус

---

<sup>3</sup> *Фадеев В.А.* Арсенал для петард // Монокль. 2024. 23 июня. – URL: <https://monocle.ru/monocle/2024/26/arsenal-dlya-petard/>.

ушедших из жизни разработчиков и убедительную доказательность выработанных ими предложений.

Опыт постсоветских реформ наглядно продемонстрировал разрушительные последствия механического перенесения экономических теорий, основанных на иных цивилизационных предпосылках. Как справедливо указывал В.А. Фадеев, идеология универсализма в экономике приводила к догматизму и отрыву от действительности. Универсалистский взгляд на историю развития человечества, игнорирование локально-цивилизационной специфики существенно ограничивали объяснительный потенциал экономической науки. Примечательно, что даже в рамках марксизма-ленинизма с его формационным подходом советские обществоведы были вынуждены говорить об «азиатском способе производства», поскольку многообразие локально-цивилизационных траекторий развития не укладывалось в универсальную схему.

Во-вторых, экономическая политика должна учитывать не только финансовые показатели, но и широкий спектр социальных параметров, отражающих человеческое измерение экономики.

Академик Д.С. Львов разработал системный подход, который рассматривал экономику и социальную сферу как единое целое. В краткосрочном периоде параметры социального развития должны выступать в качестве жестких ограничений для принятия экономических решений. В среднесрочном периоде они формируют критерии успешности социально-экономической политики. В долгосрочном плане социальные маркеры переходят в разряд ценностей обеспечения будущего страны.

Одна из статей Д.С. Львова, обосновывающая структуру справедливой экономики, функционирующей на иных принципах, нежели рыночная, названа «Нравственная экономика» [Львов 2004]. Будучи православным человеком, Львов был убежден в том, что скрепляющим стержнем духовных начал российского общества являются соборность и личностное стремление к общности социально-экономической жизни. В соответствии со взглядами русских религиозных философов (И.В. Киреевского, А.С. Хомякова, П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, Г.В. Флоровского и др.) Д.С. Львов считал, что вера и наука не антагонистичны, и видел возможность решения назревших социально-экономических задач не иначе как на началах духовного и нравственного возрождения страны. Поэтому предлагаемая им экономическая модель должна

была базироваться не на индивидуальном успехе, стремлении к наживе и безграничному потреблению, а на коллективном благополучии и высоком качестве жизни у каждого члена общества.

В число необходимых для этого благ академик Львов включал «труд не только ради заработка» и «время, свободное от труда ради заработка», без наличия которых остальные блага потребления и свободы самоопределения представляют собой лишь эрзац свобод. Его тревожило то, что с переходом страны на рыночные рельсы резко изменилось соотношение рабочего и свободного времени, произошло фактическое увеличение допустимого рабочего времени, в том числе за счет совмещения работ. В связи с тем, что личные доходы в условиях нравственной экономики должны определяться вкладом каждого в прирост чистого дохода общества, академик Д.С. Львов, размышляя о перспективах российской экономики, акцентировал внимание на значимости «опорного слоя» российской цивилизации – людей созидательно-го труда, для которых творчество – норма жизни, а не средство существования [Львов 1999а, 14–15].

Переход от плановой к рыночной экономике в начале 90-х годов XX века был осуществлен при полном пренебрежении социальными аспектами трансформации и их морально-этическими следствиями. Роль государства сознательно ограничили решением задачи финансовой стабилизации. Отечественной экономической науке навязали систему взглядов, состоящую из набора постулатов о свободной конкуренции, абсолютной рациональности и полной информированности хозяйствующих субъектов, возможности установления равновесной эффективности. На базе этого неолиберального «символа веры» был разработан комплекс мер, включающий в себя либерализацию цен, приватизацию государственной собственности, жесткий контроль над денежной массой, максимальное ограничение роли государства как субъекта экономического влияния.

Однако концепция «догоняющей» модернизации возникла в рамках универсалистской линейно-прогрессистской модели мира. В противовес ей академик Львов предлагал «эволюционную», т.е. обеспечивающую системную преемственность развития во времени, и «диффузную» модернизацию, направленную на внедрение позитивных инноваций по всему социально-экономическому пространству страны. Данную модель автор настоящей статьи предпочитает именовать аутентичным раз-

витиём [Ильинская 2018; Ильинская 2020]. Поэтому экономическое измерение должно включать в себя такие показатели, как распределение доходов в обществе, доступность качественного образования и здравоохранения, экологическое благополучие, культурное развитие, возможности для творческой самореализации. Эти факторы имеют фундаментальное значение для жизнеспособности локальной цивилизации и не могут быть принесены в жертву абстрактным экономическим показателям.

В-третьих, успешность социально-экономических теорий определяется результатами их практического применения. Если экономическая теория не работает в конкретных исторических условиях, необходимо критически пересмотреть ее основания, а не пытаться искусственно адаптировать действительность к теоретическим конструкциям.

Опыт рыночных реформ 90-х годов XX века в России показывает несостоятельность универсалистских экономических моделей, механически перенесенных из иного культурно-исторического контекста. В эти годы произошла определенная примитивизация экономической мысли, теоретическая наука была оторвана от практики. Радикальные экономические реформы для постсоциалистических стран вылились в настоящий кризис экономической теории, а неадекватность экономических прогнозов достигла апогея [Львов 1999б, 9].

При применении критического дискурсивного анализа [Ильинская, Сирина 2022] вскрывается идеологическая ангажированность базисных понятий, вводимых в социальные и политические науки постсоветских обществ чуть более 30 лет назад. Например, в отечественном понятийном аппарате произошла замена ряда категорий близкими по значению, но далеко не идентичными: место «капитализма» заняла «рыночная экономика», а «социализма» – «командно-административная система». Первая замена – яркий пример категориальной эвфемизации, призванной заретушировать весь комплекс присущих капитализму социальных противоречий, вторая – напротив, пример «негативизации» политической системы, изымающий из содержания обозначаемого множество достижений в вопросах социальной справедливости, которые принес опыт социалистических государств.

В отечественной экономической науке существовала альтернативная модель реформирования, созданная в конце 70-х – начале 80-х годов XX века в крупномасштабных исследованиях по Ком-

плексной программе научно-технического прогресса. Суть этой модели заключалась в том, что главной диспропорцией, сдерживающей экономический рост, полагали недопустимо низкий уровень заработной платы наемных работников. Главный исходный замысел реформ должен был состоять в повышении оплаты труда на фоне структурной переориентации экономики на развитие потребительского сектора с опорой на научно-технический прогресс [Львов 1997, 484].

Отечественными учеными была разработана двухступенчатая модель экономики [Львов и др. 1998, 55–56], в которой рыночную конкуренцию в чистом виде рекомендовали только для низовых сегментов, а принцип максимизации прибыли не считали определяющим. Был обоснован процесс потери значения частной собственности по мере развития технического прогресса, обусловленный несовместимостью принципов эффективного управления и желания собственника максимизировать прибыль, поскольку вопросы стратегического характера при развитии предприятий нередко приходится решать в ущерб частным интересам. Поэтому акцент был сделан на изучении соединительных связей в экономике, включая в них взаимные обязательства и ответственность, с опорой на то, что современная экономика отнюдь не рыночная, а контрактная, и развитие должно быть не просто устойчивым, а экологически устойчивым [Львов, Моисеев 2012, 14].

Анализ, предлагаемый отечественными экономистами, тесно соотносился с выводами теорий периферийного капитализма (С. Фуртаду), неэквивалентного обмена (А. Эммануэль) и зависимого развития (Р. Пребиш, А.Г. Франк), а их предложения – с концепцией государства развития (Ч. Джонсон, Э. Эмсен), согласно которой для быстрого экономического роста важны активное вмешательство государства в экономику через промышленную политику, стратегическое планирование, селективный протекционизм, ориентацию на экспорт, инвестиции в человеческий капитал и наличие сильной, компетентной бюрократии. Эти альтернативные подходы, лучше учитывавшие специфику российской экономики и общества, были проигнорированы в угоду абстрактным концепциям свободного рынка. Опыт постсоветских реформ убедительно показал, что игнорирование действительности в пользу теоретических конструкций приводит к тяжелым социально-экономическим последствиям.

В-четвертых, экономика, как и другие сферы общественной жизни, не может и не должна функционировать как автономная область с собственной логикой, независимой от государственных интересов и социальных запросов. Управление экономическими субъектами (вне зависимости от формы собственности) должно осуществляться с учетом позиции государства и общества в целом.

Настаивая на использовании понятия «контрактная экономика» взамен термина «рыночная экономика», Д.С. Львов обращал внимание на то, что крупные предприятия дееспособны лишь в силу разделения имущественных прав на вещные и обязательственные. Первые, т.е. права на активы, принадлежат корпорации, вторые – ее акционерам, каждый из которых в действительности является не собственником, а только вкладчиком своих средств.

В контексте локально-цивилизационного подхода особенно важно уточнить, что право частной собственности не должно быть абсолютным. Функционирование крупных хозяйственных субъектов несовместимо с единоличным распоряжением активами в собственных интересах, что может приводить к убыткам для предприятия и общества в целом. Игнорирование этого фактора стало одной из главных причин тяжелого положения многих российских предприятий после приватизации. Когда инициаторы масштабной приватизации уверяли в том, что переход контроля над ресурсами от государства в руки частных лиц даст импульс для возрождения предпринимательства, которое, в свою очередь, обеспечит повышение эффективности производства, Львов возражал, утверждая, что история человечества пока не доказала преимущества одной формы собственности над другой. Например, частная и коллективная собственность на землю – две исторические альтернативы, при этом вторая гораздо более экологически безопасна с точки зрения разумного и щадящего природопользования сложившихся биогеоценозов. Эта историческая альтернатива была уничтожена в Новом Свете европейскими переселенцами, а в России – сначала реформой П.А. Столыпина, а затем (после вынужденного возрождения в советский период) постсоветским разрушением колхозов. В настоящее время народная собственность на землю сохраняется во Вьетнаме, государственная и коллективная (в деревнях) – в Китае и других странах, сохранивших преемственность с социалистическим путем развития и развивающих модель солидарной эконо-

мики [Иншаков, Егоров 2022] при ограниченной либерализации отдельных ее сегментов.

Цивилизационные особенности России – суровые условия хозяйствования, короткий вегетационный период, необходимость отражать военную агрессию по большому периметру границ – обусловили формирование коллективной, а не индивидуалистической формы организации труда (община, артель, колхоз) и редистрибутивной экономики. Как пишет С.Г. Кирдина, в России «никогда не было частной собственности в западном понимании, поскольку не существовало такого излишка, который можно было бы перераспределять с помощью рыночных механизмов» [Кирдина 2014, 240].

Еще основатель локально-цивилизационного подхода Н.Я. Данилевский обратил внимание на то, что и политическая теория Т. Гоббса, в основе которой содержится допущение о том, что люди в «естественном состоянии» находятся в положении «войны всех против всех», и экономическая теория А. Смита, опирающаяся на постулат о конкурентной борьбе, и естественно-научная теория Ч. Дарвина о происхождении видов, базирующаяся на их непрерывной борьбе за существование, «односторонни и носят на себе тот же характер преувеличения, как преувеличена их основа в английском народном характере» [Данилевский 2018, 149]. Данилевским за сто лет до Т. Куна подробно рассмотрен процесс накопления знаний в науке, вплоть до критического состояния, когда происходит научная революция и одна парадигма вынужденно сменяется другой [Данилевский 2018, 150–165]. Переходя от естественно-научного знания к наукам общественным, Николай Яковлевич категорически отрицал возможность универсальной теоретической «политики» или «экономии», поскольку теории, обогатившие данные науки, несут на себе слишком сильный отпечаток «морфологического начала» породившего их общества. С ним вполне согласны современные «контекстуалисты» (Эссекская научная школа критического дискурсивного анализа Ш. Муфф и Э. Лакло), убежденные в том, что содержательная часть социального знания во многом обусловлена породившим ее контекстом.

Действительно, западные политические и экономические теории Нового времени в массе своей исходят из того, что человек – это атомарный индивидуалист и рациональный эгоист, и поэтому ищут более или менее совершенную «механику» обуздания его

хищнической природы с помощью правовых инструментов или согласовательных процедур. В то время как соборный принцип принятия решений, традиционно используемый в России, тоже является демократическим, только принцип такой демократии – иной. Он не навязывает всему обществу «волю большинства», как в западной традиции, опираясь вместо принципа «один человек – один голос» на коллегиальный механизм, дающий в итоге приемлемое для всех решение, в целях достижения которого каждый должен в чем-то поступиться своими интересами.

Таким образом, государственная идеология, выступая концентрированным выражением стратегических целей и тактических задач государства-цивилизации, должна определять вектор развития экономической теории и политики. Как считал академик Львов, модернизация экономики России, необходимая для поддержания ее конкурентоспособности, невозможна без сохранения исторической преемственности, поскольку в хозяйственный цикл входит не только материальная составляющая (действительность), но и духовная (отношение людей к этой действительности).

Не все разработки прошлых лет сохраняют актуальность в современных условиях. Часть рекомендаций академика относительно рентоориентированных направлений развития экономики в современных условиях получает переосмысление и трансформируется в более экологически приемлемые стратегии, основанные на расширении выпуска продукции с высокой добавленной стоимостью. Для России время экономики, базирующейся на экспорте природных ископаемых, осталось в прошлом: это слишком незначительный проект для государства-цивилизации, не предполагающий перспективы развития. Ресурсы следует сберечь для будущих поколений, газифицировать собственных граждан, развивать высокотехнологичные производства.

Вместе с тем важнейшие положения разработанной Львовым нравственной экономики сохраняют непреходящую актуальность. К основным из них можно отнести принципы коллективного благополучия и высокого качества жизни каждого человека, направленные на достижение главного блага: труда не только ради заработка и наличия свободного времени для саморазвития. Эти принципы соответствуют традиционной для российской истории роли «сильного» государства, активно регулирующего экономическую жизнь, и могут стать основой «русского чуда» с применением проверенной временем редистрибутив-

ной экономической модели, адаптированной к современным условиям.

### **Заключение**

Локально-цивилизационная парадигма существования не отменяет необходимости наличия государственной идеологии как вектора, определяющего направление, в котором обществу надлежит развиваться в текущий момент времени. Частичное наложение, взаимное пересечение, но не тождественность этих сфер очевидны на примере других стран-цивилизаций, в особенности Ирана, Китая и Индии. Говоря об идеологии российского государства-цивилизации, мы имеем в виду концентрированное выражение стратегических целей и тактических задач, стоящих перед ним в обозримой перспективе, а также способов их достижения. Они должны быть основаны на аутентичных ценностях, архетипах, менталитете, социокультурных кодах, т.е. неких константах существования, качественных отличиях, сформировавшихся под влиянием особых климатических и географических условий, исторического опыта, отразившихся в том числе на политических и экономических институтах. В рамках государственной идеологии допустимы заимствования, обращения к опыту иных цивилизаций, при сохранении аутентичной ценностной основы и осознании того, что социогуманитарные теории неизбежно идеологичны (в той или иной степени) и носят отпечаток породившей их культуры, а идеология так или иначе вынуждена опираться на научную базу.

Игнорирование локально-цивилизационного подхода при выработке государственной идеологии, универсалистский взгляд на историю развития человечества приводили к косности и догматизму в общественных дисциплинах (как в советский, так и постсоветский периоды), которые в настоящее время еще предстоит преодолеть. При этом действительность («правда жизни») не вмещалась в примитивные объяснительные схемы. Коммунистическая идеология, родившаяся как внутренний оппонирующий голос западной цивилизации, восторжествовала на пространстве бывшей Российской империи, поскольку коррелировала с русским общинным социализмом и локально-цивилизационными представлениями о справедливости (имеющими православную основу). Советские обществоведы в эпоху доминирования формационного подхода были вынуждены говорить об «азиатском

*С.В. ИЛЬИНСКАЯ. Государственная идеология как вектор развития локальной...*

способе производства», поскольку локально-цивилизационная множественность не укладывалась в логику универсальной схемы прогрессивного развития. Косность и догматизм в отношении идеологии, которая должна быть живой саморазвивающейся системой, отвечающей вызовам времени, сделали впоследствии и марксизм-ленинизм, и формационный подход неадекватными изменившимся реалиям позднего советского общества. А слепое следование либертарианским рецептам, базирующимся на западных ценностях крайнего индивидуализма, привело к неадекватности постсоветской экономической политики локальной специфике России как государства-цивилизации.

*ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА*

Бондарева, Ильинская 2024 – *Бондарева Я.В., Ильинская С.Г.* Логика смысла российской цивилизации через призму русской философии // *Современные философские исследования*. 2024. № 2. С. 64–75.

Вафин 2024 – *Вафин А.М.* Идеология в организации. – М.: Либроком, 2024.

Гадамер 1988 – *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: основы философской герменевтики / общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988.

Данилевский 2018 – *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. – М.: Алгоритм, 2018.

Ильинская 2018 – *Ильинская С.Г.* Концепт аутентичного развития как альтернативная модернизации идеология // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Политология. 2018. Т. 20. № 2. С. 215–236.

Ильинская 2019 – *Ильинская С.Г.* Нарративы стихийной самоидентификации россиян в контексте постсоветского развития // *Полилог*. 2019. Т. 3. № 3 (9).

Ильинская 2020 – *Ильинская С.Г.* Аутентичное развитие: ключевые аспекты концепта // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 1. С. 116–133.

Ильинская 2021a – *Ильинская С.Г.* «Политико-прикладная» и «логико-смысловая» «волны» осмысления феномена «локальная цивилизация» // *Полилог*. 2021. Т. 5. № 4 (18).

Ильинская 2021b – *Ильинская С.Г.* «Цивилизация» как локальный феномен: начальный этап теоретического осмысления // *Общественные науки и современность*. 2021. № 6. С. 119–134.

Ильинская 2021в – *Ильинская С.Г.* Локально-цивилизационные исследования и социальный конструктивизм: возможности сопряжения // *Философская мысль*. 2021. № 11. С. 105–118.

Ильинская 2023а – *Ильинская С.Г.* Парадоксы толерантности и терпимости: западный и российский опыт // *Свободная мысль*. 2023. № 3 (1699). С. 73–88.

Ильинская 2023б – *Ильинская С.Г.* Факторы цивилизационной безопасности // *Экология человека в современных трансформациях исторического времени* / отв. ред. Э.В. Баркова. – М.: Русайнс, 2023. С. 25–29.

Ильинская, Сирина 2022 – *Ильинская С.Г., Сирина Е.А.* Дискурсивные исследования и выявление идеологических конструктов // *Личность. Культура. Общество*. 2022. Т. 24. № 3–4 (115–116). С. 108–129.

Иншаков, Егоров 2022 – *Иншаков А.А., Егоров В.Г.* Азиатская модель солидарной экономики // *Обозреватель*. 2022. № 11–12 (394–395). С. 61–79.

Кирдина 2014 – *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России: введение в Х-У-теорию. – СПб.: Нестор-История, 2014.

Львов 1997 – *Львов Д.С.* Экономическая наука в новой России // *Вестник Российской академии наук*. 1997. Т. 67. № 6. С. 483–507.

Львов 1999а – *Львов Д.С.* Будущее российской экономики. Экономический манифест // *Экономическая наука современной России*. 1999. № 3. С. 5–31.

Львов 1999б – *Львов Д.С.* Экономическая наука и ее влияние на ход экономических реформ // *Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития*. 1999. № 1. С. 6–15.

Львов 2004 – *Львов Д.С.* Нравственная экономика // *Свободная мысль – XXI*. 2004. № 9. С. 24–36.

Львов и др. 1998 – *Львов Д.С., Голубов А.И., Гребенников В.Г.* Двухсекторная предпринимательская экономика как путь к формированию благоприятного инвестиционного климата в России // *Экономическая наука современной России*. 1998. № 4. С. 45–57.

Львов, Моисеев 2012 – *Львов Д.С., Моисеев Н.Н.* Россия в поисках третьего пути. Вехи 2001 года // *Вестник экологического образования*. 2012. № 1 (63). С. 10–15.

Национальная идеология... 2023 – *Национальная идеология России*. Проект. – М.: Перо, 2023.

Пантин 2023 – *Пантин В.И.* Цивилизационные и социально-политические основания современной российской идеологии // *Философские науки*. 2023. Т. 66. № 3. С. 11–29.

С.В. ИЛЬИНСКАЯ. Государственная идеология как вектор развития локальной...

Смирнов 2021 – Смирнов А.В. Логика смысла как философия сознания: приглашение к размышлению. – М.: ЯСК, 2021.

Харичев и др. 2022 – Харичев А.Д., Шутов А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.Н. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6. № 3. С. 9–19.

Eisenstadt 2002 – Eisenstadt S.N. Some Observations on Multiple Modernities // Reflections on Multiple Modernities: European, Chinese and Other Interpretations / ed. by D. Sachsenmaier, S.N. Eisenstadt, J. Riedel. – Leiden: Brill, 2002. P. 27–42.

Escobar 1995 – Escobar A. Encountering Development: The Making and Unmaking of the Third World. – Princeton: Princeton University Press, 1995.

Granovetter 1985 – Granovetter M. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness // American Journal of Sociology. 1985. Vol. 91. No. 3. P. 481–510.

Kumar 1993 – Kumar R. L'Inde: État-nation ou État-civilisation? // Hérodote: stratégies, géographies, idéologies. 1993. No. 10. P. 43–60.

Pye 1992 – Pye L. The Spirit of Chinese Politics. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992.

Zhang 2012 – Zhang W. The China Wave: The Rise of a Civilisational State. – Singapore: World Century Publishing Corporation, 2012.

REFERENCES

Bondareva Ya.V. & Ilinskaya S.G. (2024) Logic of the Meaning of Russian Civilization through the Prism of Russian Philosophy. *Sovremennye filosofskie issledovaniya*. No. 2, pp. 64–75 (in Russian).

Danilevskiy N.Ya. (2018) *Russia and Europe*. Moscow: Algorithm (in Russian).

Eisenstadt S.N. (2002) Some Observations on Multiple Modernities. In: Sachsenmaier D., Eisenstadt S.N., & Riedel J. (Eds.) *Reflections on Multiple Modernities: European, Chinese and Other Interpretations* (pp. 27–42). Leiden: Brill.

Escobar A. (1995) *Encountering Development: The Making and Unmaking of the Third World*. Princeton: Princeton University Press.

Gadamer H.-G. (1988) *Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics* (B.N. Bessonov, Ed. & Intro.). Moscow: Progress (Russian translation).

Granovetter M. (1985) Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness. *American Journal of Sociology*. Vol. 91, no. 3, pp. 481–510.

Iinskaya S.G. (2018) The Concept of Authentic Development as an Alternative Ideology to Modernization. *RUDN Journal of Political Science*. Vol. 20, no. 2, pp. 215–236 (in Russian).

Iinskaya S.G. (2019) Narratives of Spontaneous Self-Identification of Russians in the Context of Post-Soviet Development. *Polilog*. Vol. 3, no. 3 (in Russian).

Iinskaya S.G. (2020) Authentic Development: Key Aspects of the Concept. *RUDN Journal of Political Science*. Vol. 22, no. 1, pp. 116–133 (in Russian).

Iinskaya S.G. (2021a) “Applied Political” and “Logical-Semantic” “Waves” of Understanding the Phenomenon of “Local Civilization”. *Polilog*. Vol. 5, no. 4 (in Russian).

Iinskaya S.G. (2021b) “Civilization” as a Local Phenomenon: Initial Stage of Theoretical Understanding. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 6, pp. 119–134 (in Russian).

Iinskaya S.G. (2021c) Local-Civilizational Studies and Social Constructivism: Possibilities of Coupling. *Filosofskaya mysl'*. No. 11, pp. 105–118 (in Russian).

Iinskaya S.G. (2023a) Paradoxes of Tolerance and Forbearance: Western and Russian Experience. *Svobodnaya mysl'*. No. 3, pp. 73–88 (in Russian).

Iinskaya S.G. (2023b) Factors of Civilizational Security. In: Barkova E.V. (Ed.) *Human Ecology in Modern Transformations of Historical Time* (pp. 25–29). Moscow: Ruscience (in Russian).

Iinskaya S.G. & Sirina E.A. (2022) Discursive Studies and Identification of Ideological Constructs. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. Vol. 24, no. 3–4, pp. 108–129 (in Russian).

Inshakov A.A. & Egorov V.G. (2022) The Asian Model of Solidarity Economy. *Obozrevatel'*. No. 11–12, pp. 61–79 (in Russian).

Kharichev A.D., Shutov A.Yu., Polosin A.V., & Sokolova E.N. (2022) Perception of Basic Values, Factors, and Structures of Socio-Historical Development of Russia (Based on Research and Aproobation Materials). *Zhurnal politicheskikh issledovaniy*. Vol. 6, no. 3, pp. 9–19 (in Russian).

Kirdina S.G. (2014) *Institutional Matrices and the Development of Russia: Introduction to X-Y Theory*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya (in Russian).

*С.В. ИЛЬИНСКАЯ. Государственная идеология как вектор развития локальной...*

Kumar R. (1993) L'Inde: État-nation ou État-civilisation? *Hérodote: stratégies, géographies, idéologies*. No. 10, pp. 43–60 (in French).

Lvov D.S. (1997) Economic Science in New Russia. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 67, no. 6, pp. 483–507 (in Russian).

Lvov D.S. (1999a) The Future of the Russian Economy. Economic Manifesto. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii*. No. 3, pp. 5–31 (in Russian).

Lvov D.S. (1999b) Economic Science and Its Influence on the Course of Economic Reforms. *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya*. No. 1, pp. 6–15 (in Russian).

Lvov D.S. (2004) Moral Economy. *Svobodnaya mysl' – XXI*. No. 9, pp. 24–36 (in Russian).

Lvov D.S., Golubov A.I., & Grebennikov V.G. (1998) Two-Sector Entrepreneurial Economy as a Way to Form a Favorable Investment Climate in Russia. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii*. No. 4, pp. 45–57 (in Russian).

Lvov D.S. & Moiseev N.N. (2012) Russia in Search of a Third Way. Milestones of 2001. *Vestnik ekologicheskogo obrazovaniya*. No. 1, pp. 10–15 (in Russian).

*National Ideology of Russia: A Project*. (2023) Moscow: Pero (in Russian).

Pantin V.I. (2023) Civilizational and Socio-Political Foundations of Contemporary Russian Ideology. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 66, no. 3, pp. 11–29 (in Russian).

Pye L. (1992) *The Spirit of Chinese Politics*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Smirnov A.V. (2021) *Logic of Meaning as Philosophy of Consciousness: An Invitation to Reflection*. Moscow: LRC Publishing House (in Russian).

Vafin A.M. (2024) *Ideology in Organization*. Moscow: Librokom (in Russian).

Zhang W. (2012) *The China Wave: The Rise of a Civilisational State*. Singapore: World Century Publishing Corporation.

## **Кризис государства-нации: выбор между государством-корпорацией и государством-цивилизацией**

*В.И. Спиридонова*

*Институт философии РАН, Москва, Россия*

### **Аннотация**

В статье рассмотрена концепция государства-цивилизации как альтернативная модель политической организации, возникшая в начале XXI века в противовес парадигме национального государства. Автором проанализированы направленные против этой концепции аргументы западных теоретиков, условно обозначенные в статье как исторический и методологический. Первый аргумент, опирающийся на прогрессистскую логику эволюции, определяет существо государства-цивилизации как регресс, возвращение к премодерну, «скатывание в архаику». Это утверждение игнорирует то, что всякая цивилизация содержит ценностное ядро, выступающее как миф основания, первообраз, «чистая парадигма», «идеальное задание», которое разворачивается во времени и пространстве, постоянно обновляясь и давая адекватные ответы на новые вызовы современности. Второе возражение апеллирует к западному позитивистскому ограничительному пониманию государства как «машины управления». На основании этого сделан вывод о несовместимости «механистической» функции, присущей государству, и «организмической» основы понятия цивилизации. Данный аргумент не является обоснованным для незападной философии, в которой государство мыслится в этической перспективе, утраченной европейским сознанием к настоящему времени. В незападной политической науке государство считают ответственным за реализацию общего блага, хранителем мира и гармонии, в итоге воспринимая как «добродетель». В статье анализируются тенденции развития модели национального государства, выделены факторы, обуславливающие кризис такой модели. Становление модели государства-цивилизации (Китай, Россия, Индия и др.) служит не только формой самозащиты рассматриваемых стран, но и необходимым противовесом концентрации глобальной власти. Эти государства становятся центрами притяжения для сходных по культуре и историческому развитию регионов,

*В.И. СПИРИДОНОВА. Кризис государства-нации: выбор между государством...*

формируя новые «миры-цивилизации». В заключении сформулирован вывод о том, что противостояние моделей государства-корпорации и государства-цивилизации отражает фундаментальный выбор между унификацией мира по единому образцу и формированием подлинно многополярного мироустройства, основанного на уважении к цивилизационному многообразию человечества.

**Ключевые слова:** социальная философия, философия политики, философия международных отношений, нация-корпорация, преродерные государства, постсовременные государства, цивилизационный подход, глобализация, многополярное мироустройство, новый миропорядок.

**Спиридонова Валерия Игоревна** – доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора философских проблем политики Института философии РАН.

vspirid@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6774-7203>

**Для цитирования:** *Спиридонова В.И. Кризис государства-нации: выбор между государством-корпорацией и государством-цивилизацией // Философские науки. 2025. Т. 68. № 4. С. 66–87.*  
DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-4-66-87

## **The Crisis of the Nation-State: Choosing Between the Corporate State and the Civilizational State**

*V.I. Spiridonova*

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

### **Abstract**

The article examines the concept of the civilizational state as an alternative model of political organization that emerged in the early 21<sup>st</sup> century in opposition to the nation-state paradigm. The analysis addresses two arguments advanced by Western theorists against this concept: one historical, the other methodological. The first argument, based on a progressivist logic of evolution, construes the civilizational state as a regression, a return to the pre-modern, a “descent into the archaic.” This assertion ignores the fact that every civilization contains a core set of values that acts as a foundational myth, an archetype, a “pure paradigm,” an “ideal telos,” and unfolds across

time and space, constantly renewing itself and providing appropriate responses to the new challenges of modernity. The second objection appeals to the restrictive Western positivist understanding of the state as a “machine of governance.” Based on this, it is concluded that the “mechanistic” function inherent to the state is incompatible with the “organismic” basis of the concept of civilization. This argument fails to account for non-Western philosophy, in which the state is conceived from an ethical perspective that has been largely lost in contemporary European thought. In non-Western political thought, the state is held responsible for realizing the common good and for safeguarding peace and harmony, and is ultimately perceived as a locus of “virtue.” The article analyzes the developmental trends of the nation-state model and identifies the factors contributing to the crisis of this model. The emergence of the civilizational-state model (notably in China, Russia, India) serves not only as a form of self-defense for these countries but also as a necessary counterbalance to the concentration of global power. These states are becoming centers of attraction for culturally and historically similar regions, forming new “civilizational worlds.” The article concludes that the dichotomy between the corporate state and the civilizational state represents a fundamental choice: between the unification of the world under a single template and the establishment of a genuinely multipolar world order founded on respect for humanity’s civilizational diversity.

**Keywords:** social philosophy, political philosophy, philosophy of international relations, nation-corporation, premodern states, postmodern states, civilizational approach, globalization, multipolar world order, new world order.

**Valeria I. Spiridonova** – D.Sc. in Philosophy, Chief Research Fellow, Department of the Philosophical Problems of Politics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

vspirid@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6774-7203>

**For citation:** Spiridonova V.I. (2025) The Crisis of the Nation-State: Choosing Between the Corporate State and the Civilizational State. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 68, no. 4, pp. 66–87. DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-4-66-87

## Введение

Понятие «государство-цивилизация» появилось как объект анализа в философии политики в первом десятилетии XXI века.

Впервые в западной политологии оно использовано английским историком М. Жаком в 2009 году в книге, посвященной исследованию Китая как нового и масштабного субъекта мировой политики [Jacques 2012]. В дальнейшем более подробную разработку концепции применительно к Китаю связывают с именем В. Чжана [Zhang 2012].

Формирование концепции государства-цивилизации стало реакцией на доминирующую в политической науке XX века парадигму, утверждавшую национальное государство в качестве единственной современной и легитимной формы государственности. Согласно классическому определению, национальное государство – это «независимое государство с письменной конституцией, управляемое от имени нации равноправных граждан» [Wimmer, Feinstein 2010, 764]. В этой модели государство обосновывает свой суверенитет тем, что оно является воплощением коллективной воли нации. Данную концепцию, сформировавшуюся в контексте европейской истории, в течение длительного периода рассматривали как универсальный стандарт и нормативный идеал политического развития, который предполагалось распространить на весь мир независимо от культурно-исторических особенностей различных обществ.

Однако в XXI веке легитимность и универсальность модели национального государства подвергаются все более глубокому переосмыслению. Возникает ряд принципиальных вопросов. Является ли подобное обоснование государственного суверенитета единственно возможным? Подходит ли эта форма для стран с иными, незападными цивилизационными и культурными традициями? Соответствуют ли государства, которые определяют себя как национальные, основному характеризующему их критерию: является ли источником суверенитета в них действительно «нация равноправных граждан»?

Актуализация этих вопросов обусловлена двумя фундаментальными процессами. С одной стороны, возрастает экономический и политический вес незападных государств, которые ищут собственные пути политического самоопределения, основанные на их историческом опыте и культурных особенностях. С другой – модель национального государства переживает системный кризис даже в странах своего происхождения. Этот кризис проявляется в эрозии классических идеологий, которые обеспечивали массовое участие граждан в политической жизни; в росте транснациональной мобильности и ослаблении связи между гражданами и кон-

кредитными государствами; в размывании национальных культур под влиянием глобализации; в усилении влияния международных корпораций, контролирующих ключевые коммуникационные платформы и передовые технологии.

В данном контексте концепция государства-цивилизации предлагает альтернативное понимание легитимности и суверенитета, основанное на признании уникальности и ценности исторически сложившихся цивилизационных общностей. Особое значение эта концепция имеет для современной России в связи с необходимостью укрепления суверенитета и переосмысления основ своей идентичности и своей роли в системе международных отношений.

### **Проблема соотношения моделей государства-нации и государства-цивилизации**

Современные западные авторы признают, что появление понятия «государство-цивилизация» стало реакцией вновь поднимающихся крупных мировых экономик, образующих в перспективе ядра новых мировых макрорегионов («миров-цивилизаций»), на агрессивное распространение западной концепции государства-нации.

Как пишет Ю. Хабермас, национальное государство было государственной формацией, и она «обеспечила рамочные условия, в которых капиталистическая система хозяйствования смогла распространить свое влияние на весь мир» [Хабермас 1995, 212]. Вызов, который бросили государства-цивилизации этому порядку, стал вызовом возрождения историко-культурной составляющей как основы нового мирового многообразия. Появление на мировой арене нескольких стран, заявивших о себе как о государствах-цивилизациях (среди них – Китай, Россия, Индия, Турция, Египет и др.), привело к созданию новой типологии субъектов мировой политики, в которой стали различать государства-нации и государства-цивилизации. При этом второе образование настолько поколебало политический приоритет государства-нации, став, как полагают некоторые исследователи, «типичным государством XXI века» [Therborn 2021, 226], что в течение последних лет ряд авторов стали высказывать идеи о вероятности преобразования Европейского союза в новое европейское государство-цивилизацию, чтобы не упустить шанс на развитие в рамках грядущего мирового порядка [Maçães 2020; Crooke 2020].

Модель государства-нации была исторически оправданной и органичной формой развития для европейских народов, представляющих собой территориально компактные и в целом этнически однородные группы. Для больших территориальных комплексов, населенных множеством этносов с единой историей и близкой культурой, предложение трансформации в национальные государства грозило неизбежным распадом и кризисом сложившейся многонациональной идентичности. Однако внешнее давление через колониальные структуры вынуждало, например, Индию и Китай предпринимать попытки перехода к национально-государственной модели развития, которые привели в итоге к ситуации «колониальной травмы». Л. Пай, политический философ китайского происхождения, пишет о том, что Китай был вынужден «долгое время изображать из себя национальное государство, чтобы адаптироваться к европейским нормам из-за своей экономической слабости века» (цит. по: [Cho 2009]). Сходным образом характеризует положение Индии исследователь Р. Кумар, утверждая, что британские попытки создать национальное государство нарушили аутентичное развитие страны и привели к росту труднопреодолимых напряжений в современном обществе [Kumar 1993, 44–46]. Модернизацию страны проводили через нанесение поражения традиционным властям и создание колониальной администрации, которую использовали «как своего рода пастушьих собак для повседневного управления колонизированной территорией» [Терборн 2015, 92]. «Маколейское» образование<sup>1</sup>, нацеленное на создание «класса лиц, индийцев по цвету кожи и крови, англичан с точки зрения вкуса, мнений, морали и интеллекта... которые могут быть переводчиками» [Терборн 2015, 93] между народом и этими элитами, до сих пор создает раскол в обществе.

Россия в 80–90-е годы XX века испытала вызов неоколониальной агрессии позднего модерна с использованием технологий «мягкой силы» и «цветных революций», которые привели к распаду большого государства и породили серию военных конфликтов. Для России последняя «модернизация» была особенно болезненной и трагической, даже по сравнению с петровской и сталинской. Хотя все три российских модернизации относят к типу «реактивных», т.е. таких, которые, в отличие от колониальной модернизации, со-

---

<sup>1</sup> Т.Б. Маколей (1800–1859) – британский колониальный деятель, внедривший в 1835 году в Индии систему образования на английском языке.

вершены по инициативе внутренней элиты страны. Реактивные модернизации подразделяют на упреждающие и подражательные [Терборн 2015, 96–100]. Первые носят оборонительный характер, нацелены на заимствование технологий для уравнивания шансов на противостояние и не направлены на принципиальное разрушение духовно-нравственных основ общества, составляющих сердцевину самости цивилизации. Подражательная модернизация, которой и была российская модернизация конца XX века, напротив, стремится вытеснить и заместить национальные ценности и потому является радикальной и предельно разрушительной.

Выходом для всех этих стран стал мощный «цивилизационный отказ» (по терминологии Ф. Броделя) от исторически неприемлемой для них модели национального государства и апелляция к новому «культурному концепту политики» – государству-цивилизации. Ф. Бродель, анализируя динамику цивилизационного развития, утверждал, что, испытывая взаимное влияние, цивилизации постоянно претерпевают, в той или иной степени добровольно или под давлением, различные заимствования. Однако трансформации, которые несут с собой угрозу самому существованию цивилизаций и ведут, как он выражается, «в самое сердце цивилизации» [Бродель 2014, 58], после долгих и мучительных колебаний получают решительный отказ. Без такого рода радикальных цивилизационных «долговременных отказов» [Бродель 2014, 60] нет и не может быть цивилизаций как таковых. Они есть показатель самости народа, его цивилизационной сущности. Именно в этом контексте и следует рассматривать факт обращения Китая, России, Индии к инициации процесса осознания себя как государства-цивилизации.

### **Дискуссия вокруг концепции государства-цивилизация**

Практически сразу после появления концепции государства-цивилизации в западной литературе развернулась научная дискуссия о ее истоках и правомерности использования. Поскольку возникновение идеи государства-цивилизации расценивали как элемент противостояния идее национального государства, понятие «государство-цивилизация» вызвало естественную критику среди западных теоретиков. Было выдвинуто два главных возражения. Первое – социально-исторического характера, второе – методологического.

*Аргумент «скатывание в архаику»*

Это возражение представляет собой вариацию проблемы линейной эволюции, которая обосновывает идею прогресса на основании того, что так называемая стрела времени направлена в будущее, а не в прошлое. Профессор социологии Кэмбриджского университета Й. Терборн пишет о том, что момент образования «национальных государств», который связан с выступлениями против династической власти, аристократии старого режима или крупных землевладельцев, есть свидетельство именно такой направленности из прошлого в будущее, и на этом основании он прогрессивен. Государства-цивилизации, как он считает, напротив, апеллируют к «древнему прошлому... являются кристаллизациями элитарной культуры» [Therborn 2021, 235]. Поэтому эта категория есть определенный регресс, возвращение к премодерну, «скатывание в архаику». Терборн утверждает: «Государство-цивилизация по определению является досовременным государством (pre-modern state), черпающим свою уникальность в наследии досовременной цивилизации (pre-modern civilization). Государства-цивилизации являются консервативными, если не сказать реакционными, политическими проектами» [Therborn 2021, 238].

Сходная, но откровенно популистская и манипулятивная аргументация представлена в известной на Западе монографии «Подъем цивилизационного государства» К. Кокера, британского политолога, профессора Лондонской школы экономики, консультанта НАТО. В ней автор заявляет о том, что, поскольку государство-цивилизация обращается к традиции, переосмыслению традиционных ценностей, оно погружается в прошлое, обрекает себя на то, чтобы постоянно жить в «тени своего прошлого» и тем самым история становится для него «пожизненным приговором» [Coker 2019, 95, 105–118].

Очевидно, что понятие цивилизации не предполагает стремления «застрять» в прошлом. Цивилизации, действительно, ценны тем, что сохраняются на протяжении длительного исторического времени, измеряемого тысячелетиями. Однако, если речь идет о ценностном ядре, которое составляет основу цивилизации и которое следует осознать как большой созидательный миф, миф основания данной цивилизации и миф ее постоянного воспроизводства в новых обличьях, соответствующих смене эпох, то наи-

более уместной метафорой видится идея первообраза, изложенная в работах великого русского ученого А.Ф. Лосева.

Миф вскрывает те первоосновы жизни, которые мы пытаемся найти, используя словосочетания «генетический код», «коллективная память», «коллективное бессознательное», нащупывая национальную идею России, и которые, по терминологии А.Ф. Лосева, передаются, наряду с идеей первообраза, с помощью понятий «идеальное задание», «чистая парадигма». Нация – это своего рода «симфоническая личность», имеющая в нашем случае свое «развернутое магическое имя» [Лосев 1990, 579] России-Евразии, которое, если следовать логике А.Ф. Лосева, и есть ядро нашего национального мифа, сжатое отражение мифа, «максимально простая и максимально насыщенная формула мифа» [Лосев 1990, 580]. Как и всякая личность, которая имеет свою сущность, превосходящую простую сумму качеств отдельных индивидов, «симфоническая личность» нации имеет «пребывающее ядро и переменчивые акциденции, связанные с этим ядром» [Лосев 1990, 459]. Именно ядро цивилизации, ее первообраз, «чистая парадигма», «идеальное задание» реализуют свое бытие во времени и пространстве, «энергично самопроявляются» (по терминологии А.Ф. Лосева) в изменчивых внешних формах, сохраняя при этом особость, самость, цивилизационную сущность. Именно так личностно понятая цивилизация существует в истории, она живет, борется, расцветает и умирает. Это «идеальное задание», данное в первообразе как ценностном ядре цивилизации, разворачивается в историческом времени в разных вариациях, не утрачивая сущностного ценностного начала, набора сущностных качеств.

Адекватные отклики коллективного сознания на проявленные элементы первообраза и оказываются в итоге успешными социально-политическими конструкциями, проектами, воплощениями, а не механические внешние заимствования чужих проектов, не эклектический набор элементов из жизни соседних обществ. В нашей недавней истории это прослеживается, в частности, на примере трансформации советской модели: из общечеловеческого интернационального проекта она преобразовалась в русский имманентный проект, вернувшись из абстрактных мечтаний об «общечеловеческом» к «родному» глубинному осознанию импульсов своей истинной (евразийской) коллективной личности.

Понятая таким образом цивилизационная идентичность не является погружением в прошлое, отказом от обновления и развития. Напротив, она есть *процесс постоянного изменения*, в котором изменчивость гарантирована откликами ценностного ядра на внешние вызовы современности. Вместе с тем ответы на вызовы не являются и не могут быть подражательными, а обнаруживают и реализуют внутреннюю самость нации на каждом новом витке развития, точно отражая и требования момента, и особые неповторимые самоценные качества той или иной нации, проявляя первообраз каждый раз в новом качестве. Соответствие новаций внутренним «родным» импульсам, адекватный «отклик» тела и духа нации гарантируют успех и плодотворность социальных реформ и изменений, неимоверно ускоряя подлинный прогресс нации и ее движение в будущее.

В европейской эволюционной прогрессистской парадигме любое возвратное движение цивилизаций в форме радикальных «цивилизационных отказов», которое, по сути, есть не что иное, как самоутверждение цивилизации и нормальный процесс самоосознания нации в качестве самостоятельной сущности, трактуется как «незавершенная модернизация». Ярким примером такого рода анализа российской истории может служить исследовательская работа «Незавершенная Россия» французского исследователя, члена Французской академии Э. Каррер д'Анкосс, изданная во Франции в 2000 году (в России переведена в 2005 году) [Каррер д'Анкосс 2005]. Представленный подход, по сути, есть наследие колониального мышления, которое видит европейское общество единственно возможной моделью развития и идеалом, единственным «стандартом цивилизации» на шкале эволюции, на который необходимо ориентироваться. Этот аргумент родом из прогрессистского толкования понятия цивилизации как высшей стадии эволюции общества по шкале «дикость – варварство – цивилизация». В такой интерпретации цивилизация представлена как исключительно европейский феномен, который превращается в универсальный идеал, образец, модель развития для остальной части человечества.

В рамках такого понимания разрабатываются параметры для определения «стандарта цивилизации» [Linklater 2016], который служит инвариантом старой «цивилизаторской миссии» и предстает как «пропуск» в семью цивилизованных народов. Вместе с тем он оправдывает военное вмешательство в другие страны

от имени «общего блага» человечества и «общечеловеческих ценностей».

Градация по шкале «цивилизация – варварство» не исчезла из кодекса представлений современного мирового сообщества. Она продолжает быть основанием Нового мирового порядка *Rax Globalis*, который разделен на зоны, относящиеся к разной степени современности (ступени модерна): досовременные, современные и постсовременные. США и страны Евросоюза в этой последовательности отнесены к наиболее развитым – постсовременным (постмодерным) государствам. Низшую ступень занимают досовременные (премодерные) государства, которые представляют угрозу для постсовременных.

Принято считать, что главным поставщиком досовременных государств выступают пространства бывших империй, «постимперские» пространства, такие как, например, пространство бывшей Югославии. Такая логика рассуждений составляет фундамент нового либерального интервенционизма, обоснования вмешательства в дела подобных досовременных, якобы несостоявшихся государств.

Уже в начале XXI века западные авторы высказывали идеи о том, что в мире происходит процесс постоянного восполнения рядов досовременных государств. В числе «кандидатов на досовременность» назывались сначала отдельные части бывшего Советского Союза [Купер 2010, 31], а позднее вопрос был поставлен таким образом и в отношении России. Р. Купер пишет: «Интересную проблему являет собой Россия. Станет ли она государством досовременным, современным или постсовременным?» [Купер 2010, 57]. В данном контексте понятны претензии, предъявляемые к государствам-цивилизациям, обвиняемым в «скатывании в архаику», или состоянии премодерна.

Именно в таком ключе представлено описание выбора России в пользу государства-цивилизации в упомянутой выше монографии К. Кокера. Автор оценивает современную российскую модель развития и ее склонность к осознанию себя государством-цивилизацией как несомненное тождество с «авторитарными», «деспотическими», «хищными», «токсичными» режимами [Coker 2019, 105–118].

В действительности такое негативное восприятие России есть не что иное, как обратная сторона внутренних комплексов Запада, для которого, по признанию К. Кокера, Россия представляется как

«вечный Другой» и «враждебность к которой, похоже, является неотъемлемой частью его собственной идентичности» [Coker 2019, 58]. Такова манипулятивно-идеологическая сторона подтекста аргумента западных авторов о «скатывании в архаику», премодерне как основании «цивилизационных государств».

### *Методологический аргумент*

Второй аргумент, направленный против концепции государства-цивилизации, связан с методологическим анализом самой формулировки, которую, исходя из европейской, исключительно институциональной трактовки государства как механизма управления, как государственной машины, как «инструмента», полагают несовместимой с «организмическим» восприятием сущности цивилизаций.

Оппонируя цивилизационному подходу, Д. Прабху, директор Индийского центра Кембриджской бизнес-школы, в статье под названием «Почему не сработает идея Индии как “цивилизационного” государства» пишет о «несовместимости аморфного, по сути, понятия цивилизации с юридической сущностью идеи государства» [Prabhu 2014]. Российский исследователь П.Б. Паршин разъясняет такую позицию более развернуто: «За категорией цивилизации отчетливо просматривается так называемая организмическая метафора: цивилизации, как считается, возникают, растут, взрослеют, стареют... Метафора государства иная, а именно структурно-механическая, что отражено, например, в таких категориях, как “государственный механизм” или “государственный аппарат”» [Паршин 2009, 13]. Действительно, классическим для поздней европейской мысли является определение государства, изложенное, в частности, французскими философами Б. Бади и П. Бирнбаумом. Авторы трактуют его как «хорошо организованную машину власти» [Мамут 1996], что фактически означает разрыв с классической гегельянской концепцией государства как воплощения нравственной идеи.

Незападные страны, напротив, понимают государство в социально-этической перспективе как «добродетель», как ответственность за реализацию общего национального блага, как хранителя мира и гармонии в обществе. Этот последний элемент некогда присутствовал и в европейской мысли. Так, у Аристотеля находим акцентирование нравственной функции государства, того, что государство организуется ради стремления к высшему благу.

Государство – носитель нравственного идеала, и его деятельность должна быть направлена к реализации добродетели. Аристотель утверждает ответственность государства за поле общего, из которого следует то, что «принцип взаимного воздаяния является спасительным для государства» [Аристотель 1983, 456]. Обращая внимание на важность стремления к идеалу государства, соответствующему текущим условиям и требующему заимствования некоторых структур соседних государств, он вместе с тем подчеркивает необходимость учета конкретно-исторических условий и истории развития данной страны. Аристотель пишет о том, что нужно осознать, «кому какой вид наиболее подходит... Хороший законодатель и истинный государственный муж не должны упустить из виду как подлинно наилучший вид государственного устройства, так и относительно наилучший при соответствующих обстоятельствах...» [Аристотель 1983, 486–487].

Таким образом, государство-цивилизация представляет собой не логическое противоречие, а диалектическое единство, в котором институциональная структура государства наполняется культурно-историческим содержанием цивилизации. Через сочетание механической эффективности государственного аппарата и органической целостности цивилизационной идентичности возникает качественно новая форма политической организации, способная ответить на вызовы глобального мира без утраты своей культурной самобытности. Возвращение к аристотелевскому пониманию государства как носителя нравственного идеала в сочетании с современными институциональными механизмами может стать основой для преодоления кризисных явлений в развитии государственности XXI века.

### **Кризис национального государства и переход к государству-корпорации**

Поздняя европейская традиция, усиливая значимость индивидуального начала и идеи «минимального государства», постепенно отошла от этического акцента идеи государственности и стала воспринимать его как инструментальную структуру. Эволюция понимания государства создала основу, с одной стороны, для сокращения традиционно главной внутренней функции государства – ответственности за общее благо, с другой стороны, для ослабления внешнего позиционирования как суверена и интеграции в наднациональные проекты.

Подобные процессы обосновываются либертарианской интерпретацией государства, предполагающей умаление значимости и роли государства, сужение его понимания до административно-аппаратной функции. Как утверждает Ф. Хайек, государство представляет собой одну из многочисленных общественных организаций, созданных людьми исключительно в целях единообразного управления, оно «ни в коем случае не идентично самому обществу» [Хайек 1990, 207] и «ограничено правительственным аппаратом» [Хайек 1990, 208]. Показательным в этом отношении видится общепринятое определение, приведенное в популярном американском учебнике по философии П. Вольфа, выдержавшем к 1989 году четыре издания. В нем предложена следующая дефиниция государства: «Государство – это группа людей, которая правит, издает законы, управляет социальными процессами и вырабатывает правила для социальных групп на определенных территориях и в пределах определенных границ» [Вольф 1996, 403].

Приведенный вариант интерпретации государственности, получивший распространение в США, наделяет государство характерными чертами бизнес-корпорации. Превращение национального государства в государство-предприятие знаменует собой переход от формулы государства-нации к формату *нации-корпорации* (*entreprise-nation*) [Musso 2007]. Именно эту модель, как пишет французский исследователь П. Мюссо, США пытаются распространить сегодня на весь мир.

Данный процесс перехода к модели государства-корпорации обусловлен несколькими современными глобальными тенденциями. Во-первых, в последние десятилетия мы наблюдаем эрозию классических идеологий, которые исторически обеспечивали массовое участие граждан в политической жизни и формировали национальную идентичность. В классической модели национального государства формулу политического пространства определяло доминирование государственной идеологии, а ее носителями и выразителями выступали «традиционные интеллектуалы», связанные с партийными структурами, и профессионалы государственной бюрократии. Традиционные идеологические парадигмы и механизмы идеологизации утрачивают мобилизующий потенциал, что ослабляет связь между гражданами и государством. На смену идеологиям приходят размытые «ценности» и «смыслы», формируемые не в рамках политических партий, а через медий-

ные структуры. Поскольку идеология теперь может быть произведена на «предприятии», в частности «медиапредприятии», которое становится главным актором современного мира, аппарат государства в традиционном понимании становится менее значимым. Появляется новый тип современного интеллектуала, образец «элиты» нового типа, так называемых комменеджеров (неологизм, введенный П. Мюссо, составленный из слов «коммуникация» и «менеджер») [Musso 2007]. Функции новой элиты выходят далеко за пределы узко технологических. Они, скорее, относятся к разряду экономико-идеологических и манипулятивных. Их задача – убеждать, управлять потоками информации и финансов, используя медиатехнологии, а цель – продúcировать «верования», «ценности» и «смыслы». Новая модель управления распространяется не только на рыночную экономику, но и на гражданское общество, государственный аппарат. Как пишет П. Мюссо, актуализируется «процесс генерализации модели предприятия на все общество, что позволяет определить современную политическую американскую форму гегемонии как исходящую от нации-предприятия» [Musso 2007]. Этому сопутствует процесс вырождения политического класса и политической элиты как таковой, что особенно становится очевидным в европейском ареале. Французский историк права П. Лежандр, констатируя этот факт, пишет: «Мы живем в эпоху, когда власть заявляет о своем собственном исчезновении» [Legendre 1999, 64].

Во-вторых, растущая международная мобильность населения существенно ослабляет привязанность граждан к конкретному государству. Современный человек все чаще воспринимает себя как «гражданина мира», а не представителя определенной национальной общности, что подрывает фундаментальную основу национального государства – прочную связь между территорией, населением и государственными институтами. Изменяется не только государственная телеология, но и сами принципы формирования государственной телесности. Последние все более и более формализуются. Это приводит к тому, что единство государства формируется не как органическое (что составляло суть процесса развития государства-нации), а на «заявительной основе», напоминающей формат «клуба»: «Наиболее характерной чертой Нового Света является присущая ему концепция нации как клуба, в который можно и нужно набирать желательных членов» [Терборн 2020, 42]. В эту логику вписывается также политика

мультикультурализма, внедряемая в европейских государствах. И сами небольшие государства сталкиваются с угрозой превращения в региональные филиалы ведущего «государства-корпорации».

В-третьих, процессы глобализации способствуют размыванию национальных культур, унификации образа жизни и стандартизации потребления. Национальные культурные особенности, выступавшие цементирующим элементом государства-нации, постепенно утрачивают уникальность и самобытность. Это создает предпосылки для формирования наднациональных политических образований, в которых национально-культурный компонент заменяется технократическими процедурами и общими экономическими интересами.

В-четвертых, стремительно возрастает влияние международных корпораций, контролирующих ключевые коммуникационные платформы, передовые технологии искусственного интеллекта и основные социальные сети. Если ранее в европейской традиции средства массовой информации часто находились в публичной собственности, их рассматривали как общественное благо, то сегодня их роль фактически выполняют глобальные платформы, принадлежащие частным корпорациям. Это приводит к тому, что формирование общественного мнения и культурных ценностей в значительной степени определяется корпоративными интересами, а не национально-государственными приоритетами.

В-пятых, диапазон вопросов, на которые могут влиять граждане в рамках традиционных демократических процедур, существенно сужается. Значительную часть решений принимают на корпоративном или надгосударственном уровне, без участия граждан. Многие ключевые экономические, технологические и даже социальные вопросы переходят в сферу компетенции международных организаций, транснациональных корпораций или технократических институтов, не подлежащих непосредственному демократическому контролю.

Таким образом, на Западе национальное государство, утрачивая национально-культурную основу, все больше приобретает черты государства-корпорации. В дальнейшем эта тенденция будет усиливаться, поскольку технологический прогресс позволяет все чаще замещать людей, работающих в разных сферах деятельности, техническими системами, принадлежащими корпорациям. Несмотря на декларативно-демократический принцип формиро-

вания западных государств, наблюдается процесс формирования и усиления технократической элиты, контролирующей ключевые ресурсы и технологии. Важным вопросом ближайшего будущего для каждой страны станет определение того, будут ли передовые технологии контролироваться преимущественно государствами или корпорациями. Ввиду этого в формате государства-цивилизации у граждан сохраняется больше возможностей для того, чтобы не превратиться в преимущественно потребителей или клиентов корпоративных структур, сохранить полноценную взаимную связь с государством.

### **Заключение**

В мире происходят существенные изменения самой природы государственности, затрагивающие базовые принципы взаимоотношений между гражданами и государством. Возникновение новых субъектов мировой политики в форме государств-цивилизаций является не только элементом «самозащиты» и самоутверждения, но и необходимым противовесом концентрации глобальной власти в одном центре силы. Более того, они становятся точками притяжения сходных по культуре и историческому развитию регионов, формируя тем самым новые региональные «миры-цивилизации». Процесс этот сегодня уже происходит. Интегрируется так называемая синосфера [Fogel 2009], которая объединяет ряд государств на историко-культурном и духовном фундаменте конфуцианской этики. Обсуждаются проблемы возможного образования новой ассоциации государств в культурном пространстве Индии [Fidler 2010]. Россия обретает идентичность собственного «мира-цивилизации» в рамках большого «Русского мира».

Новые субъекты мировой политики – государства-цивилизации – формируют новый мировой порядок. Точнее, речь идет об исправлении искажений прежнего миропорядка, который в рамках однополярной гегемонии уничтожил понятия суверенитета и невмешательства, возможности развиваться в соответствии с собственными духовными интенциями. Современное «восстание» против Запада свидетельствует о движении в направлении переустройства мирового порядка на новых принципах, принципах многополярности и цивилизационного равноправия.

Существуют все основания предполагать, что на смену Вестфальскому порядку идет другой, получивший предварительное наименование «Истфалия» (Eastphalia) [Ginsburg 2009; Fidler 2010].

Этот процесс именуют наступлением так называемого азиатского века. Предполагается, что он сможет исправить интервенционистские тенденции либерального международного порядка и приведет к снижению уровня международных конфликтов.

Концепция государства-цивилизации представляет собой не архаичный отказ от современности, как пытаются представить ее западные критики, а альтернативный путь интеграции в глобальный мир, при котором обеспечивается устойчивое развитие на основе органической связи с собственным историческим опытом и культурными ценностями. Противостояние моделей государства-корпорации и государства-цивилизации отражает фундаментальный выбор между унификацией мира по западному образцу и формированием подлинно многополярного мироустройства, основанного на уважении к цивилизационному многообразию человечества. Именно этот выбор в итоге будет определять конфигурацию международных отношений и внутреннее устройство государств в XXI веке.

#### ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аристотель 1983 – *Аристотель*. Политика / пер. С.А. Жебелева // *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. С. 376–644.

Бродель 2014 – *Бродель Ф.* Грамматика цивилизации. – М.: Весь мир, 2014.

Вольф – *Вольф Р.П.* О философии / пер. с англ. под ред. В.А. Лекторского, Т.А. Алексеевой. – М.: Аспект Пресс, 1996.

Каррер д'Анкосс 2005 – *Каррер д'Анкосс Э.* Незавершенная Россия / пер. с фр. М.Б. Ивановой. – М.: РОССПЭН, 2005.

Купер 2010 – *Купер Р.* Раздор между народами. Порядок и хаос в XXI веке / пер. с англ. М. Дадына. – М.: МШПИ, 2010.

Лосев 1990 – *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа // *Лосев А.Ф.* Из ранних произведений. – М.: Правда, 1990. С. 393–599.

Мамут 1996 – *Мамут Л.С.* Государство: полюсы представлений // *Общественные науки и современность*. 1996. № 4. С. 45–54.

Паршин 2009 – *Паршин П.Б.* Государство и цивилизация в современных международных отношениях. – М.: МГИМО – Университет, 2009.

Терборн 2015 – *Терборн Й.* Мир. Руководство для начинающих / пер. с англ. Е.М. Горбуновой, Л.Г. Титаренко; под науч. ред. С.М. Гавриленко. – М.: ИД ВШЭ, 2015.

Терборн 2020 – *Терборн Й.* Города власти: город, нация, народ, глобальность / пер. с англ. А. Королева; под науч. ред. В. Данилова. – М.: ИД ВШЭ, 2020.

Хабермас 1995 – *Хабермас Ю.* Гражданство и национальная идентичность // *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность: московские лекции и интервью. – М.: КАМІ; Academia, 1995. С. 209–245.

Хайек 1990 – *Хайек Ф.А.* Общество свободных / пер. с англ. А. Кустарева; под ред. Ю. Колкера. – London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1990.

Buzan 2014 – *Buzan B.* The ‘Standard of Civilisation’ as an English School Concept // *Millennium Journal of International Studies.* 2014. Vol. 42. No. 3. P. 576–594.

Cho 2009 – *Cho K.* The Middle Kingdom: Civilisation state or nation state? // *Knowledge. Economics & Finance.* 2009. October 21. – URL: <https://knowledge.insead.edu/economics-finance/middle-kingdom-civilisation-state-or-nation-state>.

Coker 2019 – *Coker C.* The Rise of the Civilisational State. – Cambridge, UK; Medford, MA: Polity Press, 2019.

Crooke 2020 – *Crooke A.* The Dissolution of Liberal Universalism // *Strategic Culture.* 2020. August 31. – URL: <https://web.archive.org/web/20200912055349/https://www.strategic-culture.org/news/2020/08/31/the-dissolution-of-liberal-universalism/>.

Fidler 2010 – *Fidler D.* Introduction: Eastphalia Emerging? Asia, International Law, and Global Governance // *Indiana Journal of Global Legal Studies.* 2010. Vol. 17. No. 1. P. 1–12.

Fogel 2009 – *Fogel J.A.* Articulating the Sinosphere. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009.

Ginsburg 2009 – *Ginsburg T.* Eastphalia as a Return to Westphalia // *Indiana Journal of Global Legal Studies.* 2009. Vol. 16. No. 1. P. 1–24.

Jacques 2009 – *Jacques M.* When China Rules the World: The Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World. – London: Penguin Books, 2009.

Kumar 1993 – *Kumar R.* L’Inde: État-nation ou État-civilisation? // *Hérodote: stratégies, géographies, idéologies.* 1993. N° 10. P. 43–60.

Legendre 1999 – *Legendre P.* Sur la question dogmatique en Occident. Aspects théoriques. – Paris: Fayard, 1999.

Linklater 2016 – *Linklater A.* The ‘Standard of Civilisation’ in World Politics // *Human Figuration.* Vol 5. No. 2.

Mações 2020 – *Mações Br.* The Attack of the Civilization-State // *Noema Magazine.* 2020. June 15. – URL: <https://www.noemamag.com/the-attack-of-the-civilization-state/>.

Mennell, Poncharal 2010 – *Mennell St., Poncharal B.* L'histoire, le caractère national et la civilisation américaine // Vingtième Siècle. Revue d'histoire. 2010. N° 106. P. 143–159.

Musso 2007 – *Musso P.* Pour une critique du « capitalisme informationnel » // Nouvelles Fondations. 2007. N° 2. P. 110–122.

Prabhu 2014 – *Prabhu J.A.* Why the Idea of India as a 'Civilisational' State Will Simply Not Fly // Firstpost. 2014. December 8. – URL: <https://www.firstpost.com/india/idea-india-civilisational-state-will-simply-fly-1839641.html>.

Spirenborg 2006 – *Spirenborg P.* Democracy Came Too Early: A Tentative Explanation for the Problem of American Homicide // American Historical Review. 2006. Vol. 111. No. 1. P. 104–114.

Therborn 2021 – *Therborn G.* States, Nations, and Civilizations // Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences. 2021. Vol. 14. P. 225–242.

Wimmer, Feinstein 2010 – *Wimmer A., Feinstein Y.* The Rise of the Nation-State across the World, 1816 to 2001 // American Sociological Review. Vol. 75. No. 5. P. 764–790.

Zhang 2012 – *Zhang W.* The China Wave: The Rise of a Civilizational State. – Singapore: World Century Publishing Corporation, 2012.

#### REFERENCES

Aristotle. (1983) Politics (S.A. Zhebelev, Trans.). In: Aristotle. *Works in 4 Vols.* (Vol. 4, pp. 376–644). Moscow: Mysl' (Russian translation).

Braudel F. (2014) *A History of Civilizations*. Moscow: Ves' mir (Russian translation).

Buzan B. (2014) The 'Standard of Civilisation' as an English School Concept. *Millennium Journal of International Studies*. Vol. 42, no. 3, pp. 576–594.

Carrère d'Encausse H. (2005) *The Unfinished Russia* (M.B. Ivanova, Trans.). Moscow: ROSSPEN (Russian translation).

Cho K. (2009, October 21) The Middle Kingdom: Civilisation state or nation state? *Knowledge. Economics & Finance*. Retrieved from <https://knowledge.insead.edu/economics-finance/middle-kingdom-civilisation-state-or-nation-state>.

Coker C. (2019) *The Rise of the Civilisational State*. Cambridge, UK: Polity Press.

Cooper R. (2010) *The Breaking of Nations: Order and Chaos in the Twenty-First Century* (M. Dadyan, Trans.). Moscow: MSPS (Russian translation).

Crooke A. (2020, August 31) The Dissolution of Liberal Universalism. *Strategic Culture*. Retrieved from <https://web.archive.org/web/20200912055349/https://www.strategic-culture.org/news/2020/08/31/the-dissolution-of-liberal-universalism/>.

Fidler D. (2010) Introduction: Eastphalia Emerging? Asia, International Law, and Global Governance. *Indiana Journal of Global Legal Studies*. Vol. 17, no. 1, pp. 1–12.

Fogel J.A. (2009) *Articulating the Sinosphere*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Ginsburg T. (2009) Eastphalia as a Return to Westphalia. *Indiana Journal of Global Legal Studies*. Vol. 16, no. 1, pp. 1–24.

Habermas J. (1995) Citizenship and National Identity. In: Habermas J. *Democracy. Reason. Morality: Moscow Lectures and Interviews* (pp. 209–245). Moscow: KAMI; Academia (in Russian).

Hayek F.A. von (1990) *The Political Order of a Free People* (A. Kustarev, Trans.; Yu. Kolker, Ed.). London: Overseas Publications Interchange Ltd. (Russian translation).

Jacques M. (2009) *When China Rules the World: The Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World*. London: Penguin Books.

Kumar R. (1993) L'Inde: État-nation ou État-civilisation? *Hérodote: stratégies, géographies, idéologies*. No. 10, pp. 43–60 (in French).

Legendre P. (1999) *Sur la question dogmatique en Occident. Aspects théoriques*. Paris: Fayard (in French).

Linklater A. (2016) The 'Standard of Civilisation' in World Politics. *Human Figuration*. Vol 5, no. 2.

Losev A.F. (1990) The Dialectic of Myth. In: Losev A.F. *From Early Works* (pp. 393–599). Moscow: Pravda (in Russian).

Mações B. (2020, June 15) The Attack of the Civilization-State. *Noema Magazine*. Retrieved from <https://www.noemamag.com/the-attack-of-the-civilization-state/>.

Mamut L.S. (1996) The State: Poles of Representation. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 4, pp. 45–54 (in Russian).

Mennell St. & Poncharal B. (2010) L'histoire, le caractère national et la civilisation américaine. *Vingtième Siècle. Revue d'histoire*. No. 106, pp. 143–159 (in French).

Musso P. (2007) Pour une critique du « capitalisme informationnel ». *Nouvelles Fondations*. No. 2, pp. 110–122 (in French).

Parshin P.B. (2009) *State and Civilization in Modern International Relations*. Moscow: MGIMO University (in Russian).

Prabhu J.A. (2014, December 8) Why the Idea of India as a 'Civilisational' State Will Simply Not Fly. *Firstpost*. Retrieved from <https://www.firstpost.com/india/idea-india-civilisational-state-will-simply-fly-1839641.html>.

Spierenburg P. (2006) Democracy Came Too Early: A Tentative Explanation for the Problem of American Homicide. *American Historical Review*. Vol. 111, no. 1, pp. 104–114.

Therborn G. (2015) *The World: A Beginner's Guide* (E.M. Gorbunova & L.G. Titarenko, Trans.; S.M. Gavrilenko, Ed.). Moscow: HSE Publishing House (Russian translation).

Therborn G. (2020) *Cities of Power: The Urban, the National, the Popular, the Global* (A. Korolev, Trans.; V. Danilov, Ed.). Moscow: HSE Publishing House (Russian translation).

Therborn G. (2021) States, Nations, and Civilizations. *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. Vol. 14, pp. 225–242.

Wimmer A. & Feinstein Y. (2010) The Rise of the Nation-State across the World, 1816 to 2001. *American Sociological Review*. Vol. 75, no. 5, pp. 764–790.

Wolff R.P. (1996) *About Philosophy* (V.A. Lektorsky & T.A. Alekseeva, Eds.). Moscow: Aspekt Press (Russian translation).

Zhang W. (2012) *The China Wave: The Rise of a Civilizational State*. Singapore: World Century Publishing Corporation.

## **Демаркация государственной и партийных идеологий**

*Г.Н. Мезенцев*

*Международная славянская академия, Москва, Россия*

*А.В. Никандров*

*Московский государственный университет*

*имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

### **Аннотация**

В статье поставлена проблема роли и статуса государственной и партийных идеологий в системе общественных и государственных отношений. Обращено внимание на многозначность понятия «идеология», а также проанализирована его эволюция от первоначального значения «науки об идеях» (А. Дестют де Траси) через трактовки в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, А. Грамши, К. Манхейма, Л. Альтюссера, К. Гирца и других мыслителей к современным интерпретациям. Выделен смысл понятия идеологии применительно к государственной и партийной сферам деятельности. Показано, что в основе идеологий находится политическая теория, на базе которой формируются политический идеал, система ценностей и вытекающие из них нормы деятельности политических субъектов. Охарактеризована ценностная природа идеологий, их связь с категорией блага как обобщающим наименованием социального и политического идеала. Отмечено, что идеология формируется на основе общественного согласия относительно ценностей и норм, отражая деятельностную природу человека, которая включает в себя не только познание социальных закономерностей, но и их ценностную оценку применительно к целям общественного развития. Раскрыт замысел государственной идеологии как системы самоопределений государства относительно его смысла и целей существования, наличие которой не зависит от ее официального статуса или формального закрепления. Показано, что легитимная государственная идеология, основанная на общественном консенсусе, обеспечивает стабильность государства и эффективность его стратегического развития. Проведено принципиальное различие между государственной и партийными идеологиями по субъектам, целям и функциям: партийные идеологии являются партикулярными,

Г.Н. МЕЗЕНЦЕВ, А.В. НИКАНДРОВ. Демаркация государственной и партийных...

выражают интересы отдельных групп, а государственная идеология направлена на консолидацию общества. Отмечен рост в последнее время интереса к проблеме государственной идеологии. Рассмотрен ряд конституционных положений, касающихся общественного и государственного статуса идеологий. Определены пути формирования государственной идеологии при сохранении идеологического многообразия на уровне гражданского общества. Обоснован тезис о том, что предлагаемая модель государственной идеологии отвечает представлению о политике как пространстве согласования различных социальных интересов в перспективе общего блага.

**Ключевые слова:** политическая философия, философия политики, социальная философия, ценности, социальные нормы, общественные группы, партии, общество, государство, конституция.

**Мезенцев Геннадий Николаевич** – профессор Международной славянской академии.

mezentsev.gn@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0008-1405-1155>

**Никандров Алексей Всеволодович** – кандидат политических наук, старший научный сотрудник кафедры философии политики и права философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

bobbio71@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0002-8885-2752>

**Для цитирования:** Мезенцев Г.Н., Никандров А.В. Демаркация государственной и партийных идеологий // Философские науки. 2025. Т. 68. № 4. С. 88–106. DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-4-88-106

## **Demarcation between State and Party Ideologies**

*G.N. Mezentsev*

*International Slavic Academy, Moscow, Russia*

*A.V. Nikandrov*

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*

### **Abstract**

The article examines the role and status of state and party ideologies within the system of sociopolitical relations. Highlighting the polysemy

of the concept of “ideology,” the study traces its evolution from Antoine Destutt de Tracy’s original “science of ideas” through the works of Karl Marx, Friedrich Engels, Vladimir Lenin, Antonio Gramsci, Karl Mannheim, Louis Althusser, and Clifford Geertz, to contemporary interpretations. The authors delineate the specific meanings of ideology as applied to state and party spheres of activity. It is demonstrated that ideologies are grounded in political theory, which serves as the basis for forming political ideals, value systems, and norms of behavior for political actors. The study reveals the axiological character of ideologies and their connection to the concept of the good as an overarching designation of social and political ideals. Ideology is shown to arise from public consensus regarding values and norms; this reflects the active nature of human beings, involving not only the cognition of social regularities but also their normative evaluation in the context of societal development goals. The concept of state ideology is defined here as a system of the state’s self-definition regarding its purpose and goals – a system that exists regardless of official status or formal codification. A legitimate state ideology, rooted in public consensus, ensures state stability and effective strategic development. A fundamental distinction is drawn between state and party ideologies in terms of actors, goals, and functions: while party ideologies are particularistic and express the interests of specific groups, state ideology aims at social consolidation. Noting the recent resurgence of interest in the issue of state ideology, the article analyzes various constitutional provisions concerning the public and legal status of ideologies. Finally, the authors outline pathways for forming a state ideology while preserving ideological diversity within civil society, arguing that this model aligns with an understanding of politics as a space for reconciling diverse social interests in pursuit of the common good.

**Keywords:** political philosophy, philosophy of politics, social philosophy, values, social norms, social groups, parties, society, state, constitution.

**Gennady N. Mezentsev** – Professor of the International Slavic Academy.  
mezentsev.gn@yandex.ru  
<https://orcid.org/0009-0008-1405-1155>

**Alexey V. Nikandrov** – Ph.D. in Political Science, Senior Research Fellow of the Department of Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow University.  
bobbio71@mail.ru  
<https://orcid.org/0009-0002-8885-2752>

**For citation:** Mezentsev G.N. & Nikandrov A.V. (2025) Demarcation between State and Party Ideologies. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 68, no. 4, pp. 88–106.

DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-4-88-106

## Введение

Идеология является, наряду, например, с моралью, одним из основных явлений общественного сознания, пронизывающих многие сферы общества. Известны цивилизационные, государственные, религиозные, партийные идеологии, идеологии науки, общественных организаций и др. Применительно к цивилизационному уровню, государственной сфере и общественно-политическим течениям под идеологией будем понимать представления о желаемых, идеальных целях развития общественных отношений или общества в целом, а также совокупность норм и ценностей, которыми необходимо руководствоваться при воплощении этих целей в жизнь. Это понимание идеологии в широком смысле.

В строгом (узком) смысле слова идеология, или, что то же самое, политическая идеология, – системная политическая концепция, выражающая единство взглядов на цель и методы развития общества и соответствующего ему государства, определяющие отношения народа и государства, государства и личности. Поскольку это – политическая концепция, то она предполагает тексты, в которых соответствующие взгляды более или менее системно выражены.

Таким образом, в основе идеологии находится имплицитно или эксплицитно политическая теория, на базе которой формулируется иерархия (система) ценностей и вытекающих из них норм для общества, государства и личности. В основе политической теории с ее системой ценностей и норм содержится политический идеал, который в итоге может быть связан или с личностью, или с общностью, коллективом (государством, народом или нацией). Если субъект идеологии – государство или народ (нация), то эта идеология с необходимостью определяет своего субъекта по отношению к прошлому, настоящему и будущему. При этом будущее и прошлое смыкаются в отношении протагонизма или антагонизма: прошлое становится проклятым или, наоборот, идеализированным. Проективный смысл идеологии часто находит посыл в прошлом, становясь репроективным или антипроективным по отношению к нему.

Однако за кажущейся ясностью и очевидностью приведенных положений скрывается сложная историческая и концептуальная проблематика. Термин «идеология» прошел драматический путь: от претензий на статус науки до обвинений в искажении реальности, от инструмента критики до инструмента конструирования социальной реальности. Понимание этой эволюции видится необходимым для решения центральной задачи настоящей статьи, в частности выявления роли и статуса государственной и партийных идеологий.

### **Понятие идеологии**

В политическом дискурсе слово «идеология» редко упоминается в строгом смысле. Этот термин предельно многозначен и трудно концептуализируем. В его смысловую сферу могут входить и мировоззрение общества и/или государства, и политическая концепция или теория, и даже партийные программы. Обращение к истории рассматриваемого концепта (это, скорее, концепт, чем термин, но в данном случае нет необходимости уточнять понятийный статус слова) имеет важное значение для определения роли идеологии в функционировании государства и общества.

Сам термин был предложен в конце XVIII века французским философом А. Дестютом де Траси, который позиционировал «идеологию» как «науку об идеях», уверяя в том, что такая наука может и должна для остальных наук стать основой. Политического смысла мыслитель в новый термин не вкладывал и вкладывать не планировал: *идео-логия* предложена им именно как «логия», как био-логия и т.п. В многотомном трактате «Начала идеологии» (1801–1815) рассматриваемое понятие концептуализируется в качестве методологии систематического изучения процессов последовательного формирования и функционирования идей: «Моя цель – детально объяснить вам, что происходит внутри вас, когда вы думаете, говорите и рассуждаете» [Destutt de Tracy 1804, 20]. Однако прошло немного времени, и концепт стал обретать новое звучание, наполняться иными смыслами, а не вполне определенными, которые были вложены Дестютом де Траси. Главную роль сыграли основоположники марксизма, хотя значение, которое вкладывал в слово «идеология» Дестют де Траси, не имеет отношения к дальнейшим спорам и полемике, «идеологическим баталиям».

В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали идеологию как иллюзорное, перевернутое восприятие

действительности, как систему идей, отражающую интересы господствующего класса. Господствующий класс прикрывает свое господство благообразными нарративами и эвфемизмами. В противопоставление понятию идеологии, теперь обретающей заведомо негативный и ресентиментный характер, классики предлагают науку, или мировоззрение, или систему идей, основанную на научной методологии и т.п. Стоит признать, что история идей отомстила классикам: их претендующее на научный статус политическое учение практически на протяжении почти всего XX века перманентно называли религиозной системой, «абсолютным социализмом» (П.И. Новгородцев), «секулярной религией» (Р. Арон), не говоря о более негативных оценках. Таким образом, благодаря классикам марксизма, в течение продолжительного периода значение слова «идеология» было «“абстрактное доктринерство, непрактичность, мечтание, чуждые действительности”... Можно сказать, что на протяжении всего творческого пути у Маркса и Энгельса сохранялось негативное отношение как к самому термину “идеология”, так и к его автору де Траси. Маркс называл его “холодным буржуазным доктринером”, примером “путаного и в то же время претенциозного недомыслия политико-экономов”» [Смирнова 2016, 14–15]. В работах Маркса и Энгельса идеология начинает обретать смысл, под которым она понимается и до сих пор: ядро политического мировоззрения, группирующее вокруг себя программу действий или создающее «систему согласия» с конкретной концепцией или даже сформировавшейся на ее основе политической доктриной. Пока еще «идеология» является «принадлежностью» буржуазии, в целом или в лице тех или иных ее слоев или групп; тогда как пролетариат усилиями классиков марксизма и в дальнейшем марксистов должен получить научную концепцию, преобразующуюся в доктрину, т.е. научный социализм, коммунизм и т.п.

Такое классическое марксистское понимание было впоследствии переосмыслено, в частности В.И. Лениным и А. Грамши. Для Ленина «идеология» есть система политических идей, от марксизма до либерализма, т.е. общее понятие, не нуждающееся в специальном позиционировании, а тем более не требующее особых уточнений, аналитической «доводки» и др. Пролетарская идеология противостоит буржуазной – но речь идет о борьбе двух (как минимум) идеологий. В действительности, как об этом пишет М.Ф. Черныш, «если идеология – “ложное” сознание, то

противостоит ему не другая идеология, а истина, открывающая действительное положение дел. Понятие “идеология” в положительном ключе стал использовать В.И. Ленин, настаивавший, что идеология – один из инструментов борьбы за освобождение и, как всякий инструмент, должна быть заточена под решение конкретных политических задач. Отличие марксистской идеологии, считал он, в том, что она имеет научный характер, исходит из истинных знаний, а не ложных постулатов об окружающем мире. Борясь за победу, пролетариат должен разоблачать идеологии своих противников и, таким образом, приближать свою победу» [Черныш 2024, 44].

Грамши разработал целое учение об идеологии как способе достижения социального и политического господства пролетариата или буржуазии: инструмент сам по себе безразличен по отношению к «мастеру», и дело только в мастерстве того, кто его использует. Решение Ленина и Грамши логично: развиваемое ими понимание идеологии и в научном, и в полемическом планах в большей степени убедительно. Именно в трудах этих политических мыслителей и деятелей слово «идеология» приобретает то значение, которым оперируем и мы, т.е. подразумевается система идей политических сил, включающая в себя конструкцию политической реальности в ее динамике и перспективе и опирающаяся на тот или иной политический идеал. Грамши, отказываясь от классического марксистского противопоставления идеологии и науки, указывает на то, что наука всегда обладает «оболочкой» из какой-либо идеологии [Грамши 1991, 82]. Его концепция идеологии представляет собой результат комплексного подхода к разрешению задач коммунистической пропаганды в капиталистическом обществе. Из этого следует и его развернутая, разветвленная терминология. Например, М.Ф. Черныш пишет: «Информационные продукты правящего класса, формирующие основы интересов, вкусов, предпочтений и социальных практик, Грамши предложил именовать не просто “идеологией”, а “гегемоническим проектом”. Сверхидея такого проекта заключена в сохранении существующей капиталистической системы любыми средствами» [Черныш 2024, 45].

Несмотря на нарастающую силу и влияние такого нейтрального или даже позитивного подхода к идеологии, негативная ее интерпретация не потеряла силу: «Под влиянием марксизма сложилась традиция понимать идеологию главным образом как

феномен политической сферы, как совокупность идей и теорий, в ложной, мистифицированной форме, выражающей интересы больших социальных групп» [Баранец 2012, 97]. Эта традиция понимания идеологии преодолела рамки марксизма. Например, К. Ясперс в работе «Смысл и назначение истории» (1949) подвергает критике идеологическое мышление: «Идеологией называется система идей или представлений, которая служит мыслящему субъекту в качестве абсолютной истины, на основе которой он строит свою концепцию мира и своего положения в нем, причем таким образом, что этим он осуществляет самообман, необходимый для своего оправдания, для маскировки своих подлинных интересов» [Ясперс 1991, 146].

Более сложную концепцию предложил К. Манхейм в работе «Идеология и утопия» (1929), многие из положений которой, по его признанию, восходят к идеям Маркса. Манхейм предлагает различать частичную идеологию и тотальную. Частичная идеология относится к конкретным идеям и представлениям, которые могут быть рассмотрены как искажения реальности, обусловленные психологическими факторами или социальными интересами их носителей: «О понятии частичной идеологии мы говорим в тех случаях, когда это слово должно означать, что мы не верим определенным “идеям” и “представлениям” противника, ибо считаем их более или менее осознанным искажением действительных фактов, подлинное воспроизведение которых не соответствует его интересам» [Манхейм 1994, 56]. Тотальная идеология охватывает мировоззрение и категориальный аппарат мышления определенной эпохи или социальной группы в целом. Центральным для концепции Манхейма является противопоставление идеологии и утопии. Идеология представляет собой систему идей, направленную на сохранение и легитимацию существующего социального порядка. Согласно Манхейму, идеология возникает, как указывает М.А. Киссель, «сначала как бессознательное искажение действительности», обусловленное социальной позицией господствующих групп [Киссель 1973, 70]. Утопия есть система идей, устремленных в будущее и предназначенных трансформировать социальную реальность.

Понимание идеологии К. Манхейма сильно повлияло на западную мысль, но теоретические проблемы идеологии вплоть до начала 70-х годов XX века почти не имели развития. Новый импульс анализ идеологии получил в 1970 году, благодаря ра-

боте Л. Альтюссера «Идеология и идеологические аппараты государства».

Л. Альтюссер, основоположник «структуралистского марксизма», переконструирует идеологию, определяя ее как «воображаемое отношение индивидов к их реальным условиям существования» [Althusser 1976, 100]. Идеология, по Альтюссеру, – феномен не столько идеальный, сколько вполне материальный. Она существует только потому, что воплощается в общественных практиках. Альтюссер вслед за Лениным прочно связывает идеологию с государством: он концептуализирует понятие идеологических аппаратов государства, которые включают в себя, по сути, все общественные институты, от семьи до СМИ, и через доминирующую идеологию служат воспроизводству определенных общественных отношений. Французский философ, подобно Грамши и отчасти Ленину, оперирует терминами «консенсус» и «убеждение» (концепт «убеждение» разработан Лениным в применении к теории диктатуры пролетариата). В этом смысле идеология необходимым образом входит в число атрибутов государства [Althusser 1976, 101] и, наподобие «политического» К. Шмитта, проникает сквозь поры общества, зачастую оказывая влияние на все общественные институты, включая науку.

К. Гирц в работе «Идеология как культурная система» (1964) рассматривал идеологию как составную часть культурной системы общества. Согласно его концепции, идеологии – это «карты проблематичной социальной реальности и матрицы, по которым создается коллективное сознание» [Гирц 2004, 250]. Он отвергает трактовку данного понятия посредством обращения к категории «интерес», т.е., по сути, закрывает возможность *атрибутирования* идеологии государству и политике. Для этого мыслителя идеология – система взаимосвязанных символов, значений и образов, определяющая интерпретацию человеком социума и направляющая его действия в нем. Выполняя функцию «картографирования» социальной реальности, идеология особенно проявляет себя во времена политической турбулентности и в «эпохи перемен», являя собой силу конструктивную, но превращающую человека из субъекта культуры, атрибутом которой она является «на самом деле», в субъекта политики, т.е. наделяя его более низким статусом: «Именно создавая идеологии, схематические образы социального порядка, человек – на радость или на горе – превращает себя в политическое животное» [Гирц 2004, 248].

Завершая обзор, целесообразно обратить внимание на прогностическую и стратегическую функции идеологии. Согласно Ф.Г. Войтоловскому, политическая идеология – это система представлений, которая не только интерпретирует прошлое и настоящее, но и формирует «идеальную модель будущего социального порядка» [Войтоловский 2007, 4]. Исследователь обращает внимание на то, что, хотя идеи могут быть использованы как «декоративный фасад» для текущей политики, подлинная государственная стратегия невозможна без идеологии: «За любыми долгосрочными интересами всегда стоит осмысление руководящими группами социального субъекта тех целей, которых они надеются достичь в будущем и в важность которых для себя они верят, то есть идеология» [Войтоловский 2007, 5]. Акцент на целеполагании и моделировании будущего подводит нас к вопросу о природе идеологии. Формирование целей невозможно без аксиологического базиса, что требует рассматривать идеологию не просто как политическую доктрину, но как необходимую ценностную основу деятельности любого социального субъекта.

### **Ценностная природа идеологий**

Идеология выступает феноменом, который характеризуется наличием совокупности ценностей и вытекающих из них норм. Единство ценностей и норм может быть выражено «старым», восходящим к античной классике понятием блага: все идеологии, распространяющие себя на социальные единства любого рода (от народности до цивилизации), конструируют благо в отношении данной общности. Благо – это самое общее наименование идеала, социального и политического.

Поскольку идеологии описывают социальные процессы в категориях ценностей и норм, являющихся предметом договоренностей, то одна и та же по статусу группа граждан, в зависимости от условий и поставленных задач, может иметь различные идеологии (например, интернационализма или национализма). Идеологии могут быть у социальных групп, классов, профессиональных групп; тем более у наций, народов, народностей.

Это обусловлено тем, что для деятельности человека недостаточно познания истины, нужна ее оценка применительно к той или иной планируемой деятельности. Под деятельностью понимается преднамеренная активность человека, проявляемая в процессе его взаимодействия с окружающим миром и заключающаяся в

решении жизненно важных задач, определяющих его существование и развитие. Перспективным видится деятельностный подход [Дубровский 2011], дополняемый рассмотрением оснований возможности деятельности, связанных с оценкой применимости знаний. Идеология, претендующая на реализацию, в процессе формирования должна быть соразмерна с социальными закономерностями и опираться на достижения общественных наук. Однако научные знания могут быть использованы для обоснования идеологий различной направленности. Содержащиеся в идеологии ценности и цели, наряду со знанием, являются необходимыми условиями возможности осуществления деятельности. Применительно к человеку и обществу, в отличие от неживой природы, появляется такой дополнительный фактор, как свобода воли, который требует уровня ценностно-целевых установок.

Оценка не является подменой истины, она служит вторым необходимым условием возможности осуществления деятельности. С точки зрения возможности деятельности истина и оценка имеют однопорядковый фундаментальный статус. Это предполагает не игнорирование характера природных и общественных закономерностей, а их использование для достижения целей планируемой деятельности.

Общественные организации и партии выражают интересы определенных общественных групп, часто выдавая их за общие. Государственная идеология, напротив, основана на обеспечении общих интересов социальных групп и общества в целом. В рассматриваемой области субъектами идеологий выступают цивилизация, государство и партии, а глубинным источником их субъектности – идеалы должного жизнеустройства, генерируемые общественными группами или обществом в целом.

### **Государственная идеология**

Идеология в узком смысле есть идеология государства. Если мы применяем слово «идеология» к другим субъектам, его можно заменить иными понятиями: применительно к цивилизациям – «мессианизм», «универсализм»; применительно к партиям – «партийная программа», «партийная пропаганда». Государственная идеология – это система идей, принимаемая государством в качестве основы политического мировоззрения и определяющая его внутривнутриполитические и внешнеполитические цели, видение себя в прошлом и проекты развития в будущем. Содержание

государственной идеологии образуют свод основных принципов государства, сумма его фундаментальных самоопределений относительно смысла, цели и природы своего существования. Наглядно это выражается в важнейших текстах о кардинальных вопросах бытия государства, прежде всего в Основном законе (Конституции), а также в государственных символах (гербе, гимне, флаге), в которых наиболее сжато и экспрессивно выражены природа, смысл и самооценка государства.

Современная общественно-политическая мысль России полна споров и дискуссий о трактовке государственной идеологии. Например, предлагается определение: «Под государственной следует понимать идеологию, основными нормами и положениями которой руководствуются органы государственной власти и которая... признана в качестве таковой высшими центральными или высшими законодательными органами власти» [Барашков 2007, 91]. Однако такое определение не устанавливает связь между статусом государственной идеологии и ее содержанием.

Государственная идеология – это в общем виде идеология, принимаемая в данном государстве в качестве основы политического мировоззрения и в явной или неявной форме определяющая внутривнутриполитические и внешнеполитические цели государства; видение и оценки себя в прошлом, проекты и прогнозы развития в будущем. Государственная идеология в сущностном и содержательном аспектах – свод основных принципов государства, сумма важнейших обобщающих утверждений государства о себе, сумма «фундаментальных самоопределений» государства относительно смысла, цели, природы и существа его.

В контексте этого любое государство не просто имеет «свою» идеологию, а точнее, желая того или не желая, базирует свою деятельность на определенной идеологии, даже если последняя не декларируется, даже если она запрещена, даже если в Основном Законе этого государства содержится пункт, запрещающий государственную идеологию, что бы ни означало это странное утверждение. Полагаем, по своей сути идеология любого субъекта может быть отнесена либо к либерализму, либо к социализму. Консерватизм в этом (и только в этом) плане – не вполне идеология, поскольку главный его посыл состоит в реставрации определенного общественного состояния на основе конкретного исторического образа; консерватизм не предлагает вектор развития, но апеллирует к некоему образу идеализированного

прошлого. Соответственно, консерватизм ориентирован либо на либеральный путь развития, либо на социалистический, какими бы специфическими образами или их причудливыми сочетаниями ни оперировали его представители.

В течение последних лет в нашей стране наблюдается резкое повышение интереса к проблеме государственной идеологии. По словам А.П. Погорелого, «голоса о необходимости утверждения государственной идеологии в России звучат все настойчивее» [Погорелый 2020, 15]. Х.Э. Мариносян, формулируя задачу идеологии, указывает на то, что она должна «отвечать на ключевые вопросы, стоящие перед каждым человеком, перед обществом, и показать пути эффективного и гармоничного развития личности, социума, государства» [Мариносян 2023, 7–8]. В.И. Пантин анализирует «цивилизационные и социально-политические основания российской идеологии, соответствующей современным глобальным изменениям и вызовам» [Пантин 2023, 11]. В.Н. Шевченко обосновывает необходимость интегративной идеологии, которая должна синтезировать наиболее значимые идейные течения при сохранении единства вокруг стратегических национальных целей с учетом особенностей российского государства [Шевченко 2025]. С.Г. Ильинская рассматривает государственную идеологию как определяющий вектор развития государства-цивилизации и формулирует методологические, антропологические и социально-политические аргументы в пользу цивилизационно-аутентичной модели социально-экономического развития [Ильинская 2025].

Одной из попыток разработки собственно содержания идеологии является проект «Национальная идеология России» [Национальная идеология... 2023]. В этом проекте государственная идеология рассмотрена как составная часть национальной идеологии, включающей в себя идеологии личности и общества. Основа проекта – идея политически, экономически и социально справедливого общества, выраженная в следующей формуле: духовно счастливая личность, свободное и справедливое общество, эффективное и сильное государство, солидарное человечество, гармония с природой. Проект содержит развернутые положения, направленные на реализацию этой комплексной идеи.

### **Роль и статус государственной и партийных идеологий**

Функционирование государства без наличия общепризнанной и общепринятой идеологии (идейной системы) затруднительно.

Но реализация запроса на общепризнанную (государственную) идеологию, как принято считать, ограничена п. 2 ст. 13 действующей Конституции РФ, сформулированному следующим образом: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной».

Формула о «запрете идеологии» основана на двух пресуппозициях: во-первых, государственная идеология не может не быть обязательной, и, во-вторых, что идеологию можно «установить». Кроме того, следует учитывать многозначность самого понятия «идеология». Если интерпретировать идеологию как систему идей и норм, определяющих основные принципы политического устройства, то п. 2 ст. 13 становится противоречивым, поскольку любое развитое государство объективно функционирует на основе такой системы. Чтобы избежать противоречия, данное конституционное положение следует трактовать не как запрет на государственную идеологию как таковую, а как запрещение на установление в качестве государственной партикулярной (партийной) идеологии, будь то социалистическая, либеральная или консервативная. Иными словами, речь идет о недопустимости возвращения к советской практике, при которой партийная идеология получала статус государственной. Окончательное толкование п. 2 ст. 13 Конституции является прерогативой Конституционного суда, чья позиция по данному вопросу имеет определяющее значение.

Показательным примером служит президентский Указ № 809 о сохранении и укреплении традиционных российских духовно-нравственных ценностей. В тексте указа дана развернутая система ценностей, которой придан статус государственно защищаемой. Однако попытка позиционировать систему ценностей в качестве основы мировоззрения сама по себе не приводит к утверждению политической идеологии. Для этого необходима более развернутая концепция, включающая в себя цели развития государства и общества. Таким образом, современное российское государство испытывает острую потребность в новой объединяющей идеологии, отличной от советской модели. При отсутствии единой государственной идеологии существует множество партикулярных идеологий. Согласно п. 3 ст. 13 Конституции, «в Российской Федерации признаются политическое многообразие, многопартийность». Этот пункт логично развивает первый, в котором речь идет об идеологическом многообразии.

Однако возникает проблема: если какая-либо партия приходит к власти, получая большинство в парламенте, она начинает проводить политику по внедрению своей идеологии в законодательные акты, фактически делая ее государственной, что противоречит п. 2 ст. 13 Конституции. Из текста Конституции не следует, что в ней предусмотрена партийная структура парламента. Поэтому возможен альтернативный вариант реализации конституционных принципов: беспартийный парламент с сохранением идеологического и политического многообразия на уровне общества. Это соответствовало бы политике государства, запрещающей государственным служащим проводить политику какой-либо партии. Аналогами беспартийной организации являются Совет Федерации и Общественная палата РФ.

В таком парламенте избранные народные представители совместно с научным сообществом могли бы анализировать идеи, существующие в обществе, партиях и общественных организациях, и разрабатывать проект государственной идеологии, отвечающий общим интересам. Подготовленный документ, вынесенный на всеобщее обсуждение и голосование, в случае принятия становится основанием для государственных программ развития.

Поскольку идеология содержит идеальные цели развития, которые в полном объеме могут быть недостижимы, она может быть дополнена стратегией поэтапного развития, определяющей последовательность введения этапов по мере создания соответствующих условий. Такая стратегия станет основанием для периодической корректировки программ развития при полной открытости для общества и контроле со стороны государственных органов и общественных организаций. В целях реализации этой стратегии также будет целесообразно, чтобы государство поддерживало активность граждан через предоставление общественным организациям и партиям ресурсов для их деятельности.

В результате такого политического устройства были бы сняты негативные явления, связанные с отвлечением сил и средств на борьбу партий за власть, и исключена возможность навязывания государству политических устремлений отдельной партией в ущерб интересам общества в целом.

### **Заключение**

Наличие идеологии как системы ценностей, целей и норм является атрибутом государственности. Любое государство базируется

свою деятельность на основе определенной идеологии независимо от формы ее представления. Отрицание государственной идеологии не устраняет ее, но переводит в неявное состояние, что порождает проблемы, связанные с выбором ориентиров государственного и общественного развития.

Конституционный запрет на установление какой-либо идеологии в качестве государственной или обязательной может быть интерпретирован не как запрет государственной идеологии в широком смысле, а как запрет на придание государственного статуса частным (партийным) идеологиям. Важно понимать различие государственной и партийных идеологий по субъектам, целям и функциям. Государственная идеология выражает самоопределение государства относительно своих базовых установлений, смысла существования и целей развития; она обращена к общему благу всех социальных групп. Партийные идеологии по своей природе партикулярны и выражают интересы отдельных общественных групп. Смешение этих уровней создает противоречие между потребностью государства в целостности стратегии развития, с одной стороны, и правом общества на идеологическое многообразие – с другой.

Разрешение этого противоречия возможно через различение способов формирования идеологии. Государственная идеология не может быть «установлена» как партийная программа (именно таким образом и целесообразно понимать конституционный запрет). Она должна возникать как подтвержденный всеобщим голосованием результат естественного формирования ценностного единства через общественно-политический диалог, консенсус. При этом на уровне гражданского общества должно быть сохранено идеологическое многообразие.

#### ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Баранец 2012 – *Баранец Н., Калантарян И.* Деидеологизация и реидеологизация современного общества: мифы или реальность? // *Власть.* 2012. № 11. С. 97–99.

Барашков 2007 – *Барашков Г.М.* Понятия политической и государственной идеологии в современной российской политической науке // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология.* 2007. Т. 7. № 1. С. 88–92.

Войтоловский 2007 – *Войтоловский Ф.Г.* Единство и разобщенность Запада: идеологическое отражение в сознании элит США и Западной

Европы трансформаций политического миропорядка. 1940–2000-е годы. – М.: Крафт+, 2007.

Гириц 2004 – *Гириц К.* Идеология как культурная система / пер. Г.М. Дашевского // *Гириц К.* Интерпретация культуры. – М.: РОССПЭН, 2004. С. 225–267.

Граммши 1991 – *Граммши А.* Тюремные тетради: в 3 ч. Ч. 1. – М.: Политиздат, 1991.

Дубровский 2011 – *Дубровский В.Я.* Очерки по общей теории деятельности. – М.: Институт развития имени Г.П. Щедровицкого, 2011.

Ильинская 2025 – *Ильинская С.Г.* Государственная идеология как вектор развития локальных цивилизаций // *Философские науки.* 2025. Т. 68. № 4. С. 44–65.

Киссель 1973 – *Киссель М.А.* Философско-социологические предпосылки концепции «деидеологизации» // *Борьба идей и научно-техническая революция* / сост. А.Я. Куклин. – Л.: Лениздат, 1973. С. 69–85.

Манхейм 1994 – *Манхейм К.* Идеология и утопия / пер. с нем. М.И. Левиной // *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. С. 7–276.

Мариносян 2023 – *Мариносян Х.Э.* Идеология как основа эффективной стратегии развития государства // *Философские науки.* 2023. Т. 66. № 3. С. 7–10.

Национальная идеология... 2023 – *Национальная идеология России.* Проект. – М.: Перо, 2023.

Пантин 2023 – *Пантин В.И.* Цивилизационные и социально-политические основания современной российской идеологии // *Философские науки.* 2023. Т. 66. № 3. С. 11–29.

Погорелый 2020 – *Погорелый А.П.* Государственная идеология как насущная потребность современной России // *Социально-гуманитарные знания.* 2020. № 1. С. 14–20.

Смирнова 2016 – *Смирнова Е.В.* Концепт идеологии в социально-философской мысли: дис. ... канд. филос. наук. – М., 2016.

Черныш 2024 – *Черныш М.Ф.* Идеология против утопии: старые противоречия и новые конфликты в современных обществах // *Социологические исследования.* 2024. № 6. С. 42–52.

Шевченко 2025 – *Шевченко В.Н.* Интегративная идеология для эффективного развития российского государства и проблема лидерства в современном обществе // *Философские науки.* 2025. Т. 68. № 4. С. 18–43.

Ясперс 1991 – *Ясперс К.* Смысл и назначение истории / пер. с нем. М.И. Левиной. – М.: Политиздат, 1991.

Althusser 1976 – *Althusser L. Idéologie et appareils idéologiques d'État // Althusser L. Positions (1964–1975)*. – Paris: Éditions sociales, 1976. P. 67–125.

Destutt de Tracy 1804 – *Destutt de Tracy A.L.C. Éléments d'idéologie. Première partie. Idéologie proprement dite*. – 2<sup>e</sup> éd. – Paris: Courcier, 1804.

#### REFERENCES

Althusser L. (1976) Idéologie et appareils idéologiques d'État. In: Althusser L. *Positions (1964–1975)* (pp. 67–125). Paris: Éditions sociales (in French).

Baranets N. & Kalantaryan I. (2012) De-Ideologization and Re-Ideologization of Modern Society: Myth or Reality? *Vlast'*. No. 11, pp. 97–99 (in Russian).

Barashkov G.M. (2005) Concepts of Political and State Ideology in Modern Russian Political Science. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. Vol. 7, no. 1, pp. 88–92 (in Russian).

Chernysh M.F. (2024) Ideology vs Utopia: Old Contradictions and New Conflicts in Modern Societies. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. No. 6, pp. 42–52 (in Russian).

Destutt de Tracy A.L.C. (1804) *Éléments d'idéologie. Première partie. Idéologie proprement dite* (2<sup>nd</sup> ed.). Paris: Courcier (in French).

Dubrovskiy V.Ya. (2011) *Essays on the General Theory of Activity*. Moscow: Shchedrovitsky Insititute of Development (in Russian).

Geertz C. (2004) Ideology as a Cultural System (G.M. Dashevskiy, Trans.). In: Geertz C. *The Interpretation of Cultures* (pp. 225–267). Moscow: ROSSPEN (Russian translation).

Gramsci A. (1991) *Prison Notebooks (Part 1)*. Moscow: Politizdat (Russian translation).

Ilinkaya S.G. (2025) State Ideology as a Vector of Local Civilization's Development. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 68, no. 4, pp. 44–65 (in Russian).

Jaspers K. (1991) *The Origin and Goal of History* (M.I. Levina, Trans.). Moscow: Politizdat (Russian translation).

Kissel M.A. (1973) Philosophical and Sociological Prerequisites for the Concept of “De-Ideologization.” In: Kuklin A.Ya. (Comp.) *The Struggle of Ideas and the Scientific and Technological Revolution* (pp. 69–85). Leningrad: Lenizdat (in Russian).

Mannheim K. (1994) Ideology and Utopia (M.I. Levina, Trans.). In: Mannheim K. *Diagnosis of Our Time* (pp. 7–276). Moscow: Yurist (Russian translation).

Marinosyan Kh.E. (2023) Ideology as the Basis for an Effective State Development Strategy. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 66, no. 3, pp. 7–10 (in Russian).

*National Ideology of Russia: A Project*. (2023) Moscow: Pero (in Russian).

Pantin V.I. (2023) Civilizational and Socio-Political Foundations of Contemporary Russian Ideology. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 66, no. 3, pp. 11–29 (in Russian).

Pogorelyy A.P. (2020) State Ideology as an Urgent Need of Modern Russia. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya = Social and Humanitarian Knowledge*. No. 1, pp. 14–20 (in Russian).

Shevchenko V.N. (2025) Integrative Ideology for the Effective Development of the Russian State and the Problem of Leadership in Contemporary Society. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 68, no. 4, pp. 18–43 (in Russian).

Smirnova E.V. (2016) *The Concept of Ideology in Social-Philosophical Thought* (dissertation). Moscow (in Russian).

Voytolovskiy F.G. (2007) *Unity and Disunity of the West: Ideological Reflection in the Consciousness of US and Western European Elites of Transformations of the Political World Order. 1940s–2000s*. Moscow: Kraft+ (in Russian).



**ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ.  
НОВАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА**



**Миссия образования**



DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-4-107-137

Оригинальная исследовательская статья

Original research article

**Онтология образования будущего:  
фундаментальные проблемы и модели образования**

*А.О. Карпов*

*Московский государственный технический университет  
имени Н.Э. Баумана, Москва, Россия*

**Аннотация**

Изучение возможного и благоприятного будущего образования есть задача прежде всего научного мышления. Сущностное содержание образования будущего исследует фундаментальная онтология, предметом которой является отношение образования к бытию, выраженное в системе первичных категорий и отношений. Учреждающая часть фундаментальной онтологии образования включает отношение к истине, онтологическую сущность, универсалии (структурные, процедурные, психические, распределительные). Ее антропологическая часть задана экзистенциалиями и социеталиями, определяющими онтологические отношения образования к человеку внутреннему и человеку внешнему. Анализ их онтологических пар позволяет выявить критические нехватки в современном образовании, препятствующие его развитию, определить фундаментальные проблемы современного образования, разработать фундаментальные модели образования будущего, направленные на их решение. Первая фундаментальная проблема современного образования – воспитание сущностно мыслящих, т.е. сущностно познающих и сущностно творящих. Вторая – гармоничное сочетание творческой свободы личности с социальной функцией мышления, а также связь когнитивного типа личности с профессией когнитивного типа. Третья – становление духовного познания и духовного воспитания, противостоящих простому усвоению результатов. Главной фундаментальной проблемой образования в его

сегодняшнем и будущем образе является нравственное культивирование человечности в индивиде и обществе. Модели образования будущего рассмотрены как веберовские идеальные типы, определяющие его существенные характеристики. В качестве таковых в статье представлено краткое описание памятливой, проблемно-познавательной, когнитивно-ролевой, духовной и нравственной моделей образования. Показана необходимость переопределения отечественного образования, исходя из фундаментальных основ российской культуры в ее историческом наследии.

**Ключевые слова:** философия образования, общество, развитие, производство знаний, онтология, познание, творчество, мышление, социализация, солидарность, духовное, нравственное, личность, человек.

**Карпов Александр Олегович** – доктор философских наук, кандидат физико-математических наук, начальник отдела Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана.

[a.o.karpov@gmail.com](mailto:a.o.karpov@gmail.com)

<https://orcid.org/0000-0003-0172-0475>

**Для цитирования:** Карпов А.О. Онтология образования будущего: фундаментальные проблемы и модели образования // Философские науки. 2025. Т. 68. № 4. С. 107–137. DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-4-107-137

## **Ontology of the Education of the Future: Fundamental Problems and Models of Education**

*A.O. Karpov*

*Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia*

### **Abstract**

The study of a possible and favorable future for education is, primarily, a task of scientific thinking. The fundamental ontology examines the essential contents of education of the future. The subject matter of the fundamental ontology is the relation of education to being, expressed in a system of primary categories and relations. The constitutive part of the fundamental ontology of education includes the relations to truth, ontological essence, and universals (structural, procedural, psychological, and distributive). Its anthropological part is determined by existentials and societal that define the ontological relations of education to an inner human and an outer

human. The analysis of their ontological pairs allows us to identify critical gaps in modern education that hinder its development, as well as reveal the fundamental problems of modern education and develop fundamental models of education of the future with the aim to find their solutions. The first fundamental problem of contemporary education is the cultivation of those who think essentially, i.e., who essentially know and essentially create. The second is the harmonious combination of creative freedom of a person with a social function of thinking and, at the same time, the connection of a cognitive-type individual with a cognitive-type profession. The third is the formation of spiritual knowledge and spiritual education as opposed to simple assimilation of results. The principal fundamental problem of education in its present-day and future image is righteousness cultivation of humanity in the individual and society. Models of the education of the future are considered as Weber's ideal types, which determine its essential characteristics. As such, this work presents a brief description of memory-retentive, problem-cognitive, cognitive-role, spirit, and righteousness models of education. Based on fundamentals of Russian culture in its historical heritage, the need for redefining Russian education is shown.

**Keywords:** philosophy of education, society, development, knowledge production, ontology, cognition, creativity, thinking, socialization, solidarity, spiritual dimension, righteousness, personality, human being.

**Alexander O. Karpov** – D.Sc. in Philosophy, Ph.D. in Physical and Mathematical Sciences, Head of Department at the Bauman Moscow State Technical University.

a.o.karpov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-0172-0475>

**For citation:** Karpov A.O. (2025) Ontology of the Education of the Future: Fundamental Problems and Models of Education. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 68, no. 4, pp. 107–137. DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-4-107-137

И разгадать у бытия

Мы много тайного успели...

Евгений Абрамович Боратынский

## Введение

Что значит говорить об образовании будущего? Когда мы задумываемся о личном будущем, наша мысль, как правило, не

обращена на биометрические параметры: рост, вес, наличие волос, etc. Нас интересует видение нашего будущего под углом зрения сегодняшних существенных нехваток и проблем в нем, а также принципиальных изменений нашей жизни. Это же следует делать в отношении образования будущего.

Говорить об образовании будущего – значит, во-первых, прояснить, что существенного не хватает в нем, т.е. мыслить, исходя из лакун, дефицита, изъянов, разрывов; во-вторых, определять, какие фундаментальные проблемы ставят эти нехватки; в-третьих, решать, как восполнить недостающее в образовании, какие значимые изменения предстоят ему как социокультурному феномену.

Значимые изменения социокультурного феномена непосредственно связаны с его фундаментальными основаниями, расположенными в существовании и бытии. Существование представляет собой реальность бывшего и пребывающего, включая наличное, которого мы держимся, и нас, присутствующих в нем. Бытие есть первооснова и опора существования, включая то, что держит нас, и то, чего мы держимся. Оно определяет истинностные формы существования и обеспечивает его способность *быть*.

Фундаментальные основания феномена составляют его онтологию, т.е. описание существенным образом его основывающего. Онтологическое структурирование феномена включает в себя внешнее основывающее, внутреннее основывающее и изначально основывающее. Место первых двух находится в существовании, последнего – в бытии. *Внешнее основывающее* феномена есть то, что социально определяет его в существовании, включая социально-экономические институты и производимое им (для образования это, в частности, выпускники и интеллектуальная продукция). *Внутреннее основывающее* феномена есть то, что ему присуще, его устройство и действие, которым он осуществляет себя в существовании. *Изначально основывающее* есть система первичных категорий и отношений, на которые опираются внешнее и внутреннее феномена в его истинном пребывании и движении и которые раскрывают сущностное содержание феномена в бытии.

Онтологическое структурирование феномена выводит на ключевые подходы к прояснению и проектированию его будущего, в числе которых административно-организационный, экспериментальный, научный.

Внешнее основывающее, будучи принуждающей частью основывающего, проектирует феномен будущего в административно-организационной форме. Оно формулирует стратегии, программы, планы, концепции развития феномена. Внутреннее основывающее, будучи генеративно-конституирующей частью основывающего, производит феномен будущего посредством экспериментальных форм деятельности, проявляя и культивируя его точки роста.

Изначально основывающее составляет краеугольный камень научного подхода к определению образа феномена будущего и его магистральных трансформаций. Такой подход базируется на фундаментальной онтологии феномена, раскрывающей его сущностное содержание. Предмет фундаментальной онтологии образования есть отношение образования к бытию.

В идеале научный подход должен составлять неотъемлемую часть значимых административно-организационных и экспериментальных форм развития феномена, т.е. быть основой его ключевых онтологизаций. Следовательно, для формирования аутентичного и научного образа образования будущего и его моделей необходимо раскрыть содержание фундаментальной онтологии образования.

В статье проведен анализ антропологической части фундаментальной онтологии образования под углом зрения лакун современного образования. Их определение позволит сформулировать его фундаментальные проблемы и дать краткую характеристику моделям образования будущего, способных в той или иной степени восполнить недостающее.

### **Фундаментально-онтологическая структура феномена образования**

Для определения фундаментальных проблем современного образования воспользуемся категориальной структурой его изначального основания, которая содержательно разработана в ряде моих работ по фундаментальной онтологии образования [Карпов 2019, 57–62; Карпов 2024а, 21–27; Карпов 2024б, 64–72; Карпов 2025б, 53–57]. Ее схема может быть представлена фундаментально-онтологической матрицей феномена образования, изображенной на рисунке 1. Место бытия феномена образования структурировано системой категорий, выступающих в качестве онтологических начал или основоструктурных форм.

Они сгруппированы в две метакатегории, задающие учреждающую и антропо-полагающую онтологии образования.

Мета- категории	Фундаментальный онтологический категориальный базис	
	Трансцендентальные измерения	Категориальная структура
Учреждаю- щая онтология	Обосновывающее измерение	Отношение к истине
		Онтологическая сущность
	Универсальное измерение, универсалии	Структурные
		Процедурные
		Психические
		Распределительные
	Парадигмальное измерение, парадигмы не-куновского типа / социетальные парадигмы	Форма бытия
		Способ бытия
Функция бытия		
Генерализация бытия		
Антропо- полагающая онтология	Экзистенциально- трансцендентальное измерение	Экзистенциалии
	Человекомирное измерение	Социеталии

Рис. 1. Фундаментально-онтологическая матрица феномена образования

В учреждающую онтологию феномена образования входит то существенное, что определяет его устройство и историческое движение как такового, а именно: онтологическая сущность, отношение к истине, универсалии и не-куновские парадигмы. Антропо-полагающая онтология феномена образования включает в себя фундаментальные категории его человеко-образующей функции, для которой личность не только онтологически социальна, но и онтологически экзистенциальна. А значит, фундаментальная онтология образования имеет непосредственное отношение к человеку внутреннему (экзистенциальному субъекту) и человеку внешнему (социальному субъекту), которое выражено категориями экзистенциалий и социеталий соответственно.

Сегодня эту принципиальную позицию необходимо особо подчеркнуть, поскольку образование становится все более сосредоточенным на своей узкой социализирующей функции, забывая не только о созидании человеческой личности, но и об образующих общество человеческих отношениях. Между тем фундаменталь-

ные категории человека внутреннего и человека внешнего тесно связаны. Более того, внутренние в значительной степени определяют внешние. Социеталии – это то, что из экзистенциалий, как внутренней основы человеческого, создает его внешнюю коллективную основу, стоящую на позициях человечности.

Обращаясь к бытию, пройти мимо человека нельзя, поскольку они пред-посланы друг другу [Хайдеггер 1991, 76]. Фундаментальные отношения образования к человеку внутреннему, т.е. экзистенциальному субъекту, определяет четверка экзистенциалий, включающих в себя категории самопознания, самовыражения, духовного, нравственного. Фундаментальные отношения образования к человеку внешнему, т.е. социальному субъекту, определяет четверка социеталий, к которым принадлежит сущностная эпистема, социализация, экосистема личности, солидарность, как показано на рисунке 2.

<b>Антропо-полагающая онтология образования</b>	
Экзистенциально- трансцендентальное измерение: отношение образования к человеку внутреннему	Человекомиренное измерение: отношение образования к человеку внешнему
Экзистенциалии	Социеталии
Онтологические пары	
<b>Самопознание</b>	<b>Сущностная эпистема</b>
<b>Самовыражение</b>	<b>Социализация</b>
<b>Духовное</b>	<b>Экосистема личности</b>
<b>Нравственное</b>	<b>Солидарность</b>

*Рис. 2. Онтологические пары в антропо-полагающей онтологии образования*

Их содержание будет рассмотрено в онтологических парах, анализ которых позволит прояснить значимые нехватки современного образования, указывающие на необходимое в образовании будущего, сформулировать фундаментальные проблемы, стоящие перед образованием, и наметить модели образования, дающие подход к их решению. Модели образования будущего (кроме модели духовного образования) представлены в ряде моих работ. В настоящей статье упомяну о них кратко.

Модели образования будущего описываются как веберовские идеальные типы, собирающие существенное в возможных репрезентациях феномена образования. Они включают в себя систему концептуальных положений, раскрывающую существо предстоящих изменений в социальной и экзистенциальной реальности образования. В образовании будущего они могут быть воплощены как своими частями, так и в концептуальной полноте своей реализации.

Как будет показано далее, необходимое в образовании будущего в той или иной степени достигается посредством памятной, проблемно-познавательной, когнитивно-ролевой, духовной и нравственной моделей образования. Они будут рассмотрены в порядке соответствия онтологическим парам, представленном на рисунке 3.

### Онтологическая пара

#### «самопознание – сущностная эпистема»

Самопознание в воспитании человека внутреннего соотносено с культивированием особого типа социально производящего знания – сущностной эпистемы человека внешнего.

Самопознание раскрывает личность как источник собственного знания о себе, прежде всего знания о доминантных особенностях собственного мышления, восприятия, реагирования, следования истине, отношения к добру и злу. Ключевым инструментом самопознания, которым предстоит овладеть образованию будущего, является индивидуация. В современном образовании в качестве концепции раскрытия личности доминирует индивидуализация. Она проявляет своеобразие индивида, которым он выделяется из общества, но вместе с тем культивирует индивидуализм, отделяющий от общества; растит замкнутую на себе, изолированную субъективность: «Индивидуализм, изоляция есть одно из порождений объективации» [Бердяев 1996, 38].

В свою очередь, «индивидуация означает становление индивида... как “приход к самому себе”», как движение к пониманию и обретению себя [Юнг 2021, 210]. Путь индивидуации есть избавление от внешнего, стоящего отдельно от истинного, внутреннего; расчистка сознания от социальных клише и суггестивных образов; раскрытие человеческой целостности в ее подлинности. Индивидуация не противостоит коллективности, но находится на пути максимального осуществления природы индивидуального

<b>Экзистенциалии</b> (экзистенциально- трансцендентальное измерение)	<b>Модели образования будущего</b> (идеальные типы)	<b>Социеталии</b> (человекомирное измерение)
<b>Самопознание</b>	Памятливое образование	<b>Сущностная эпистема</b>
<b>Самовыражение</b>	Проблемно-познавательное образование Когнитивно-ролевое образование	<b>Социализация</b>
<b>Духовное</b>	Духовное образование	<b>Экосистема личности</b>
<b>Нравственное</b>	Нравственное образование	<b>Солидарность</b>

*Рис. 3. Структурное соответствие онтологических пар и моделей образования будущего*

в коллективном. Ее сущность – проявление *уникального* набора качеств личности, изменчивых, но носящих *универсальный* характер, т.е. присущих природе человека как таковой.

Универсальное содержание личности – это не константа, а динамичное и растущее достояние, создаваемое повышенной духовной жизнью. Индивидуальность «может переживать... состояния одиночества, кризиса, она может перерасти старые формы единения». Но она не подвержена исключаящему из общества самоутверждению, свойственному индивидуализму [Бердяев 1994, 161–162].

Индивидуация протекает как синтетический процесс интеграции бессознательного в сознание [Юнг 2023, 50]. На этом пути изживаются эгоистичные конфликты и желания, страхи и обиды, притворство и обман, несбыточные надежды и беспочвенные амбиции; сознание проникает в более широкий мир объективных интересов и участвует в нем. Тем самым человек вступает «в абсолютную, связующую и неразрывную общность с миром» [Юнг 2021, 211–216]. В процессе индивидуации человек не только поставлен в изначальное отношение к себе, но и вступает в онтологическое отношение человека к человеку, человека к обществу.

Самопознание, протекающее в форме индивидуации, проявляет *сущностное знание человека внутреннего* о себе. Оно ведет к использованию сущностного знания о себе в познании, критических ситуациях, повседневности, сталкиваясь с многообразием и диффузностью знания внешнего, в котором следует выделить

нечто главное, определяющее, онтологически сопоставимое с сущностным знанием о себе. В этом ее первейшей опорой является знание, выращенное образованием. *Следовательно, педагог будущего должен овладеть работой с бессознательным.*

Знание, которым образовательная система способна наделить растущую личность, составляет учебную эпистему<sup>1</sup> в том или ином культурно-историческом времени. Сегодня учебная эпистема формируется посредством знания, которое поступает из учебного дискурса и учебных практик и источниками которого являются тексты, учащие, технические средства; из социокультурной системы, которую формирует вокруг себя учебное заведение; из образовательных сетей и баз знаний; из внеучебных институций, вступающих в эпизодические контакты с ней; etc. При этом принципиальным является вопрос об онтологическом уровне знания, которое используется при обучении.

Что означает понятие «онтологический уровень учебного знания» и что определено им? Учебное знание может иметь существенное значение для познающего субъекта, а может быть вспомогательным, проходным, лишним, т.е. несущественным. Несущественное знание, как правило, бывает доктринально навязанным, исходящим из мнений и представлений тех или иных авторитетных либо авторитарных групп. В существенном знании фундаментальную роль, образующую личность, играет знание сущностное. Оно формирует онтологический порядок личности, позволяющий двигаться к истине и постигать ее. Этот особый тип порождающего знания, т.е. знания, способного производить новое знание [Карпов 2020, 105–113], составляет *сущностную эпистему образования*, исторически, культурно и социально обусловленную.

Воспитание сущностно мыслящих, т.е. сущностно познающих и сущностно творящих, есть ***первая фундаментальная проблема*** современного образования, есть его принципиальная нехватка, создающая великие трудности в наступлении будущего. Она порождена не просто формальным характером образования, а нарастающим исключением мышления из него, в первую очередь его творческой функции. Культивирование сущностной эпистемы человека внешнего, выраженной в системах индивидуального сущностного знания, находится в основе воспитания подлинных

---

<sup>1</sup> В античной Греции словом ἐπιστήμη (лат. epistēmē, «эпистема») выражалось понятие «активное знание».

*истино-носцев* – тех, кто в действительности движет общество и историю в будущее [Карпов 2020, 110–113]. Будущее наступает не вследствие *просто-развития*, а из сущностных изменений в ходе движения к нему. Без них присутствует лишь длящееся настоящее.

Онтологическая пара «самопознание – сущностная эпистема» при взгляде на образование будущего требует концептуальных дидактических решений, выводящих на определение и взаимодействие сущностного знания в человеке внутреннем и сущностного знания человека внешнего. Это сложная задача, требующая глубокой разработки. Вместе с тем и то, и другое знание имеют общий подход к сущностному в себе, пролегающий через историю их становления. Сущность вещи содержится в ее истории, которую хранит память о ней. Поэтому часть решения проблемы сущностного знания в образовании мне видится в модели *памятливое* образования, а также в проблемно-познавательной программе [Карпов 2016, 22–27], в которой отражены становление индивида через проблемный поиск и его познавательная история, содержащая сущностное знание о нем.

### **Модель памятливого образования**

В модели памятливого образования знание, выращиваемое в учениках, концентрирует ключевые эпистемические достижения прошлого и настоящего [Карпов 2022, 59–63]. Такого рода историческая насыщенность знания оказывает кардинальное влияние на качество и эффективность его порождающей функции. Памятливое образование опирается на *памятливое познание* и *памятливое знание*, способствующие сущностному мышлению и созданию нового знания, и дидактически реализуется как *памятливое обучение*.

Память человека есть творческое начало его мысли [Флоренский 1990, 202], а значит, мышление человека зависит от порождающего знания, в котором говорит его история. *Памятливое* познание выводит мышление на путь истины через обретение человеческого наследия, соотнесенного с далекими перспективами. Иллюстрацией могут служить размышления А. Пуанкаре, изложенные в книге «Последние мысли»: «...наука всегда обречена периодически переходить от атомизма к непрерывности, от механицизма к динамизму и обратно и... эти колебания никогда не прекратятся. ...Я думаю, однако, что... классическая механика

будет и в будущем так же необходима, как и теперь, и тот, кто не будет знать ее основательно, не будет в состоянии понять и новую механику» [Пуанкаре 1990, 634, 654].

Памятливое познание обращается со знанием как с эпистемической вещью, которая имеет культурный имплант и эпистемическую коллекцию – набор временных репликаций [Карпов 2012, 76–84], иными словами, обращается как с *памятливым* знанием. Эпистемическая вещь представляет собой объект познавательного интереса, развернутый в культурно-исторической длительности. Она берет начало как вопрос, который кто-то задал, как проблема, которую некто сформулировал, т.е. через творчество мышления, *объективирующего* в них недостаточность своих отношений с миром. При удачном стечении обстоятельств она пройдет путь от идеи через концептуализацию к теории или факту, видящим себя как решение. Временное развертывание эпистемической вещи есть прежде всего движение порождающего знания.

Так, репликации эпистемической вещи «форма планетарных орбит» в виде круговой траектории восходят к ориентальным религиозным мифам, в качестве теистического принципа переходят в античную философию, становятся архетипом средневековой космографии. Гелиоцентризм Коперника и Галилея подчинен идее божественности кругового движения и сферичности. Несмотря на открытие Кеплера, Средневековье следовало круговой космографии Птолемея вплоть до «Математических начал» Ньютона, вышедших в 1687 году. Размышляя о якобы коперниканском взгляде Нового времени, не следует забывать о том, что «эллиптические орбиты Кеплера были признаны решающими доказательствами правоты Ньютона (силовое взаимодействие. – А. К.) и неправоты Декарта (вихревая космография. – А. К.) лишь через сто лет после того, как об этом заявил Ньютон» [Лакатос 2003, 116], т.е. на пороге XIX века. Католический декрет, запрещающий коперниканство как теорию, был отменен только в 1822 году.

Эпистемическая вещь есть динамическая модель знания, которая позволяет обнажить его корни, сформировать психокультурное понимание, осмыслить связь знания с его сущностной основой. Ее дидактическая цель – это не только дойти до изначального содержания знания, но иметь для осмысления сущностное пространство его исторических проявлений, воплощенное в эпистемической коллекции и культурном импланте.

Памятливое познание и памятьное знание составляют концептуальную основу *памятливости обучения*. Памятливое обучение отнюдь не сводится к учебным курсам, излагающим историю науки, философию науки, и подобным им. Памятливое обучение формирует культурно и исторически концентрированный образ объекта познания *внутри* дисциплинарных областей, использующих знание о нем, и в трансдисциплинарном поле, которое есть пространство жизни, интенционально связанное с ним. По сути, образ объекта познания должен выступать эпистемическим хронотопом [Карпов 2022, 62], репрезентирующим соединенность знания с пространственно-временной структурой, что близко понятию хронотопа, введенного физиологом А.А. Ухтомским [Ухтомский 2019а, 197; Ухтомский 2019б, 384, 392, 393]. Культурно-историческое многообразие объекта познания ведет к многослойности его образа и, как следствие, многоплановости и полисемичности сущностной интерпретации. В свою очередь, такой подход к сущностной эпистеме влияет на формирование сущностного самопознания.

### **Онтологическая пара «самовыражение – социализация»**

В онтологической паре «самовыражение – социализация» соответствие устанавливается посредством того общего, что производит из себя личность и находит место в обществе. Самовыражение открывает путь к социализации, социализация дает возможность для самовыражения. Самовыражение в полноте своей не подчинено обществу. Н.А. Бердяев отмечал, что «человек имеет в себе элемент независимый от общества, он реализует себя в обществе, но не зависит целиком от него» [Бердяев 1936, 23]. И социализация должна иметь это в виду.

В значительной степени независимость человека от общества выражена в творчестве. Человек призван к творчеству над собой и творчеству в социальной жизни. В самовыражении творчество есть проявление экзистенциального существа субъекта, оно направлено в первую очередь на себя. В социализации творчество служит реализации общественного призвания субъекта и самоопределения в социальных системах жизни.

В творческом самовыражении действует примат личности, творящей в состоянии внутренней свободы, забывающей о себе, воссоздающей себя в творимом. В социализации посредством творчества действует примат общества, принуждающий творца

следовать проблемам общества, а творение – подтверждать социальную значимость. Образование, желающее культивировать в себе творчество, имеет ключевой задачей снятие этого противоречия, причем такого снятия, от которого не пострадали бы ни личность, ни общество.

Творчество есть основа продуктивного мышления, которое сегодня играет все большую роль в преобразовании общества и его социальных институтов. Мы живем в эпоху кардинального изменения в эпистемической доминанте, устанавливающего абсолютный приоритет продуктивных форм познающего мышления над репродуктивными и делающего репродуктивно-продуктивный переход сущностью нашего времени [Карпов 2021, 10–14]. Способность человека к производству знаний определяет будущее общества, а вместе с ним образование будущего. Оно должно стать проводником социализации научно-исследовательского типа, а впоследствии – социализации проблемно-познавательного типа [Карпов 2022, 58], и главным институтом, воспитывающим личность для когнитивно-насыщенных сфер труда.

Образованию принадлежит ключевая роль в развитии творческой функции мышления. Вместе с тем образование в основном держится на репродуктивных способах познания. Следовательно, **второй фундаментальной проблемой** образования является гармоничное сочетание творческой свободы личности с социальной функцией мышления, а также связь когнитивного типа личности с профессией когнитивного типа. Первое служит воспитанию эффективного работника знаний, второе – становлению социальной структуры общества, работающего на знаниях. К решению этой двойственной проблемы дают подход модели *проблемно-познавательного* образования и *когнитивно-ролевого* образования.

### **Модель проблемно-познавательного образования**

Модель проблемно-образовательного образования представляет собой развитие в широкой познавательной области концепции исследовательского образования. Модель исследовательского образования прошла успешную апробацию при обучении учащихся 8–11-х классов в период 2010–2020 годов в Исследовательской (дистанционной и очной) школе, действующей на базе МГТУ имени Н.Э. Баумана. Ведущей частью учебного процесса была исследовательская работа учащихся в лабораториях университета и научно-исследовательских институтов РАН [Карпов 2023, 127–380].

В основе модели проблемно-познавательного образования находится система воспитания творческой личности в открытой распределенной познавательной среде. В качестве основного дидактического инструмента используется продуктивная поисковая деятельность, нацеленная на получение нового, неучебного результата. Важным итогом проблемно-познавательного образования являются различные виды порождающего знания, включая научное, инженерное, организационное, социально-конструкционное, художественное и другие, а также их комбинации.

Проблемно-познавательное обучение выстраивается в форме эпистемически открытой и самопреобразующейся познавательной системы. Она реализуется как связный комплекс учебных действий, выводящий на профессиональные способы работы со знанием. Потребности познавательной деятельности поискового типа, которую ведет ученик, определяют дисциплинарное содержание знаний, вовлекаемых в обучение. Проблемно-познавательная форма обучения задает структуру учебного процесса. Учебная программа преобразуется к трансформативному виду, который способствует когнитивному развитию ученика. Она требует динамичности педагогических решений и формирует пластичное социокогнитивное развитие личности.

Проблемно-познавательное образование связывает школу и университет когнитивной преемственностью, действующей на уровне способа познания, метода обучения, среды и педагогического субъекта. Образование становится ключевым актором социализации проблемно-познавательного типа [Карпов 2022, 56–59], поскольку «человек становится личностью, только заботясь о вещах, только создавая нечто своей деятельностью и поступками в мире» [Ясперс 2013, 129].

### **Модель когнитивно-ролевого образования**

Доминирующая форма разделения труда в обществе знаний опирается на способности мышления к участию в процессах продуктивной трансформации знаний. Модель когнитивно-ролевого образования связывает возможности мышления к преобразованию знания с социокогнитивной стратификацией общества знаний. Последняя представляет собой распределение людей по ячейкам социальной структуры согласно их отношению к производству знаний. К числу основных понятий, идентифицирующих струк-

туру общества знаний, относятся когнитивный тип личности, когнитивная профессия, когнитивная роль, когнитивно-ролевой комплекс [Карпов 2023, 157–164].

Когнитивный тип личности представляет собой обобщенный комплекс механизмов мышления, которые в работе со знанием использует индивид. Выполнение эквивалентной работы со знанием у личностей, отличающихся когнитивным типом, может происходить с использованием разных ментальных схем. Тогда профессия, имеющая своим предметом определенную работу со знанием, т.е. *когнитивная профессия*, включает в себя работников разного когнитивного типа. Наряду с этим конкретный когнитивный тип личности может быть способен к ряду когнитивных профессий, соответствующих качествам его мышления. Следовательно, понятие «когнитивный тип личности» не допускает использования для *непосредственной* идентификации социокогнитивной структуры общества знаний.

Способ социальной институализации мышления можно определить через понятие когнитивной роли, которое, в отличие от когнитивного типа личности, является понятием социальным, а не психическим. *Когнитивная роль* представляет собой обобщенный способ деятельности мышления в социальной структуре общества, относящийся к системе социально и культурно обусловленных форм работы со знанием. На высоком уровне общности могут быть выделены, например, творческая, техническая, организационная, сервисная, потребительская, иные когнитивные роли.

Границы социальной стратификации в обществе знаний задает *когнитивно-ролевой комплекс*, формирующийся в системе производства знаний из родственных когнитивных ролей, занятых в той или иной форме работы со знанием. Определенное положение индивида в когнитивно-ролевом комплексе соответствует профессии когнитивного типа.

В модели когнитивно-ролевого образования происходит согласование когнитивного типа личности ученика с когнитивно-ролевыми комплексами общества знаний. Инструментом согласования служит выстраивание индивидуальных проблемно-познавательных программ [Карпов 2023, 263–284], обеспечивающих социально- и культурно-контекстное обучение. Когнитивно-ролевое обучение культивирует разные когнитивные типы личности. Оно движет их развитие в направлении когнитивного призвания, которое

есть место социальной принадлежности мышления в отношении познания.

Социальная стратификация когнитивного типа собирает свои сообщества не по сферам деятельности, а из разных сфер деятельности, в том числе науки, инженерного дела, предпринимательства, управления, культуры, здравоохранения, социального сервиса, etc. Тем самым становятся возможными и, более того, необходимыми эпистемически эмерджентные образовательные институты, *целостно* соединяющие в учебном процессе научное исследование, искусство, технологическое знание, менеджмент, социальные и культурные компетенции.

### **Онтологическая пара «духовное – экосистема личности»**

Духовное как способность человека внутреннего к оперированию сложными символическими структурами есть *возможность* к постижению высокого в эстетической, эмоциональной, интеллектуальной, нравственной сферах. Но только возможность, которая в каждой из этих сфер у каждого своя. В.Д. Шадриков утверждал, что «духовное не находится в прямой связи со способностями и интеллектом. Духовным может быть и человек со средними способностями, а бездуховным может быть талант» [Шадриков 1999, 166–167].

Близость духовного соединяет людей в группы, формирует духовно родственное окружение человека внешнего, а в своей конкретике – экосистему личности. В экосистеме личности нравственное скрывается внешней душевностью человеческого общения, духовными интересами и обменом. Духовно родственное, если оно способно сочетаться нравственно, рождает бытийные сообщества, выполняющие роль экзистенциальных центров общества. Экосистема личности, просеиваясь до бытийного сообщества, соединяет людей по принципу онтологического родства, т.е. имеющих сходные фундаментальные воззрения о человеке, мире и человеке в мире, в том числе созвучные представления об истине, нравственности, познании, etc.

Таким образом, духовное выступает в качестве внутренней опоры экзистенциального субъекта, экосистема личности – в качестве внешней опоры социального субъекта. Опора понимается при этом в значении содействующего, открывающего возможности, но отнюдь не гарантирующего постижение существа явленного и достижение его истины. Духовное, будучи причастным сущност-

ному познанию, движению творчества, различению добра и зла, *питает* содержание экзистенциальной самопознания, самовыражения, нравственного и вместе с тем человеческую реальность их онтологических пар. В силу этого онтологическая пара «духовное – экосистема личности» задает бытийную перспективу феномена образования в отношении культивирования экзистенциального и социального существа субъекта обучения.

Духовное теряется современным образованием, которое вывело духовно высокое из своего содержания. Оно заместило его необъективируемое существо логически выстроенными рационализациями, формирующими *суррогатную духовность*. Духовное определено в сферу формального знания, каким оно в сущности своей не является. С оскудением духовного в образовании претерпели лишения и человек, и общество. Образование *в сфере духовного индивида* устанавливает движение к истине и почин к творчеству; оно дает ему статус личности. Образование *в сфере духовного нации* устанавливает ее дух для творения будущего, который даст ей силу превзойти настоящее либо станет причиной немощи и упадка.

Потери велики, а последствия угрожающи, поскольку духовное как культурно особое в своей всеобщей роли есть культурно единящее, но единящее особым образом. В нем онтологическим и все собирающим стержнем служит образ культуры нации и народа, в нашем случае – российской нации и народов, ее населяющих. Духовная идентичность «человека мира» в условиях геополитической конкуренции выступает инструментом разрушения духовной сплоченности обществ, связанных общей историей.

Ввиду изложенного *третьей фундаментальной проблемой* образования является становление *духовного* познания и *духовного* воспитания, противостоящих простому усвоению результатов<sup>2</sup>. Речь идет о модели духовного образования как духовности в образовании, созидающей духовные силы человека и общества. Термин «духовное образование» не связан с подготовкой священ-

---

<sup>2</sup> К. Ясперс дает следующую характеристику духовному образованию: «В физике и химии результаты относительно безразличны, в то время как путь, с помощью которого они достигнуты (методы), обладает образовательной ценностью. Кому известны в этой области лишь результаты, тот имеет мертвое в основе своей, лишенное духа знание. Простое усвоение результатов, следовательно, является здесь противоположностью духовному образованию» [Ясперс 2006, 62].

А.О. КАРПОВ. Онтология образования будущего: фундаментальные проблемы...  
носителей. Он относится к духовному становлению личности как таковому, вне религиозного контекста.

### **Модель духовного образования**

Духовное образование формируется педагогическим отношением к духовной жизни личности и ее внутреннему существу. Оно определяет процессы духовного роста и углубления, творчества и духовного самотворения. Духовное – это в первую очередь субъективно уникальное, необъективированное. Выведенное во вне, оно опредмечивается в культурно статичном, умерщвляется в товар и обменный фонд. Онтологический вопрос, который ставит духовное перед образованием, состоит в том, как возратить опредмеченному духовному духовно образующую функцию, обратив его в необъективированное духовное. Поскольку только это, последнее, имеет потенциал внутреннего роста, «объективация... не терпит духовного возвышения» [Бердяев 2011а, 189].

Духовное образование имеет своим онтологическим основанием работу с особым внутренним содержанием личности, которое названо мной духовно объемлющим. Смысловые матрицы, формирующиеся в период образования, конечно стоят за словом [Шадриков 1999, 33]; однако лишь в некоторой возможности выразимы им. В данном случае слово прямо не служит значению. Н.В. Гоголь поражался: «Мою же собственную мысль, которую не только вижу умом, но даже чую сердцем, не в силах передать. Слышит душа многое, а пересказать или написать ничего не умею» [Гоголь 1994, 37]. Духовно объемлющее единит слово, образ, непередаваемое в некоем невыразимом общении, трансцендирует из глубины внутреннего в суть вещей. Таким образом выходя за свои пределы, оно имманентно высвечивает существо мысли как внутренне явленное и понятное, но вовне невыводимое. Тем самым работа духовно объемлющего довлеет поиску истины.

Духовно объемлющее имеет дело с *потайным логосом* – онто-эпистемической первоосновой личности, носящей и вносящей смысл. Оно оперирует с имплицитным, интуитивным и реликтовым знаниями, латентными конструктами – имплант-понятиями, «терминами», наделенными неявными коннотирующими содержаниями [Карпов 2008, 77–83, 86, 87]. Оно включает в скрытый оборот мышления неявные культурные и эпистемические содержания, которые хранят вера, традиция, эпистемическая коллекция и культурный имплант [Карпов 2012, 77–84]. Иными словами,

оно говорит на языке собственной скрытой структуры, на языке особой чувственной мысли. Все это наделяет духовно объемлющее до конца невыразимой сущностью: оно как дар, который существует «прежде того, как он дарован» [Августин 2021, 163]. Именно в глубинах духовно-объемлющего таится высокий внутренний человек: «Блажен, кто знает сладострастье / Высоких мыслей и стихов!» [Пушкин 1959, 57].

Духовное в образовании культивируется далеко не только духовными дисциплинами, такими как литература, история, родной язык, но более всего творчеством, *обращенным к реальности* и соединяющим в этом обращении плоды самопознания и самовыражения *под углом зрения нравственного*. Вместе с тем духовное играет определяющую роль в движении творчества. Оно есть то, что властно зовет к творчеству, рождает стремление-порыв к нему, ставит во главу угла мотив познания, *вопрошая о нравственном*. Отсюда, духовное и творческое в своем восхождении не просто взаимосвязаны, но определяемы нравственно: одно влечет за собой другое, перекликаясь в контекстах добра и зла.

Духовное в образовании служит основой сущностного познания, проникающего в глубину существования, в многогранное существо феноменов, раскрывающее сущее как *что* оно есть. Оно показывает свою непосредственную причастность древнегреческой пайдеи, которая, по мысли М. Хайдеггера, «означает обращение всего человека в смысле приучающего перенесения его из круга ближайших вещей... в другую область, где является сущее само по себе». Под таким углом зрения «образование» и «истина», осмысленные как *пайдейя* и *алетейя*, сливаются в сущностное единство [Хайдеггер 1993, 351]. Вместе с тем «истина самоценна. И деятельность, направленная на ее получение и владение ею, придает человеку онтологический статус» [Пружинин 2009, 96].

### **Онтологическая пара «нравственное – солидарность»**

Духовное в своем антропо-полагающем значении имеет онтологическое ограничение: оно созидает личность и ее духовно-родственное окружение, тогда как становление человеком определяет нравственное. Оно же солидаризирует общество в отношении к жизненно значимому. Поэтому онтологическая пара «нравственное – солидарность» выполняет высшую и сущностно единящую роль в созидании антропо-полагающей конституции феномена образования.

Нравственное есть глубоко интимное отношение индивида к прояснению добра и зла, но вместе с тем претендующее на всеобщие суждения, которые оно переносит в сферу общественного, выставляя себя в качестве «судии века». Нравственное притягивает к себе слова «праведный», «благочестивый», «добродетельный». Нравственное отлично от нормативной этики и морали. Нравственное преображает личность, тогда как мораль держит в узде общество.

Нравственное есть фундаментальная опора и глубинный источник русской культуры. Замечу, что в англосаксонской версии западной культуры отдельные понятия совести, нравственности, правды не сформировались, т.е. в ней отсутствуют слова, *непосредственно* обозначающие эти понятия. Они подменяются многозначными, отсылающими к сознанию, сознательности, морали, этике, истине<sup>3</sup>. Думаю, это многое объясняет в событиях прошлого и современности, служит индикатором размежевания российской и западной культур.

В своем существе нравственное не дано человеку как такое. Оно не опирается на некий свод общих правил и рецептов, которые непосредственно можно применять в жизни. Оно не предсказуемо в силу неясности причин и последствий поступка<sup>4</sup>. В сложных нравственных ситуациях компаса нет: «...нравственная деятельность – даже при вполне сознательной и искренней установке на сотворение исключительно добра – творит также и зло» [Никитин 2004, 278]. Проблема неопределенности нравственного есть *фундаментальный вопрос* в отношении нравственного, который стоит перед современным образованием и образованием будущего.

Внутренний интимный порядок нравственного свидетельствует о разделении порядка нравственного и порядка социального. Но вместе с тем высвечивается проблема определения нравственного порядка социального через нравственный порядок индивидуального. Она выводит на роль индивидуально особого, находящегося

---

<sup>3</sup> Бердяев отмечал, что «чудное русское слово “правда”... не имеет соответствующего выражения на других языках» [Бердяев 2011б, 273].

<sup>4</sup> И.Ф. Девятко в качестве примеров позитивных действий, способных вызвать негативные экстерналии (внешние эффекты, издержки), приводит роботизацию производства, ведущую к безработице, покупку лекарства, которого не хватает остро нуждающимся в нем, внедрение антикриминальной системы наблюдения, элиминирующей сферу частного [Нормы и мораль... 2017, 12].

в основе солидарности общества. Солидаризирует общество именно индивидуальное нравственное: его общее со-причастие делу общества, жизни и смерти общества, его общая боль и ответственность за детей, семью, родных и близких.

Таким образом, солидарность определяется не отношением социального к личности, которое есть общее и отвлеченное, а отношением личности к личности, личности к индивидуально-высокому и Вечности, нравственным порядком единичного, порождающего порядок всеобщего. Сущностной основой солидарности общества выступает нравственное, тогда как идеи разделяют его.

Люди начинают действовать, на карту поставлено собственное будущее. Но, чтобы они начали действовать, в них должны быть заложены потребность в нравственном, сила к проявлению нравственного и твердость стояния в нравственном. Из этого следует, что нравственное есть первостепенная задача образования, его *нравственный долг как воспитание человечности*.

Между тем современное образование по своей сути стало организацией, которая вывела нравственное за пределы своей деятельности, обходящейся без нравственного, т.е. стало институтом без-нравственного. Под вопрос поставлены онтологические условия воспитания человека как такового и развития общества в его человеческом существе. Растущая сфера без-нравственного служит экзистенциальной причиной кризиса, охватившего российскую систему образования, которое пытается воспроизвести свою национальную миссию в опоре на культурно чуждые образцы.

*Главной фундаментальной проблемой* образования в его сегодняшнем и будущем образе является нравственное культивирование человечности в индивиде и обществе. Нравственное образование зиждется на культуре и нравственных образцах своего народа. Становление модели нравственного образования требует фундаментального переопределения учебно-познавательных методов и материала в направлении понимания человечности, при этом не только относительно общественных и культурных сфер жизни, но также профессиональных и экономических.

### **Модель нравственного образования**

Модель нравственного образования проявляет его как главный институт общества, способный культивировать *глубинную* нравственность, которая в силах ставить под вопрос ценностно-

нормативное регулирование человеческого существования и опираться на этику индивидуального поступка [Карпов 2025б, 57–60]. Образование должно нравственно расти впереди общества, а учебная культура – содержать нравственное как доминанту. Иными словами, образование должно воспитывать человека, способного встать выше наличной нравственности. При этом кардинальной трудностью образования в деле культивирования нравственного является неопределенность нравственного.

Образованию необходимо впитать в себя содержание и выстроить дидактические подходы, приводящие нравственное в *состояние испытания*, которое требует нравственной борьбы, творческого разрешения и имеет в виду человека прежде всего. Такие содержание и подходы должны давать понимание того, что «нравственная жизнь слагается из парадоксов, в которых добро и зло переплетаются и переходят друг в друга», что «добро осуществляется через противоречия, через жертву, через страдание» [Бердяев 1993, 35, 144].

Испытание нравственного в образовании требует создания особых онто-эпистемических ситуаций, в которых оно подвергается разысканию, опробованию, освоению. Они пронизаны парадоксальными отношениями добра и зла. В них добро обращается во зло, а зло преобразуется в добро; борьба со злом создает новое зло, а добро требует жертвы и борется с добром. Исследуя сложную связь добра и зла, они учат жить по нравственной истине, исключая влияние социальной лжи. *Выявление нравственной истины поступка есть фундаментальная дидактическая задача в воспитании правдивой и любящей правду личности.*

Испытание нравственного служит воспитанию творческой функции нравственного, способной воображением создавать образ более совершенной и нравственной жизни, достигать духовной высоты и глубины нравственных оценок и действий. Дидактические методы испытания нравственного должны стать частью работы педагога в его функции старшего товарища и идеального образца. Их следует использовать в предметах, имеющих высокое духовное содержание, таких как литература, история, родной язык, на занятиях, построенных на материале современности, который отсылает к нравственному [Карпов 2024б, 70–71].

Вместе с тем основным местом испытания нравственного являются контексты жизни общества, введенные в образование, жизни социальной, культурной, профессиональной, экономи-

ческой. Именно они наделяют практически «работающими» нравственными образцами ситуации, оценки, действия; дают самостоятельный и непосредственный опыт нравственного чувствования, ставят нравственное как творческую задачу личности. В них нравственные представления переходят в поступок, рождается осознание того, что нравственное – это глубоко личное явление и внутреннее добытое достижение. Они ведут растущего человека к тому высокому «кто он», к которому примеряют себя и которое есть миссия образованного человека в качестве образованного человека.

Переопределение содержания отечественного образования в направлении понимания человечности должно исходить из фундаментальных основ российской культуры в ее историческом наследии. Российское образование должно решительно размежеваться с западными образцами нравственного, уйти от «экономизации» и человеческого беспутства. Российское образование должно принять на себя человеко-созидающую миссию, в которой человек есть цель и основа всего, человек, рождаемый из внутренних достижений личности, в раскрытии собственной глубины, имманентном дыхании своего духа.

### Заключение

Наши действия в образовательном настоящем и выстраивании его будущего должны иметь под собой существенные основания, если мы хотим, чтобы они относились к существу дела. Онтологически несущественное, поставленное в ранг социально главного, окутывает туманом и скрывает действительное и насущное. Так, инспирированные обсуждения введения школьных оценок за поведение и зачетной системы по отдельным предметам заслоняют собой острейшие проблемы, связанные с ЕГЭ. Последнее ничтожит нравственное и духовное развитие ученика, его творческий и внутренний рост, т.е. фундаментальные онтологические основания образования в его экзистенциальном измерении; а по связи онтологических пар деформирует его социальное измерение. Потери образования, общества и экономики не просто велики, а катастрофичны. Насущным сегодня является не замена ЕГЭ, а отмена экзаменов в школе. Я много писал и говорил об этом<sup>5</sup>.

---

<sup>5</sup> См., например, телевизионный выпуск «Это страшное слово – ЕГЭ?» в рамках программы «Клуб главных редакторов» с Павлом Гусевым от 18 мая 2025 года на телеканале ОТР (<https://otr-online.ru/programmy/klub>

Онтологически чувствительное говорит нам о том, что не следует обсуждать, а что нужно делать; онтологически бесчувственное – о том, что, возможно, делать не следует, а тем более не следует обсуждать. Я рос активным мальчиком: бегал на переменах, дрался, дергал за косички девочек. Двойка за поведение была моей неизменной спутницей на протяжении школьных лет, и неизменно она игнорировалась мной и родителями. Мальчики должны драться, когда это нужно, иначе из них не вырастут мужчины. Они должны уметь защищать себя, близких, других (униженных и оскорбленных), отвечать на вызовы, стоять за праведное и противостоять злу.

Вместе с тем размещенный в актовом зале моей ленинградской школы замечательный красный транспарант гласил о том, что октябренок должен учиться только на хорошо и отлично. Это был особый духовно-нравственный знак, который опосредованно оказал на меня необычайное влияние. Первостепенным и определяющим основанием для моего становления стало усердие моих дорогих родителей и педагогическое искусство незабвенных учителей, которым способствовали культурная, учебная и социальная атмосфера, установленная духом времени. Этот личный пример указывает на действие онтологических оснований образования в воспитании и недействие надуманного в нем.

Современное образование все более обращается в отчужденный от своей подлинности феномен, поскольку ставит во главу угла контроль и измеряемый результат, мнемотехнику и механизацию мышления, утилитарные цели и формально-регламентированную среду, без-нужность духовного и нравственного, иную эквилибристику канона образовательных услуг и потребителей. В нем представлено лишь забывшее себя *она*, но нет ученика в его *человеком*-растущем образе, ученика, способного принимать решения и нести за них ответственность. Такое образование забывает «об обязательствах, которые существование детей накладывает на каждое человеческое общество», об ответственности за мир и наших детей [Arendt 2006, 181].

В растущей человеческой отчужденности образование не только лишается онтологических основ, оно лишает ученика движения к *своей* человечности, забывает о том, что одаренные – это далеко не всегда лучшие. Оно «подавляет, скрывает и вытесняет более

изначальные и онтологические аспекты нашего бытия». Вместе с тем фундаментальная сущностная характеристика человека заключается «в том, что для того, чтобы стать человеком, ему необходимо образование» [Magrini 2014]. Экзистенциально-онтологические отношения между педагогом и учеником, будучи «неосвязаемыми», не менее реальны, чем мир окружающих их вещей [Magrini 2012, 8–9], а образовательная теория, чтобы быть аутентичной, должна уметь связывать разные уровни реальности, в том числе «эффемерные».

В основе фундаментальных теоретических представлений о феномене образования всегда лежит та или иная онтология, независимо от того, осознано это исследователем, педагогом, обществом или не осознано. Онтологическая слепота выражается в отсутствии «четкого понимания общего смысла и сущности образования», ведет к тому, что образовательные институты формируют свою деятельность на противоречивых и призрачных основаниях [Палей 2014, 149]. *Историческая задача отечественного образования* – раскрытие и культивирование человеческого начала в России. Только в таких условиях наше общество может расти нравственно. И только так наше образование в нравственном росте будет опережать общество.

#### ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Августин 2021 – *Августин Аврелий Блаженный*. О Троице. – М.: РИПОЛ классик, 2021.

Бердяев 1936 – *Бердяев Н.А.* Проблема человека (К построению христианской антропологии) // *Путь*. 1936. № 50. С. 3–26.

Бердяев 1993 – *Бердяев Н.А.* О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // *Бердяев Н.А.* О назначении человека. – М.: Республика, 1993. С. 19–252.

Бердяев 1994 – *Бердяев Н.А.* Смысл творчества // *Бердяев Н.А.* Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. Т. 1. – М.: Искусство, 1994. С. 37–342.

Бердяев 1996 – *Бердяев Н.А.* Истина и откровение // *Бердяев Н.А.* Истина и откровение. Прологомены к критике Откровения. – СПб.: РХГИ, 1996. С. 5–155.

Бердяев 2011а – *Бердяев Н.А.* Дух и реальность // *Бердяев Н.А.* Дух и реальность: основы богочеловеческой духовности. – Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2011. С. 3–200.

*А.О. КАРПОВ. Онтология образования будущего: фундаментальные проблемы...*

Бердяев 2011б – *Бердяев Н.А.* Царство Духа и царство Кесаря // *Бердяев Н.А.* Дух и реальность: основы богочеловеческой духовности. – Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2011. С. 201–344.

Гоголь 1994 – *Гоголь Н.В.* Выбранные места из переписки с друзьями // *Гоголь Н.В.* Собрание сочинений: в 9 т. Т. 6. Духовная проза. Критика. Публицистика. – М.: Русская книга, 1994. С. 5–193.

Карпов 2008 – *Карпов А.О.* Дискурс: классификация контекстов // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 74–87.

Карпов 2012 – *Карпов А.О.* Эпистемическая вещь и психокультурное понимание // Вопросы философии. 2012. № 4. С. 75–86.

Карпов 2016 – *Карпов А.О.* Проблемно-познавательная программа: обучение становлению // Педагогика. 2016. № 5. С. 20–27.

Карпов 2019 – *Карпов А.О.* Образование в отношении к истине // Вопросы философии. 2019. № 1. С. 56–66.

Карпов 2020 – *Карпов А.О.* Знание, способное породить новое знание: ракурс науки и образования // Вопросы философии. 2020. № 5. С. 103–115.

Карпов 2021 – *Карпов А.О.* Образование будущего: репродуктивно-продуктивный переход // Вопросы философии. 2021. № 1. С. 5–16.

Карпов 2022 – *Карпов А.О.* Фундаментальные модели образования будущего // Вопросы философии. 2022. № 1. С. 54–64.

Карпов 2023 – *Карпов А.О.* Общество знаний: генезис, исследовательское образование, университет 3.0. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2023.

Карпов 2024а – *Карпов А.О.* Образ образования будущего // Вопросы философии. 2024. № 1. С. 17–28.

Карпов 2024б – *Карпов А.О.* Феномен образования: экзистенциальный порядок бытия // Философские науки. 2024. Т. 67. № 1. С. 54–73.

Карпов 2025а – *Карпов А.О.* Нравственный вопрос образования // Философские науки. 2025. Т. 68. № 2. С. 7–32.

Карпов 2025б – *Карпов А.О.* Онтология нравственного в феномене образования // Вопросы философии. 2025. № 1. С. 51–62.

Лакатос 2003 – *Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / пер. с англ. В.Н. Поруса // *Лакатос И.* Методология исследовательских программ. – М.: АСТ; Ермак, 2003. С. 5–253.

Никитин 2004 – *Никитин Е.П.* Духовный мир: органичный космос или разбегающаяся вселенная? // *Никитин Е.П.* Духовный мир: органичный космос или разбегающаяся вселенная? – М.: РОССПЭН, 2004. С. 277–293.

Нормы и мораль... 2017 – Нормы и мораль в социологической теории: от классических концепций к новым идеям / отв. ред. И.Ф. Девятко, Р.Н. Абрамов, И.В. Катерный. – М.: Весь мир, 2017.

Палей 2014 – *Палей Е.В.* Проблемы и перспективы построения онтологии образования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (50). Ч. II. С. 148–150.

Пружинин 2009 – *Пружинин Б.И.* Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии. – М.: РОССПЭН, 2009.

Пуанкаре 1990 – *Пуанкаре А.* Последние мысли // *Пуанкаре А.* О науке. – М.: Наука, 1990. С. 523–672.

Пушкин 1959 – *Пушкин А.С.* Жуковскому // *Пушкин А.С.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. Стихотворения 1814–1822. – М.: Художественная литература, 1959. С. 57.

Ухтомский 2019а – *Ухтомский А.А.* Об инстинктах // *Ухтомский А.А.* Доминанта. – СПб.: Питер, 2019. С. 179–201.

Ухтомский 2019б – *Ухтомский А.А.* От двойника к собеседнику // *Ухтомский А.А.* Доминанта. – СПб.: Питер, 2019. С. 376–441.

Флоренский 1990 – *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины. Т. 1. – М.: Правда, 1990.

Хайдеггер 1991 – *Хайдеггер М.* Закон тождества // *Хайдеггер М.* Разговор на проселочной дороге. Избранные статьи позднего периода творчества. – М.: Высшая школа, 1991. С. 69–79.

Хайдеггер 1993 – *Хайдеггер М.* Учение Платона об истине // *Хайдеггер М.* Время и бытие: статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. С. 345–361.

Шадриков 1999 – *Шадриков В.Д.* Происхождение человечности. – М.: Логос, 1999.

Юнг 2021 – *Юнг К.Г.* Отношения между эго и бессознательным // *Юнг К.Г.* Аналитическая психология. – М.: АСТ, 2021. С. 149–365.

Юнг 2023 – *Юнг К.Г.* Архетипы коллективного бессознательного // *Юнг К.Г.* Архетипы и коллективное бессознательное. – М.: АСТ, 2023. С. 5–52.

Ясперс 2006 – *Ясперс К.* Идея университета. – Минск: БГУ, 2006.

Ясперс 2013 – *Ясперс К.* Разум и экзистенция. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2013.

Arendt 2006 – *Arendt H.* The Crisis in Education // *Arendt H.* Between Past and Future. – London: Penguin, 2006. P. 170–193.

Magrini 2012 – *Magrini J.M.* An Ontological Notion of Learning Inspired by the Philosophy of Hannah Arendt // *Philosophy Scholarship*. 2012. No. 34. – URL: <http://dc.cod.edu/philosophypub/34>.

Magrini 2014 – *Magrini J.M.* A “Fundamental Theory” of Education Grounded in Ontology? A Phenomenological Rejoinder // Reconstruction. 2014. Vol. 14. No. 2: Phenomenology and Education. – URL: <http://reconstruction.digitalodu.com/Issues/142/Magrini.shtml>.

#### REFERENCES

Arendt H. (2006) The Crisis in Education. In: Arendt H. *Between Past and Future* (pp. 170–193). London: Penguin.

Augustine of Hippo (2021) *On the Trinity*. Moscow: RIPOL klassik (Russian translation).

Berdyayev N.A. (1936) The Problem of Man (Towards the Construction of a Christian Anthropology). *Put'*. No. 50, pp. 3–26 (in Russian).

Berdyayev N.A. (1993) The Destiny of Man: An Essay in Paradoxical Ethics. In: Berdyayev N.A. *The Destiny of Man* (pp. 19–252). Moscow: Respublika (in Russian).

Berdyayev N.A. (1994) The Meaning of the Creative Act. In: Berdyayev N.A. *The Philosophy of Creativity, Culture, and Art* (Vol. 1, pp. 37–342). Moscow: Iskusstvo (in Russian).

Berdyayev N.A. (1996) Truth and Revelation. In: Berdyayev N.A. *Truth and Revelation: Prolegomena to a Critique of Revelation* (pp. 5–155). Saint Petersburg: Russian Christian Institute for the Humanities (in Russian).

Berdyayev N.A. (2011a) Spirit and Reality. In: Berdyayev N.A. *Spirit and Reality: The Foundations of God-Human Spirituality* (pp. 3–200). Minsk: Belarusian Exarchate Publishing (in Russian).

Berdyayev N.A. (2011b) The Realm of Spirit and the Realm of Caesar. In: Berdyayev N.A. *Spirit and Reality: The Foundations of God-Human Spirituality* (pp. 201–344). Minsk: Belarusian Exarchate Publishing (in Russian).

Devyatko I.F., Abramov R.N., & Katernyy I.V. (Eds.) (2017) *Norms and Morality in Sociological Theory: From Classical Concepts to New Ideas*. Moscow: Ves' mir (in Russian).

Florenskiy P.A. (1990) *The Pillar and Ground of the Truth* (Vol. 1). Moscow: Pravda (in Russian).

Gogol N.V. (1994) Selected Passages from Correspondence with Friends. In: Gogol N.V. *Collected Works in 9 Vols.* (Vol. 6, pp. 5–193). Moscow: Russkaya kniga (in Russian).

Heidegger M. (1991) The Principle of Identity. In: Heidegger M. *Conversation on a Country Path: Selected Articles from the Late Period* (pp. 69–79). Moscow: Vysshaya shkola (Russian translation).

Heidegger M. (1993) Plato's Doctrine of Truth. In: Heidegger M. *Time and Being: Articles and Speeches* (pp. 345–361). Moscow: Respublika (Russian translation).

Jaspers K. (2006) *The Idea of the University*. Minsk: BGU (Russian translation).

Jaspers K. (2013) *Reason and Existenz*. Moscow: Kanon+ (Russian translation).

Jung C.G. (2021) The Relations between the Ego and the Unconscious. In: Jung C.G. *Analytical Psychology* (pp. 149–365). Moscow: AST (Russian translation).

Jung C.G. (2023) The Archetypes of the Collective Unconscious. In: Jung C.G. *The Archetypes and the Collective Unconscious* (pp. 5–52). Moscow: AST (Russian translation).

Karpov A.O. (2008) Discourse: A Classification of Contexts. *Voprosy filosofii*. No. 2, pp. 74–87 (in Russian).

Karpov A.O. (2012) The Epistemic Thing and Psycho-Cultural Understanding. *Voprosy filosofii*. No. 4, pp. 75–86 (in Russian).

Karpov A.O. (2016) The Problem-Cognitive Program: Teaching Emergence. *Pedagogika*. No. 5, pp. 20–27 (in Russian).

Karpov A.O. (2019) Education in Relation to Truth. *Voprosy filosofii*. No. 1, pp. 56–66 (in Russian).

Karpov A.O. (2020) Knowledge Capable of Generating New Knowledge: The Perspective of Science and Education. *Voprosy filosofii*. No. 5, pp. 103–115 (in Russian).

Karpov A.O. (2021) Education of the Future: The Reproductive-Productive Transition. *Voprosy filosofii*. No. 1, pp. 5–16 (in Russian).

Karpov A.O. (2022) Fundamental Models of Education of the Future. *Voprosy filosofii*. No. 1, pp. 54–64 (in Russian).

Karpov A.O. (2023) *The Knowledge Society: Genesis, Research-Based Education, University 3.0*. Moscow: Kanon+ (in Russian).

Karpov A.O. (2024a) The Image of the Education of the Future. *Voprosy filosofii*. No. 1, pp. 17–28 (in Russian).

Karpov A.O. (2024b) The Phenomenon of Education: The Existential Order of Being. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 1, pp. 54–73. (in Russian).

Karpov A.O. (2025a) The Righteousness Question of Education. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 68, no. 2, pp. 7–32 (in Russian).

Karpov A.O. (2025b) The Ontology of the Moral in the Phenomenon of Education. *Voprosy filosofii*. No. 1, pp. 51–62 (in Russian).

Lakatos I. (2003) Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes. In: Lakatos I. *The Methodology of Scientific Research Programmes* (V.N. Porus, Trans.; pp. 5–253). Moscow: AST; Ermak (Russian translation).

Magrini J.M. (2012) An Ontological Notion of Learning Inspired by the Philosophy of Hannah Arendt. *Philosophy Scholarship*. No. 34. Retrieved from <http://dc.cod.edu/philosophypub/34>.

Magrini J.M. (2014) A “Fundamental Theory” of Education Grounded in Ontology? A Phenomenological Rejoinder. *Reconstruction*. Vol. 14, no. 2. Retrieved from <http://reconstruction.digitalodu.com/Issues/142/Magrini.shtml>.

Nikitin E.P. (2004) The Spiritual World: An Organic Cosmos or an Expanding Universe? In: Nikitin E.P. *The Spiritual World: An Organic Cosmos or an Expanding Universe?* (pp. 277–293). Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Paley E.V. (2014) Problems and Prospects of Constructing the Ontology of Education. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. No. 12, part 2, pp. 148–150 (in Russian).

Poincaré H. (1990) Last Thoughts. In: Poincaré H. *On Science* (pp. 523–672). Moscow: Nauka (Russian translation).

Pruzhinin B.I. (2009) *Ratio Serviens? Outlines of a Cultural-Historical Epistemology*. Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Pushkin A.S. (1959) To Zhukovsky. In: Pushkin A.S. *Collected Works in 10 Vols.* (Vol. 1, p. 57). Moscow: Khudozhestvennaya literatura (in Russian).

Shadrikov V.D. (1999) *The Origin of Humanity*. Moscow: Logos (in Russian).

Ukhtomsky A.A. (2019a) On Instincts. In: Ukhtomskiy A.A. *The Dominant* (pp. 179–201). Saint Petersburg: Piter (in Russian).

Ukhtomsky A.A. (2019b) From the Double to the Interlocutor. In: Ukhtomskiy A.A. *The Dominant* (pp. 376–441). Saint Petersburg: Piter (in Russian).



## НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ



### Конференции, семинары, круглые столы



DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-4-138-159

Обзор конференции

Conference summary

### **Духовно-нравственные ценности в геополитическом противостоянии XXI века**

Аналитический обзор

Международной научной конференции

«XXII Панаринские чтения»

Москва, 19 февраля 2025 года\*

*К.Ю. Аласания, Е.Н. Моцелков, А.В. Никандров, Т.Н. Седых*  
*Московский государственный университет*  
*имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

#### **Аннотация**

В статье представлен аналитический обзор XXII Международных Панаринских чтений, состоявшихся 19 февраля 2024 года и посвященных одной из актуальных тем современности – роли идей и ценностей в современном геополитическом противостоянии. Конференция была организована философским факультетом МГУ имени М.В. Ломоносова (кафедра философии политики и права) совместно с Российским научно-исследовательским институтом культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва. На Панаринских чтениях, являющихся одной из влиятельных интеллектуальных площадок России, научно-политическая общественность обсуждает стратегии аксиологических и цивилизационных исследований, посвященных прежде всего вопросам развития российской цивилизации. В обзоре тезисно рассмотрены содержательные моменты докладов ученых, представляющих различные научные организации России и других стран. Докладчиками был освещен широкий спектр проблем: методология изучения традицион-

---

\* Конференция была проведена в рамках реализации научного проекта Российского научного фонда № 23-18-00508.

К.Ю. АЛАСАНИЯ, Е.Н. МОЩЕЛКОВ, А.В. НИКАНДРОВ, Т.Н. СЕДЫХ. Духовно...

ных российских ценностей, биоэтические вопросы, трансформация системы образования, цивилизационное развитие России и ее место в современном мире. На конференции особое внимание было уделено идеям А.С. Панарина, который предвосхитил важнейшие направления глобальных конфликтов XXI века и разработал теорию глобального политического прогнозирования, выдвинув альтернативный проект будущего полицентричного мира. Участники конференции обсуждали проблемы модернизации и сохранения культурного суверенитета, смены доминирующих цивилизаций и формирования многополярного мира, соотношения прав и обязанностей в традиционных культурах, роли православия в российской цивилизационной идентичности, а также цивилизационного многообразия как самостоятельной ценности. В выступлениях подчеркивалась необходимость выработки «общей идеи» для российского общества и формирования нормативно-ценностной системы, способной обеспечить устойчивое развитие страны. Подводя итоги, организаторы отметили высокую актуальность наследия А.С. Панарина, труды которого продолжают вдохновлять современных исследователей на поиск ответов на острые вызовы современности.

**Ключевые слова:** философия политики, социальная философия, аксиология, цивилизационная идентичность, природа человека, культурное наследие, национальная культура, стратегическая нестабильность, глобализация.

**Аласания Кира Юрьевна** – доктор политических наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

[alasaniank@yandex.ru](mailto:alasaniank@yandex.ru)

<https://orcid.org/0000-0002-7452-8882>

**Мощелков Евгений Николаевич** – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

[enm@inbox.ru](mailto:enm@inbox.ru)

<https://orcid.org/0000-0001-6608-2027>

**Никандров Алексей Всеволодович** – кандидат политических наук, старший научный сотрудник кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

[bobbio71@mail.ru](mailto:bobbio71@mail.ru)

<https://orcid.org/0009-0002-8885-2752>

**Седых Татьяна Николаевна** – кандидат политических наук, доцент кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

tatiana\_sedykh@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3746-0660>

**Для цитирования:** *Аласания К.Ю., Моцелков Е.Н., Никандров А.В., Седых Т.Н.* Духовно-нравственные ценности в геополитическом противостоянии XXI века (аналитический обзор Международной научной конференции «XXII Панаринские чтения») // *Философские науки.* 2025. Т. 68. № 4. С. 138–159. DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-4-138-159

## **Spiritual and Moral Values in the Geopolitical Confrontation of the 21<sup>st</sup> Century**

The Analytical Summary  
of the International Scientific Conference  
“XXII International Panarin Readings”  
Moscow, February 19, 2025\*

*K. Yu. Alasania, E. N. Moschelkov, A. V. Nikandrov, T. N. Sedykh  
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*

### **Abstract**

The article presents an analytical summary of the XXII International Panarin Readings, held on 19 February 2024 and devoted to one of the most pressing issues: the role of ideas and values in contemporary geopolitical confrontation. The conference was organized by the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University (Department of Philosophy of Politics and Law) in collaboration with the Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage. At the Panarin Readings, one of Russia’s influential intellectual platforms, the academic and policy-making community discusses strategies for axiological and civilizational research, focused primarily on questions concerning the development of Russian civilization. The summary concisely examines the substantive points of papers presented by scholars representing various academic institutions from Russia and other countries. The speakers addressed a broad spectrum of issues: the methodology for studying traditional Russian values, bioethical ques-

---

\*The conference was held within the scope of the Russian Science Foundation research project no. 23-18-00508.

*К.Ю. АЛАСАНИЯ, Е.Н. МОЩЕЛКОВ, А.В. НИКАНДРОВ, Т.Н. СЕДЫХ. Духовно...*

tions, the transformation of the education system, Russia's civilizational development, and its place in the contemporary world. The conference devoted particular attention to the ideas of A.S. Panarin, who anticipated the key trajectories of global conflicts in the 21<sup>st</sup> century and developed a theory of global political forecasting, advancing an alternative vision for a future polycentric world. The participants discussed the challenges of modernization and the preservation of cultural sovereignty, the shift in dominant civilizations and the formation of a multipolar world, the relationship between rights and duties in traditional cultures, the role of Orthodoxy in Russia's civilizational identity, and civilizational diversity as an intrinsic value. The presenters emphasized the need to formulate a "common idea" for Russian society and to establish a normative-value system capable of ensuring the country's sustainable development. In their concluding remarks, the organizers underscored the enduring relevance of A.S. Panarin's legacy, whose works continue to inspire contemporary researchers to seek answers to the acute challenges of our time.

**Keywords:** philosophy of politics, social philosophy, axiology, civilizational identity, human nature, cultural heritage, national culture, strategic instability, globalization.

**Kira Yu. Alasania** – D.Sc. in Political Science, Professor, Department of Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University

alasanian@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7452-8882>

**Evgeniy N. Moschelkov** – D.Sc. in Political Science, Professor, Head of the Department of Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University

enm@inbox.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6608-2027>

**Alexey V. Nikandrov** – Ph.D. in Political Science, Senior Research Fellow, Department of Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University

bobbio71@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0002-8885-2752>

**Tatiana N. Sedykh** – Ph.D. in Political Science, Associate Professor, Department of Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University  
tatiana\_sedykh@mail.ru  
<https://orcid.org/0000-0003-3746-0660>

**For citation:** Alasania K.Yu, Moschelkov E.N., Nikandrov A.V., & Sedykh T.N. (2025) Spiritual and Moral Values in the Geopolitical Confrontation of the 21<sup>st</sup> Century: The Analytical Summary of the International Scientific Conference “XXII International Panarin Readings”. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 68, no. 4, pp. 138–159. DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-4-138-159

19 февраля 2025 года состоялись XXII Панаринские чтения – ежегодная Международная научная конференция, посвященная памяти Александра Сергеевича Панарина (1940–2003), выдающегося отечественного ученого, философа, политического мыслителя. Организатором Чтений выступил философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова (кафедра философии политики и права) совместно с Российским научно-исследовательским институтом культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва (Институт наследия). Проблема, вынесенная в название настоящих Чтений, «Духовно-нравственные ценности в геополитическом противостоянии XXI века», поставлена в наиболее общем ключе: какие идейно-ценностные конфликты разворачиваются сегодня; какие именно ценности подвергаются атаке со стороны глобалистских элит и каким образом происходит противоборство; какими чертами характеризуется современное обострение противоборства в сфере ценностей; по каким линиям проходит ценностный разлом; какими причинами обусловлено противоборство и какие перспективы у его сторон.

А.С. Панарин предвосхитил не только важнейшие направления конфликта ценностей, но и обозначил пути противодействия деструктивной деятельности «глобальных хищников», стремящихся подчинить народы и государства, не желающие подчиняться «императивам» сил, институций и государств, которые в совокупности представляют собой «новую глобальную элиту», вознамерившуюся навязывать свои законы всему миру. В работах, написанных в конце XX – начале XXI века, он провел всесторонний анализ феномена глобализма и процесса глобализации, показал

тенденции развития глобализационных процессов в соотношении с принципами демократии и государственного суверенитета. Выступив как один из самых глубоких критиков глобализации, А.С. Панарин вскрыл ее опасности, выделил инварианты глобального прогнозирования, создал стройную, аналитически выверенную и философски фундированную теорию глобального политического прогнозирования, выдвинул альтернативный глобализационный проект будущего полицентричного мира.

В центре философско-политических исканий и раздумий А.С. Панарина всегда находились вопросы о судьбе России, ее месте и роли в современном глобализированном мире. Он выступал в защиту традиционного понимания специфики российской цивилизации. Сделав особый акцент на выработке собственного пути ее развития, основанного на реализации традиций православия, философ разработал концепты «православная цивилизация», «глобальная миссия России», «цивилизационная идентичность России», «Россия в диалоге цивилизаций». В своей последней книге «Стратегическая нестабильность в XXI веке» (2003), ставшей его политическим завещанием, А.С. Панарин раскрыл логику будущей глобальной политической динамики мира, показал существо противоборства между США, в то время еще наслаждавшимися своей «однополярной диктатурой», и остальным миром, воспротивившимся желанием новоявленного «мирового диктатора» установить всемирное владычество. Эта фундаментальная работа вдохновила многих ученых на размышления о способах противодействия непрошеному «глобальному диктатору». И сегодня, когда «однополярная диктатура» осталась в прошлом, но желание единолично властвовать у США все еще не утрачено, идеи А.С. Панарина обретают новую силу, захватывают умы молодых представителей научной общественности.

С этих позиций на правах ведущего Чтений выступил, открывая их, заведующий кафедрой философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова доктор политических наук, профессор **Е.Н. Мощелков**. Во вступительном слове он выделил именно интеллектуальную составляющую научной конференции, то, что обмен мнениями, ежегодно происходящий в ее рамках, важен с точки зрения развития общественно-политической науки, представителями которой являются ее участники. Панаринские чтения изменяются вместе с развитием страны, развитием науки: расширяется состав участ-

ников, открываются новые темы и проблемы, углубляется уровень научной постановки и разрешения проблематики, определяемой духом Чтений.

С приветственным словом выступил исполняющий обязанности декана философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова кандидат философских наук, доцент **А.П. Козырев**. Он утверждал, что в российском обществе последних лет усилилось ощущение, описанное ранее А.С. Панариным: история проходит через нас. Но это ощущение становится все более и более тревожным. Александр Сергеевич был мыслителем больших прогностических способностей, и его тревога за XXI век передалась его читателям, его последователям. В этом смысле Панарин – наш современник, он находится рядом с нами. А.П. Козырев акцентировал внимание на конкретике относительно насущных проблем, которые решают философы и в решении которых помогают труды Панарина. В настоящее время продолжается активное обсуждение новой модели преподавания философии в высшей школе. Основой должна стать ценностная проблематика, поскольку молодежи необходимо привить знания о ценностях, и это – одна из непосредственных задач, в разрешении которой участвуют многие из присутствующих на конференции коллег. В заключение приветственного слова А.П. Козырев пожелал участникам плодотворной работы.

От Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва с приветственным словом выступил его директор **В.В. Аристархов**. Сославшись на широко известную идею А.С. Панарина о XXI веке как об эпохе стратегической нестабильности, В.В. Аристархов сосредоточил внимание на существовании перемен, в эпоху которых мы живем на протяжении более 30 лет. Казалось бы, перемены настолько захватили общественное бытие мира, что нет и смысла задумываться о перспективах, о предсказуемом будущем: мы видим перед собой непрерывно изменяющийся мир и живем в нем, при этом интенсивность изменений постоянно растет. Однако за перманентной турбулентностью, которая сама по себе кажется существом дела, нужно увидеть истинную сущность водоворота изменений: за хаосом грандиозных перемен скрывается глобальное противостояние систем ценностей, культурных кодов противостоящих цивилизаций, в глубине которых, в свою очередь, находится несовместимость фундаментальных категорий. Смысл нашей работы – работы философов, социологов, людей науки вообще – состоит

именно в том, чтобы раскрывать фундаментальные закономерности цивилизационного бытия и на этом основании намечать дальнейшие действия, прогнозировать перспективы прекращения нестабильности. Завершая приветственное слово, В.В. Аристархов пожелал участникам Чтений интересной и успешной работы.

Первым докладчиком стал доктор исторических наук, профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова **С.В. Перевезенцев**. Его доклад «К вопросу о методологии изучения аксиологических оснований российской цивилизации» был посвящен методологии в определении существа традиционных ценностей и их исследовании. С.В. Перевезенцев рассказал предысторию и осветил состояние большой исследовательской работы, которую делает под его руководством группа по изучению российских традиционных ценностей, созданная на факультете политологии. Он представил изданную в 2024 году монографию «Русские ценности: традиционные смыслы и их отражение в сознании современной молодежи», ставшую результатом изучения важнейших ценностей российской цивилизации, отраженных в отечественных источниках за тысячу лет, с X по XX век. Речь идет об аксиологических основах, глубоких идеалах нашей цивилизации, о разработке на их базе систематизации аксиологической модели русской государственности. В качестве примера докладчик привел ценность «тишины» как идеальную форму социально-политического устройства: этот идеал отражен в многочисленных текстах, и он вдохновляет разнообразные практики русской истории. В аксиологический комплекс российской цивилизации входит множество других ценностей: «жизнь», «вера», «правда» и т.д. Необходимо понимать, какие ценности обеспечат нашему государству движение вперед.

Лейтмотивом доклада «Биоэтика о жизни и смерти в ценностном противостоянии XXI века» кандидата философских наук, доцента, заведующей кафедрой философии образования философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова **Е.В. Брызгаллиной** стал конфликт ценностей, прослеживающийся в сфере науки и связанный с таким уровнем развития биомедицины, который привел к постановке вопроса о трансформации природы человека. Существо конфликта состоит в неоднозначности действий человека с позиции блага и обязательности учета ценностей людей, вовлеченных в конкретные ситуации (врачей, пациентов, членов

семей, исследователей, испытуемых). Этот конфликт осложняется отставанием правовых регулятивов и высокими рисками для биологической, социальной, экономической безопасности. Е.В. Брызгалина сосредоточилась на раскрытии существа биоэтики как элемента культуры, предполагающего сознательное следование рамкам допустимого в этой культуре действия, а затем перешла к проблеме принципов функционирования биоэтики в современном обществе. Докладчик подвергла анализу биоэтику как комплекс социальных практик и как направление профессионального образования. Е.В. Брызгалина пришла к выводу о том, что в настоящее время не существует единственной философской, моральной или религиозной доктрины, которая могла бы выстроить систему универсально признаваемых ценностей или антропологических идей для разрешения стремительно нарастающих конфликтов и затруднений в биомедицине. Согласно ее утверждению, национальная ценностная матрица должна быть учтена при правовом регулировании биомедицины и здравоохранения, служить основой этического сопровождения научно-технологического развития.

Доктор политических наук, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова **О.Ф. Шабров** в докладе «Человек как объект политики: грани глобального проекта», опираясь на концепцию глобального прогнозирования А.С. Панарина, раскрыл специфику России в условиях действия глобальных факторов, определяющих турбулентность динамики мирового развития. Глобальные структуры, присвоившие себе право управления миром, выстраивают систему управления, нацеленную на снижение степени социального разнообразия и упрощение общества, создание «человека служебного». Этому призвана служить «обновленная» система образования, в которой такие классические факторы и способы социализации человека, как общеобразовательная школа, исследовательский университет и книга, идеология, обречены на «отмирание». По словам докладчика, внедрение и развитие «общества глобального потребления» ведет к коллапсу цивилизации, утрате человеком своего существа.

Доклад доктора философских наук, профессора, главного научного сотрудника Института философии РАН **В.Н. Шевченко** «Итоги дискуссий об особенностях цивилизационного развития России: к выходу в свет трехтомной монографии о цивилизационном развитии России» посвящен результатам большой работы,

проделанной авторским коллективом – сотрудниками ИФ РАН – при выполнении планового задания по мегатеме «Российский проект цивилизационного развития» под руководством академика А.В. Смирнова. Докладчик проанализировал этапы развития дискуссии, возникшей в процессе многолетней работы, привел некоторые ее итоги. Главный итог, как он уточнил, состоит в том, что, с одной стороны, мы уверенно говорим о цивилизационном развитии России в онтологическом аспекте как о смене цивилизационных проектов, о тысячелетней истории цивилизации. Но, с другой стороны, нам очень рано утверждать о том, что наука вполне познала глубокое своеобразие российской цивилизации, которая, вернувшись, наконец, на свой путь, только начала по-настоящему осознавать себя цивилизацией. Выделена и другая существенная проблема, связанная с последствиями решения оппозиции «всечеловеческое vs общечеловеческое» в пользу всечеловеческого, которая давно стала предметом анализа и размышлений академика А.В. Смирнова. Общий вывод докладчика состоял в том, что капитальным трудом сотрудников ИФ РАН положено начало переосмыслению роли российской цивилизации в мировом сообществе цивилизаций с точки зрения признания ее права на особый самостоятельный путь развития. Именно переосмысление историософии российской цивилизации составляет сегодня главную задачу отечественной науки. Эта задача заключается в том, чтобы понять суть и будущее российской цивилизации как становление всечеловеческого.

Ведущий Чтений **Е.Н. Мощелков** в своем докладе «Система деструктивных действий Запада против российских духовно-нравственных ценностей (современный этап)» сделал акцент на ряде острых современных проблем противоборства коллективного Запада против нашей страны, которое развернулось в сфере ценностей и видится определяющей характеристикой глобального геополитического кризиса. Речь идет о противоборстве различных цивилизационных систем, а значит, и систем ценностей. В свою очередь, в основе нарастающего противостояния, как уточнил Е.Н. Мощелков, находится непреодолимое стремление лидера коллективного Запада – США – сохранить и укрепить мировое господство в новом мировом порядке, переход к которому, начавшийся не менее двадцати лет назад, приводит к конкретным результатам. Последние проявляются в том, что Америке никакими методами и мерами не удастся реализовать поставленные

цели. Поэтому новый мировой порядок, несмотря на неопределенность мировой геодинамики, все же приобретающий достаточно отчетливые черты, *не* включает в себя и *не* определяется «императивами» геостратегического господства «однополярного гегемона», хотя и не является лишенным черт гегемонии США, которая дополняется, помимо воли США, гегемонией других акторов мировой геополитики в разных сферах. Тем не менее в сознании коллективного Запада во главе с Америкой все еще господствует представление о мире как о конструкторе, наборе деталей, составных частей, которые возможно трансформировать в любую модель, учитывающую интересы и потребности якобы доминирующего Запада. В этом плане коллективный Запад, по сути, противопоставил себя человечеству в целом, «коллективному разуму», которому нужно сделать все, чтобы преодолеть эту губительную глобалистскую модель.

Доктор политических наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова **К.Ю. Аласания** в докладе «Материальность постматериального: о ловушках и заблуждениях теоретиков ценностей» акцентировала внимание на важности вопроса о том, какое представление о ценностях составляет цивилизационную основу государства. В западной цивилизации с ее рационализмом и прагматизмом ценность – это то, что должно быть обретено; то, что впоследствии будет использовано, то, что можно посчитать (капитализировать). Если перевести это на язык аксиологии, то становится понятным, что ценность в западной интерпретации – это цель, к тому же достижимая. Но основное заблуждение западных теоретиков ценностей заключается не в ошибочности трактовки как таковой, а в уверенности в том, что эта трактовка *универсальна*.

Доклад «Философия ценностей в нравственности, политике, праве и религии» **В.И. Шамшурина**, доктора социологических наук, профессора кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, по своей направленности посвящен разоблачению мифов о нарастающей секуляризации в обществах постмодерна. Докладчик аргументированно продемонстрировал, что ни о секуляризации, ни о десакрализации в эпоху так называемого постмодерна речи быть не может. Скорее, можно говорить о квазирелигиозности, эрзац-религиозности, точнее, о пара- или оккультной религиозности. По

мнению С.Н. Булгакова, существуют разные виды религиозных суррогатов, как, например, религия прогресса или человечества. Однако, поскольку в данном случае речь идет об отношении религиозном, оно связано именно с устремлением за пределы эмпирической данности к некоему трансцендентному ноумену. Далее В.И. Шамшурин раскрыл проблему православия в современном мире и современной жизни нашей страны. Православие – религия *лично*го спасения, а не коллективного ритуала. В связи с этим изучение, например, социологией религии состояний духа и научные результаты таких исследований могут быть недостоверными. Вопрос о ценностях в православии поставлен в контексте исследовательской деятельности и с позиции жизни, возможности ее спасения; прежде всего как спасения души, как основы жизни вообще, а не условия спасения как довольства тела, как источника жизни.

Доктор политических наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова **М.В. Яковлев** в докладе «Современные стратегии исследования духовно-нравственных ценностей в России» выделил две основные стратегии исследования духовно-нравственных ценностей и политических ориентаций, существующие сегодня в России: доминирующую и критическую. В рамках первой достигнут консенсус о том, что базой духовно-нравственных ценностей и политических ориентаций россиян служат идеи, которые можно объединить под началом традиционализма и аналитически рассмотреть в концептуальной призме умеренного консерватизма. Авторы, придерживающиеся второй стратегии, проблематизируют принятую интерпретацию традиции и нацелены на раскрытие противоречий, наблюдающихся в мировоззрении российских граждан, показывают значение хронической расколотости российского социума. Согласно выводу докладчика, пути решения ряда наиболее острых исследовательских проблем открываются в цивилизационном и иных подходах, которые способствуют сближению обеих стратегий, объединению их положительного потенциала и вместе с тем могут пролить свет, кажется, на давнюю и действительно наиболее важную, актуальную проблему политических духовно-нравственных ценностей, политических ориентаций российского общества (противоречивость, поляризованность, расколотость), которые, возможно, оформились в цивилизационную специфику России.

**И.С. Вевюрко**, кандидат философских наук, доцент кафедры философии религии и религиоведения философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, выступил с докладом на тему «Религиозные ценности: проблема применения». Докладчик исходил из утверждения о том, что религия – фактор национальной политики. С периода, когда Россия приобрела характер централизованного государства на больших полиэтнических пространствах, преобладание центростремительных тенденций над центробежными, кроме военной силы, обеспечивалось идеей, которая выходила за пределы настоящей жизни и консолидировала широкие народные массы. Это особенно проявилось в периоды общенациональных кризисов, когда обычный порядок обеспечения законности и охраны границ давал сбой. Таких кризисов, по подсчетам докладчика, три: Смутное время, распад Российской Империи и распад Советского Союза. Во время революционных потрясений наиболее сильной оказалась идея социальной утопии, когда счастье будущих поколений ставят выше собственного, со множеством религиозных аллюзий. С утратой веры в утопию система не нашла в себе сил существовать далее, хотя обладала внушительным военным, научным и промышленным потенциалом. Неудивительным представляется то, что после краха левой идеологии происходит возврат к религиозной риторике: другой основы, кроме христианства, русская цивилизация не имеет. Докладчик раскрыл существо «парадокса» религии: религию можно рассматривать в политике как средство, однако это средство будет действенным только при отношении к ней как к цели.

В докладе «Аксиологические аспекты модернизации: к вопросу о современности традиционных ценностей» **О.А. Ефремова**, кандидата философских наук, доцента кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, освещена проблема актуальности традиционных ценностей в ситуации современности, их способности быть механизмом модернизации. Полагая, что «ценности – предельные поведенческие ориентиры, позволяющие придать эффективному статус должного», докладчик определил условия, при которых традиционные ценности могли бы не только поддерживать связь с прошлым, но обеспечить и стабильность настоящего, и устойчивое развитие в будущем. Ключевым условием О.А. Ефремов считает возможность изменения ценностей, отражающего трансформацию общества и сохраняющего их адаптивный потенциал:

традиция должна сочетаться с новацией, включать ее в себя. Не менее значимы умение творчески учитывать чужой опыт, а также, без чего невозможно указанное выше, способность интеллектуалов осуществлять взвешенную критическую рефлексию по отношению к содержанию ценностей.

Проблема оснований существования и смены доминирующих цивилизаций представлена в докладе «Обострение противостояния в духовно-нравственной сфере в эпоху смены доминирующей цивилизации» **В.И. Большакова**, доктора философских наук, профессора кафедры философии и социально-политических технологий Российского государственного университета нефти и газа имени И.М. Губкина. Докладчик исходил из того, что в современную эпоху системного кризиса цивилизации время доминирования западной цивилизации и ее ценностей, которое установилось и развивалось не менее полтысячелетия назад, подошло к концу, и эта цивилизация лишается статуса доминирующей. Но кто будет доминировать в дальнейшем, кто станет ее преемником в этом? Иных претендентов, кроме российской цивилизации, не существует: именно русской цивилизации предстоит стать ведущей в будущей мировой цивилизационной системе. В любом случае проблемы цивилизационного доминирования остры, и над их осмыслением предстоит много работать.

Существует ли многообразие ценностей? Как их измерять и ранжировать? Над этими непростыми вопросами размышляла доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы **М.М. Мчедлова** в докладе «Ценностные системы как основание политического ранжирования мира». Докладчик подчеркнула, что сложный процесс ценностных трансформаций в России привел к дифференциации и диверсификации ценностных ориентаций. Однако сегодня, по ее мнению, можно констатировать фундаментальный вектор: органичные для политической и духовной жизни России глубинные ценностные основания воспроизводятся и в случае, даже если она проходит через резкие сломы, деформации и интериоризацию ценностей модернизации. Прежде всего это запрос на сильное государство и социальную справедливость, т.е. на ценности, имеющие для России онтологическое значение. Докладчик далее сосредоточилась на общем характере современных трансформаций, суть которой состоит в противостоянии и борьбе двух трендов:

линейного метанарратива модерна, в контексте которого сформировались так называемые универсальные общечеловеческие ценности, и социокультурного плюрализма постсовременности, обусловившего распространение нового политического нарратива «всеобщей оспариваемости». В этом скрыты корни проблем, связанных с ранжированием ценностей и отраженных в докладе М.М. Мчедловой. Докладчик резюмировала, что в современном мире господствуют три исходных позиции, и они определяют принципы ранжирования ценностей: идентичность, традицию и устойчивость. Свидетельством этому служит высокая востребованность идентитарного дискурса.

В докладе «Система высшего профессионального образования в России как источник традиционных ценностей: практические подходы к воспроизводству духовно-нравственных ценностей» *Д.С. Путильцева*, заместителя директора Федерального центра гуманитарных практик Российского государственного гуманитарного университета, отражена проблема формирования духовно-нравственных ценностей в системе образования. Главной темой доклада стала роль высшего образования в геополитической борьбе, которая сегодня разворачивается. Д.С. Путильцев начал с констатации общественного запроса на усиление роли всех инструментов социализации, при этом образованию отведена главенствующая роль в обеспечении защиты национальных интересов России и ее стратегической безопасности. Рассказывая о деятельности Центра гуманитарных практик, он сделал акцент на том, что она базируется на изучении развития российского высшего образования, в котором подход, ориентированный на государство, всегда выполнял ключевую роль, как до Революции 1917 года, так и в Советском Союзе. Далее докладчик ознакомил участников конференции с методами и подходами, которые разрабатывают в Центре гуманитарных практик. Так, он особо остановился на методе сквозного образовательного формата, нацеленном на формирование личной причастности обучающегося к традициям, традиционным ценностям.

*Н.Г. Яковлева*, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра институтов социально-экономического развития Института экономики РАН, доцент Научно-образовательного центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, в докладе «Образовательный империализм: про(ре)гресс человеческого потенциала»

раскрыла важнейшие противоречия в современном образовании. Современный уровень развития технологий и, как следствие, изменения в содержании труда обусловили превращение человека в основной фактор социально-экономического развития. Это, в свою очередь, предопределило переход образования в одну из главных сфер общественного производства, в которой формируется человеческий потенциал. В связи с этим неолиберальный капитализм конца XX – начала XXI века вынужден был усиливать не столько «внешнюю» агрессивную экспансию, сколько «внутреннюю», вторгаясь в сферы, которые ранее не были рыночными (образование, здравоохранение, наука, культура), чтобы коммерциализировать их. Если говорить о форме, которую приобрело образование в XXI веке под воздействием рыночно-капиталистических отношений, то ее можно назвать рыночно ориентированной, или, иными словами, очевидны маркетизация и финансиализация образования. Отличительной чертой империализма XXI века видится то, что глобальный финансовый капитал посредством образования подчиняет себе человека и в целом человеческий потенциал общества, развивая его не в интересах прогресса человечества, а в своих узких рыночно-империалистических целях.

Доклад «Аксиосфера русской культуры: вопросы структуры и эволюции» **Д.Е. Музы**, доктора философских наук, профессора, заведующего кафедрой культурологии Донецкого государственного университета, посвящен проблеме состояния аксиосферы культуры русской цивилизации в ситуации глобальных трансформаций. Докладчик, будучи солидарным с А.С. Панариным в том, что в аксиосфере присутствуют «светлый космизм», этика общего дела, материнский архетип, демократия равенства, общее спасение, определил условия, при которых эти ценностные преференции могут быть реализованы в контексте «культуры отмены». Ключевым условием Д.Е. Муза считает «творческое время», позволяющее реализовать указанные ценности в будущем, невзирая на их «запрет» коллективным Западом.

В докладе под названием «Динамика наследования традиционных духовно-нравственных ценностей России в условиях современного цивилизационного противостояния» **Ю.А. Закунова**, кандидата философских наук, ведущего научного сотрудника, руководителя Центра наследования культуры Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, ценность определена как сила, имеющая своим

началом данные от природы качества, направленность (задание) и форму осуществления (интенсивность). В ситуации угроз культурно-цивилизационному суверенитету России со стороны агрессивного масскульта показана исключительная важность активизации процесса культуронаследования, сосредоточенного на формировании и развитии в личности целостного духовно-душевно-телесного культурного акта, который можно признать системообразующим деятельностным центром. В нем данные от божественной природы первичные силы души встречаются с заданной свыше духовной (метафизической) сферой бытия, побуждают к созидательному творчеству в самобытной национальной форме. Подлинными являются ценности надвременные, внепространственные, всеобщие, неумозрительные, на которые, как правило, ориентировалась историческая Россия и которые, благодаря процессу наследования культуры, дают возможность человеку пребывать в вечности. Чтобы успешно противостоять иным цивилизационным альтернативам, этот процесс должен быть по форме преимущественно национально-традиционным и художественным (образно-символическим), по средствам воздействия и коммуникации – образовательно-воспитательным, по цели (смыслу) развития – метафизическим, религиозным (ориентация на абсолютное совершенство).

В докладе «Парадигма евразийства как духовная альтернатива однополярному миру» *А.Х. Денильханова*, кандидата политических наук, доцента кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, раскрыта проблема выработки новых форм сотрудничества между государствами. Докладчик обратил внимание на то, что глобализационные процессы сформировали новую онтологию миропорядка, и в геополитическом пространстве появились альянсы государств с идеологическими концепциями, пересматривающими основополагающие ценности культуры. В этой связи докладчик считает наиболее перспективным стратегическим внешнеполитическим ориентиром для России парадигму евразийства. Данный тезис обоснован тем, что в условиях мирового тренда на многополярность создаются альянсы государств, ориентированные на сохранение самоидентичности и традиционных ценностей культуры как альтернативу гегемонии идеологических установок, культивируемых коллективным Западом. Докладчик констатировал, что одна из приоритетных задач политической науки сегодня –

критически переосмыслить международную повестку, поскольку формируется новая парадигма истории человечества, в рамках которой старому однополярному миру бросили вызов государства с самобытной культурой, объединяясь в альянсы на основе общей системы материальных и духовных ценностей.

Доцент кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ, кандидат политических наук **В.В. Блинов** выступил с докладом «Верховенство обязанностей над правами как основа традиционных культур». В докладе развита мысль о том, что человек является продуктом народа, приобретая сознание с усвоением языка и культуры. При демократии воля каждого движется эгоистичными потребностями, которые оказываются выше идеалов служения народу. Нежелание продолжать род, представление о государстве как техническом союзе для обеспечения комфорта – черты представителей современных демократий. Они указывают на разложение обществ, которые вскоре могут исчезнуть вследствие демографического вырождения и ассимиляции более жизнеспособными культурами. В.В. Блинов заключил, что здоровое общество, способное к самовоспроизводству и процветанию, характеризуется качествами, которые между собой органично переплетены: 1) патриархальная семья; 2) господство нравственных авторитетов; 3) подчинение личных прав и свобод общенародным интересам.

**Ю.С. Черняховская**, доктор политических наук, руководитель Центра изучения политической культуры Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, в докладе «Фантастические образы в проектно-смысловой конкуренции XXI века» акцентировала внимание на роли фантастических образов в презентации конкурирующих мировых смысловых проектов в условиях XXI века. Эти образы, являясь несущими образными началами, в условиях определенного снижения авторитетности сугубо рационалистической риторики способны приобретать мотивирующее значение и оказывать мобилизующее воздействие на политическое поведение социальных групп. Докладчик обратила особое внимание на способность фантастических образов выражать ожидания, интуитивно формирующиеся в политическом сознании человека, а также, действуя в творчески фантастическом пространстве, представлять не только ближайшие, но и более глубокие свойства

тех или иных конкурирующих политических проектов. Такие образы во многих случаях носят метафорический и фантастический характер, но именно ввиду этого увлекают политических акторов на действие, обладая для последних значением большим, чем собственная их жизнь.

В докладе «Противостояние доминирующих векторов цивилизационного развития в условиях XXI века: постмодерн, контрмодерн, сверхмодерн» **С.Ф. Черняховского**, доктора политических наук, главного научного сотрудника Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, выдвинут тезис, согласно которому в современных условиях конкуренция мировых проектов предстает не между различными цивилизациями, трактуемыми как социумы в их различных историко-географических и культурных особенностях, а между противостоящими векторами цивилизационного развития: постмодерном, контрмодерном и сверхмодерном. Под постмодерном подразумевается общество отказа от гуманистического рационализма эпохи Модерна при абсолютизации ценности комфорта и потребления, равно как и «горизонтально-нисходящей» модификации этической и биологической сущности человека. Под контрмодерном – общество обратного, регрессивного развития, отказа от сущностных начал Модерна, в первую очередь от веры в человека и его разум, рационализма, ценностей эпохи Просвещения и представления о восходящем характере прогресса, возврат к религиозности и абсолютизации традиционализма. Под сверхмодерном докладчик предлагает понимать общество, ориентированное на возвышающее развитие человека, сохраняющее рационально-гуманистическое содержание Модерна, но отказывающееся от абсолютизации комфорта, потребления и ставящее на их место познание и созидание, «вертикальный прогресс», предполагающий максимальное развитие творчески созидующих способностей человека.

**Т.Н. Седых**, кандидат политических наук, доцент кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, выступила с докладом на тему «Концепция “общей идеи” как основа нормативно-ценностной системы современного российского общества», в котором было отмечено, что выбор дальнейшего пути развития общества неизбежно сопряжен с решением проблемы, которая возникла в нашей стране еще в

«перестроечный» период. Речь идет о «чувстве утраты смысла» созидательной деятельности. Выдающиеся достижения, ускоренное развитие, получение исключительных результатов в России всегда связаны с Идеей, понимаемой и принимаемой обществом в целом. Установки на «личные достижения» и «поиски индивидуальности», движение вперед «любой ценой» ради собственного счастья и удовольствия, которые стали во многом основой «этики успеха» многих западных стран, не прижились на российской почве. Для русского человека самая малая задача должна быть включена в масштабные проекты, колоссальные цели общества. Сегодня, по мнению докладчика, ясная формулировка и постановка для всех членов российского общества общих целей и задач не столько желательны, сколько жизненно необходимы.

*А.В. Никандров*, кандидат политических наук, старший научный сотрудник кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, в докладе «Система советских духовно-нравственных ценностей: основание новой традиции» дал развернутую характеристику процесса становления системы советских ценностей, начиная со «сталинского поворота» 30-х годов XX века. Докладчик подробно исследовал период 30-х годов, когда под руководством И.В. Сталина в советской политике и культуре был осуществлен поворот от интернационализма и мирового революционаризма к советскому этатизму, государствоцентризму и патриотизму, в ходе которого идеи мировой пролетарской революции, единства пролетариата мира и мировой социалистической республики уходили на второй план, а идеи патриотизма, любви к Родине, Советскому государству, наоборот, выдвигались на первый. Актуальность темы доклада А.В. Никандров обосновал связью событий сталинской эпохи и современных реалий, ситуацией отказа Российского государства от неолиберально-глобалистических установок и перехода к принципам государствоцентризма.

*А.Б. Рудаков*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела культурологии Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, в докладе «Мониторинг продвижения российских ценностей за рубежом как инструмент мягкой силы в контексте геополитической конкуренции» на основании анализа положений Стратегии национальной безопасности, Основ государственной культурной политики, Концепции внешней политики РФ, а также Основ государствен-

ной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей пришел к выводу о том, что на государственном доктринальном уровне укоренилось представление о культуре, исторической памяти и традиционных духовно-нравственных ценностях как ведущих аспектах «мягкой силы» страны на мировой арене. В соответствии с выделенными критериями эффективности и базовыми социокультурными процессами, в логике которых происходит продвижение российских ценностей, докладчик предложил разработанную им модель мониторинга продвижения российских ценностей за рубежом.

В докладе «Цивилизационное многообразие как ценность в свете концепции Н.Н. Моисеева» кандидата философских наук, доцента кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова **А.Г. Сытина** основное внимание было сосредоточено на связи проблематики духовно-нравственных ценностей с темой цивилизаций и цивилизационного многообразия. Докладчик указал на то, что термин «цивилизация» возникает сначала во французской публицистике и связан с тематикой французского, шире – европейского Просвещения. Он означает у Мирабо-старшего прежде всего «цивилизованность», переход к большей культуре поведения, т.е. мыслится первоначально поверхностно. О «цивилизациях» во множественном числе впервые начинают говорить лишь в XIX веке, и первая теория локальных цивилизаций, цивилизаций как равноценных типов культур, возникает именно в русской философско-политической мысли. При таком понимании цивилизаций их ядром служат именно преобладающие в них системы ценностей. В русской мысли изначально присутствует уважительное отношение к различиям в системах ценностей, цивилизациях и культурах (например, идеи Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, Н.С. Трубецкого). Однако обоснование ценности такого многообразия, пожалуй, наиболее широко представлено в трудах Н.Н. Моисеева, который связал это многообразие с задачами выживания человечества при быстрых и глубоких изменениях антропологических условий жизни.

По традиции в конференции участвуют аспиранты кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Традиция не нарушена и в этот раз: с докладами выступили **Е.А. Каргин** («Проект православной цивилизации А.С. Панарина через призму межцивилизационного взаимодействия»), **В.Р. Лунев** («Задачи философии пра-

ва в современном геополитическом контексте: актуализация связи права и нравственности в теории Л.И. Петражицкого», **Г.Н. Круглов** («Суверенность», «самодеятельность» и «ответственность» как ценностные принципы демократии в концепции А.С. Панарина»), **Н.В. Мельников** («Политическая умеренность как ценность в контексте трансформации мирового порядка»), **Н.И. Бондаренко** («Соотношение личности и общества в системах ценностей российской и западной цивилизаций»), **Д.А. Якуничев** («Роль духовно-нравственных ценностей в формировании многополярного мира»), а также аспирант кафедры философии языка и коммуникации **Х. Лисовски** («“Анти-культура” в западной системе эксплуатации»). Среди докладчиков – и аспиранты философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, приехавшие обучаться в Россию из Китая: **Чэнь Панли** («Конфуцианские ценности в современной китайской политике»), **Ян Чжунсунь** («Духовные ценности даосизма в современной китайской политике»), **Чжоу Чжэньхуа** («Ценностные основания взаимодействия России и Китая в сфере развития человеческого капитала»), **Фань Вэньбин** («Духовно-нравственные ценности в перспективе философии войны: силовые и этические игры в геополитике»), **Ли Вэнтай** («Глобализация и коммуникация: реальность межкультурного взаимодействия сегодня»).

В заключительном слове Е.Н. Мощелков, подводя итоги XXII Панаринских чтений, отметил высокую степень заинтересованности участников в обсуждении проблем современной российской и мировой политики. Профессор Мощелков констатировал, что тема настоящей конференции, «Духовно-нравственные ценности в геополитическом противостоянии XXI века», была предметом особого научно-политического интереса А.С. Панарина, который своими трудами осветил перспективы развития и проявления этой проблематики в ее различных, в том числе неожиданных, измерениях и ракурсах. Книги А.С. Панарина продолжают вдохновлять современных ученых к продолжению поиска ответов на актуальные вопросы в условиях острых вызовов истории.

## ЖУРНАЛ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ»

был учрежден в 1958 году Министерством высшего образования СССР как научное образовательное просветительское издание для системы отечественного образования и по сей день служит эффективным методическим пособием для работников органов образования, школ, вузов, научных сотрудников, аспирантов и преподавателей социально-гуманитарных дисциплин. Статьи журнала посвящены как классическим темам, так и актуальным проблемам современности и перспективам социокультурного развития человечества.

### **Особое внимание в журнале уделяется вопросам развития отечественного образования, науки, социально-гуманитарного знания и популяризации науки.**

В этих целях журнал сотрудничает с

- ♦ институтами Российской академии наук, в том числе, с Институтом философии, Институтом психологии, с Федеральным научно-исследовательским социологическим центром РАН, Российской академией образования, Российской академией естественных наук, Академией политической науки, Академией гуманитарных исследований;
- ♦ соответствующими комитетами и Экспертными советами Государственной Думы и Совета Федерации ФС РФ, в том числе, с Научно-экспертным советом при Председателе Совета Федерации ФС РФ;
- ♦ кафедрами философии, социологии, политологии, культурологии, истории, экономики, права, биологии, педагогики вузов и научных центров России и зарубежных стран.

Основными целями сотрудничества являются:

- ♦ обеспечение эффективной коммуникации внутри российского гуманитарного научного сообщества и его взаимодействие с государственными структурами и общественными организациями;
- ♦ распространение новейших достижений отечественных исследователей в области социально-гуманитарных дисциплин как среди вузов и научных центров, так и их популяризация среди широкой общественности в регионах Российской Федерации;
- ♦ активное участие в работе научных и научно-практических конференций, круглых столов, семинаров, мастер-классов, проводимых тематически родственными научными и образовательными учреждениями, государственными структурами и общественными организациями;
- ♦ продвижение отечественного социально-гуманитарного знания в российских регионах и на международных площадках, повышение престижа отечественной науки за рубежом.

---

### **Aims and Scope**

*Russian Journal of Philosophical Sciences* = *Filosofskie nauki* is a peer-reviewed monthly journal published in Russian and English languages. The journal was founded in 1958 as a scientific and educational periodical for the educational system. The papers of the journal are dedicated to classical problems of philosophy as well as to important issues of the modernity and prospects of sociocultural and civilizational development of humankind.

С условиями публикации материалов в журнале и порядком рецензирования статей можно ознакомиться на сайте:  
<https://www.phisci.info/jour/about/submissions#authorGuidelines>

### **Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса Россия» – 45490**

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77 – 15513 от 20 мая 2003 г.

Подписано в печать 15.08.2025 г. Формат 60x90/16. Печать цифровая.

Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0. Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано в типографии Издательского дома «Гуманитарий».

E-mail: [humanist@academyrh.info](mailto:humanist@academyrh.info)